

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Российская филологическая наука и зарубежное славянство

**Ю.И. Венелин
в Болгарском
возрождении**

Москва 1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Ю. И. ВЕНЕЛИН

В БОЛГАРСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Г. К. Венедиктов

Москва
1998 ~

Сборник "Ю. И. Венелин в Болгарском Возрождении" посвящен характеристике разных проблем болгаристической деятельности Ю. И. Венелина – одного из первых российских славяноведов, зачинателя отечественной болгаристики. В нем освещается роль Ю. И. Венелина в развитии болгарской возрожденческой литературы, дана оригинальная интерпретация известного труда ученого "Древние и нынешние болгаре" (1829) как научно-художественного, синкретического по своему жанру, произведения. С привлечением богатых архивных материалов подробно анализируются взгляды Ю. И. Венелина на болгарский язык как на самостоятельный славянский язык и его концепция устройства нового болгарского литературного языка. Охарактеризованы также программа путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию, данная ему Российской академией, и результаты этого путешествия. Сборник содержит библиографию всех печатных трудов Ю. И. Венелина и выявленных многочисленных работ о нем.

Редколлегия:

доктор филологических наук Л. Н. Смирнов,
кандидат филологических наук М. Г. Смольянинова

Сборник подготовлен при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований

ISBN 5-7576-0044-6

© Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1998

Юрий Иванович Венелин
1802—1839

От редактора

В марте 1989 г. исполнилось 150 лет со дня смерти Юрия Ивановича Венелина (1802–1839) – одного из первых российских славяноведов, зачинателя отечественной болгаристики. Научная деятельность этого историка и филолога, лекаря по образованию, первым из российских ученых совершившего по решению Российской академии путешествие в Болгарию, сыграла заметную роль в новейшей истории болгар в XIX в., связанной с их освобождением от многовекового османского политического господства и духовного гнета фанариотов. Труды Ю. И. Венелина, его яркие, страстные слова в защиту забытых просвещенной Европой болгар в немалой степени способствовали подъему национального самосознания братского нам болгарского народа, содействовали ускоренному развитию его национально-культурного возрождения. Эти и другие аспекты научной деятельности Ю. И. Венелина давно привлекают внимание отечественных и зарубежных, особенно болгарских, ученых. О большом интересе современных ученых и общественности к жизни и научному творчеству Ю. И. Венелина свидетельствуют, кроме большого числа вышедших из печати работ, состоявшиеся в 1989 г. в Ужгороде и Софии представительные международные конференции, посвященные 150-летию со дня его смерти, и подготовленный к этой дате, но, к сожалению, так и не изданный еще совместный сборник статей ученых разных стран “Ю. И. Венелин и Возрождение Болгарии”. Предлагаемый вниманию читателей сборник “Ю. И. Венелин в Болгарском Возрождении” включает статьи ученых Российской академии наук, освещающие некоторые вопросы болгаристической деятельности ученого. В нем характеризуется роль Ю. И. Венелина в развитии болгарской возрожденческой литературы, дана оригинальная интерпретация известного труда ученого “Древние и нынешние болгаре” (1829) как научно-художественного по своему жанру произведения. С привлечением богатых архивных материалов подробно анализируются взгляды Ю. И. Венелина на болгарский язык как на самостоятельный славянский язык и его собственная концепция устройства нового болгарского литературного языка. Охарактеризована также программа путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию и его результаты. Сборник содержит библиографию печатных трудов самого ученого и многочисленных работ о его жизни и ученой деятельности.

Приношу искреннюю благодарность Валерии Сергеевне Ефимовой за проделанную ею техническую работу по подготовке к изданию настоящего сборника.

Г. К. Венедиктов

ЮРИЙ ВЕНЕЛИН И БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Писатели болгарского Возрождения прекрасно знали произведения Юрия Венелина и активно использовали его идеи в своей просветительской деятельности, национально-освободительной борьбе, в своем творчестве. Для них сочинения Венелина по существу стали программой действий по возрождению болгарской нации и ее культуры. Едва ли в истории мировой культуры можно отыскать подобное феноменальное явление, когда молодой ученый одного народа оказал бы столь мощное воздействие на духовную жизнь другого народа.

Юрий Венелин высоко ценил древнеболгарскую литературу. "Можно с достоверностью полагать, — писал он, — что ни одно из славянских племен не имело столько рукописей на своем наречии, как болгаре... Кто из европейских народов может похвалиться такою письменною древностью на своем языке?"¹. На основе анализа старых славянских и греческих рукописей он пришел к выводу о том, что христианство было распространено среди болгар задолго до официального его принятия болгарским государством при царе Борисе (в 864 г.). В спорном вопросе о происхождении Кирилла и Мефодия ученый придерживался мнения, что создатели славянской азбуки являлись болгарам, родившимися в славянских землях, находившихся под византийской властью. И именно потому просветители стремились помочь культурному возвышению соотечественников². Стремясь обратить внимание исследователей на некогда могущественный, образованный, а к началу XIX века почти забытый европейцами поработанный болгарский народ, Юрий Венелин бросал упрек русской общественности: "Пусть иностранцы, по неведению или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили читать, писать, на коих природном языке совершается наше богослужение, ... коих колыбель сопряжена неразрывными узами с колыбелью русского народа"³.

Новую болгарскую литературу Юрий Венелин явно недооценивал. В исследовании "Древние и нынешние болгаре..." (1829), в разделе "Литература" ученый писал: "О болгарской литературе нечего и говорить, ибо она еще не возродилась"⁴. Удивляться такой

недооценке не приходится. Ведь написанное в 1804 году яркое произведение Софрония Врачанского "Житие и страдания грешного Софрония" не известно Венелину, так как впервые оно было опубликовано в 1861 году Г. Раковским в газете "Дунавски лебед"⁵. "История славяноболгарская" Паисия Хилендарского также еще не издана и не известна ученому. Единственное произведение, которое характеризует Венелин в разделе "Литература" – "Рыбный букварь" – П. Берона (1824)⁶. Петр Берон был личностью ренессансной многогранности, он относился к тому типу деятелей культуры болгарского Возрождения, который органично соединил в себе писателя, врача, педагога, ученого. Он издавал свои труды по различным отраслям знаний на болгарском, французском, немецком, греческом и латинском языках. Берон явился реформатором учебного дела в Болгарии, противопоставившим старому религиозному обучению новое, светское образование, утверждавшим демократические принципы в педагогике. В истории болгарской литературы Берон остался прежде всего именно благодаря своему "Рыбному букварю" – первому новоболгарскому учебнику, в котором автор поведал читателю о греческой и римской истории, философии, о жизни народов разных стран, о флоре и фауне земли. Эта первая в потоке религиозной литературы светская книга носила энциклопедический характер: "Я не видел ни одной русской азбуки, – писал Венелин, – которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей ее ясно, слог приятный, показывающий, что болгарский язык гибок для всяких оборотов"⁷. Ученый чутко уловил значимость этой книги, поняв, что она является важной вехой в болгарском историко-литературном процессе.

В 1837 году Венелин опубликовал в "Московском наблюдателе" статью "О зародыше новой болгарской литературы", а в 1838 году эта статья вышла отдельной брошюрой в Москве. Она дважды была переведена на болгарский язык в эпоху Возрождения (в 1842 г. – М. Кифаловым⁸ и в 1860 г. – Н. Даскаловым⁹). В данной работе Венелин выражал глубокое сожаление по поводу того, что столь рано зародившаяся болгарская литература, от которой должно было ожидать блестящей будущности, ныне находится в плачевном состоянии. Причиной этому является, по мнению ученого, политическая судьба народа: двухсотлетнее византийское иго, многовековое турецкое владычество, уничтожение болгарской патриар-

нии, введение богослужения на греческом языке, истребление болгарских рукописей.

Венелин знакомит русского читателя с духовной жизнью болгарского народа; делится своими впечатлениями, полученными во время путешествия по Болгарии, совершенного по поручению императорской Российской академии; рисует невежество болгарского народа, главную причину которого он видит в духовной зависимости болгар от греческих фанариотов; информирует о болгарских книгах, вышедших в 20–30-е годы XIX века (о произведениях Неофита Рильского, Константина Огняновича, Анастаса Кипиловского, Христанки Павловича, Эмануила Васкидовича, Райно Поповича, Георги Пешакова и др.). Особо выделяет ученый “Грамматику” Неофита Рильского (1835 г.), в частности лучшую ее часть – филологическое предуведомление, в котором Неофит Рильский высказывает взгляды, сходные со взглядами Венелина касательно диалектов болгарского языка. Стараясь прояснить спорные вопросы болгарского литературного языка, Венелин заблуждался, полагая, что членные формы уродуют язык. Он не мог понять, что членные формы, постепенно заменяющие падежные окончания, появились в результате развития новоболгарского языка. Нужно сказать, что лингвистические воззрения Венелина оказали воздействие на некоторых писателей эпохи Возрождения. Так, Георгий Раковский написал революционную поэму “Лесной путник” (1857 г.) без членных форм. Не употреблял их и родоначальник болгарской повести Васил Друмев в повести “Несчастный род” (1860 г.). Правда, во втором издании этой повести, вышедшем тринадцать лет спустя (в 1873 г.), Друмев уже отказался от усечения членных форм, поняв, что это противоестественно для болгарского языка. Влияние авторитета Венелина заметно и в болгарских переводах брошюры “О зародыше болгарской литературы”, выполненных М. Кифаловым и Н. Даскаловым. Оба перевода выполнены соответственно лингвистическим взглядам автора, в них отсутствуют членные формы.

Об отношении Венелина к новой болгарской литературе и цели, которую ставил перед собой ученый, свидетельствуют заключительные строки работы: “Я взялся за перо не с намерением критиковать новонарождающуюся болгарскую литературу, но с намерением подать ей руку, как ребенку, который только что пытается встать на ноги...”¹⁰

Венелин действительно подал руку помощи болгарской литературе, но не критическими оценками произведений современных ему болгарских авторов (одни из которых были справедливы, другие – ошибочны). Его помощь заключалась в ином. Он определил пути становления новой литературы, наметил направления в развитии болгарской литературы эпохи Возрождения.

Юрий Венелин выдвинул чрезвычайно плодотворную идею о создании эмигрантских центров развития болгарской литературы, поскольку в пределах Османской империи власти часто запрещали вести культурно-просветительскую работу, издавать литературные произведения (если они не отличались туркофильской направленностью). “Конечно, при упомянутых обстоятельствах, – считал Венелин, – нельзя ожидать, чтобы новая болгарская литература зародилась в пределах Турции. Однако есть богатые болгары и вне Турции, в Бухаресте, Галацах, Браилове, Бессарабии, в Одессе, в Трансильвании, в Песте. В этих-то местах они могли бы заняться не только изданием азбук, грамматики, прописей и других учебных книг, но и устройством первых училищ... Таким точно образом началась вне Турции как ново-греческая, так и ново-сербская литература”¹¹. И действительно, позднее возник ряд центров культурного развития вне Турции: Одесса, Москва, Николаев – в России, Бухарест, Браила, Галац – в Румынии и др., где болгарские эмигранты вели активную борьбу за освобождение родины, просвещение нации, ее культурное развитие. Таким образом, создается ряд эмигрантских линий в болгарской литературе. Часто литература эмигрантов была более выразительной, чем зажатое в тиски цензуры, во многом закрытое для передовых веяний литературное творчество внутри страны. Именно она-то нередко являлась авангардом болгарского литературного процесса, определяя направление его развития. В сороковые годы XIX века роль такого авангарда сыграла болгарская одесская эмиграция (Н. Геров, Д. Чинтулов, В. Априлов, Н. Палаузов и др.); в конце 50-х и в 60-е годы – болгарская московская эмиграция (Л. Каравелов, Н. Бончев, Р. Жинзифов, В. Попович, К. Миладинов и др.). В начале 70-х годов XIX века ведущую роль в культурном развитии нации и в подготовке ее к революции стали играть болгарские эмигрантские центры, расположенные в Румынии: Бухарест, Браила, Галац и др. В Румынии работали в те годы Х. Ботев, Л. Каравелов, Д. Войников, В. Левский, В. Друмев и другие выдающиеся представители болгарского Возрождения.

Работы Ю. И. Венелина в значительной степени определили решительный поворот в духовной ориентации болгарской нации. В первой трети XIX века значительным для зарождающейся болгарской литературы было греческое литературное влияние. Основоположники новой болгарской литературы переводили и перерабатывали тексты древнегреческих философов и писателей. Крупными знатоками и ценителями греческой культуры были Софроний Врачанский, Петр Берон, Неофит Рильский, Григор Пырличев, Никола Пиколо. Последний издал в Париже тексты и комментарии древнегреческих писателей, которые не потеряли своего научного значения до наших дней. Античная литература (преимущественно греческая) широко переводится, пересказывается болгарскими литераторами эпохи Возрождения. Болгарский читатель знаком с произведениями и отдельными сентенциями Гомера, Геродота, Ксенофонта, Лукриана, Эзопа, Плутарха, Софокла и др. Связь с античной культурой — важный момент в зарождавшейся светской культуре эпохи Возрождения. Вместе с тем Греция, связанная морскими путями с Западной Европой и ранее болгар освободившаяся от турецкого ига, развивается быстрее, чем Болгария, и является посредницей в их знакомстве с культурой ряда европейских стран.

Но на определенном этапе греческое влияние стало тормозом собственно болгарского культурного развития. Некоторые образованные болгары, будучи яркими грекофилами, стыдились своего болгарского происхождения. Они вели деловую переписку только по-гречески, детей своих обучали только греческой азбуке. Путешествуя в 1830 г. по Болгарии, Венелин неоднократно встречался с детьми, писавшими болгарские слова греческой скорописью, не знавшими родной азбуки. «Таким образом, — писал Венелин, — не мог я вспомнить без грусти, что народ некогда столько писавший, в XIX веке начал лишаться своих письмен, и снисходить, так сказать, на степень чужаества, — народ даровитый, трудолюбивый, воинственный!»¹². Греческие фанариоты, вынашивавшие «мегалидею» (великую идею) эллинизации болгар, препятствовали развитию национальной культуры, изгоняя болгарский язык из церквей и училищ, отчего, по мнению Венелина, немало пострадала литературная будущность болгарского народа: «...Греки, не зная болгарского языка и не имея никакого национального сочувствия со своею паствою, не могли ощущать ни малейшего энтузиазма к поддержанию Болгарской письменности.

Мне многие говорили, что даже были гонения на церковно-славянские книги! Я не мог разобрать настоящей причины этого гонения на славянские книги. Оттого ли, что епископы, не зная языка, опасались нет ли в них ереси или просто делали это из патриотизма для распространения греческого языка вместе с богослужением? Как бы то ни было, однако, достоверно то, что между греками и болгарами тянется некоторая вражда историческая, весьма вредная для рукописей. Под такую же нетерпимостью ныне находятся и болгарские народные училища”¹³.

Книги Ю. И. Венелина поистине произвели переворот в сознании многих образованных болгар. Например, проживавший в Одессе болгарский торговец В. Априлов (1789–1947) был ярким грекоманом, участвовал в греческой гетерии, материально помогал греческому Возрождению. Уже первая книга Ю. Венелина – “Древние и нынешние болгаре...” (1829) потрясла его, как бы воскресила для него родину, вернула ему болгарское самосознание. Под влиянием Венелина Априлов стал болгарским патриотом-будителем, идеологом просветительского движения. В 1835 году он на свои средства основал Габровское училище – первую светскую общедоступную школу, куда принимали учиться детей всех сословий, где обучение было бесплатным. Вместе со своим единомышленником Н. Палаузовым он помогал и другим светским школам, открывшимся в разных городах Болгарии. Априлов был убежден, что Возрождению болгарской нации помогут прежде всего литература и демократическое светское образование. В 40-ые годы XIX века он стал одним из лидеров в литературной жизни болгарской одесской эмиграции. Априлов осуждал эллинофильские увлечения некоторых болгарских просветителей, став приверженцем русского культурного влияния. В лице Венелина он, как и другие болгары, увидел “того Гения, который может извлечь их из неизвестности, ознакомить их с их братьями русскими и поставить их наравне с просвещенными народами”¹⁴. Естественно, что в той бурной полемике, которая разгорелась в 30–40-е годы между грекофилами (Р. Попович, И. Селиминский, Эм. Васкидович, К. Огнянович) и русофилами (Кипиловский, Априлов и др.) по вопросу об ориентации в развитии болгарской культуры, Априлов стоял на русофильских позициях, считая, что становлению национального самосознания болгар поможет прежде всего Россия. Поэтому он писал об И. Селиминском, пославшем болгар учиться в Афины: “Должно было ему направить путь не к югу, а к северу,

ибо, если когда-либо Болгаре увидят у себя правильные учебные заведения и народную литературу, то это будет не иначе как посредством изучения своего собственного языка, помощью русских и славянских книг. Истина сия рано или поздно восторжествует"¹⁵. Странники греческой ориентации были уверены, что болгары могут познакомиться с европейской культурой лишь через греческий язык. В предисловии к книге "Христиния, или благонаравие" (1837) Р. Попович писал: "Болгария не имеет никакого отношения к России. Болгария неразлучно соединена с Грецией"¹⁶. Грекофилы недооценивали опасности эллинизации, не понимали, что греческая буржуазия и фанариоты отнюдь не заинтересованы в развитии болгарской культуры, в национальном самоопределении болгар.

В 40–70-е годы XIX века все больше болгар едет учиться в Россию. В России учились и работали многие болгарские писатели: Г. Раковский, Д. Чинтулов, Н. Геров, Н. Бончев, Р. Жинзифов, Хр. Ботев, В. Друмев, Л. Каравелов, К. Миладинов, Н. Катранов, Ст. Стамболов и др. Становление болгарской художественной литературы проходило под мощным воздействием русской литературы. Сочинения Юрия Венелина способствовали повороту в духовной ориентации болгар, возврату болгарской литературы к славянской традиции.

Этот поворот ярко просматривается на примере семьи болгарского поэта и публициста Райко Жинзифова. Его отец Иоан Дзинзиф, настроенный эллинофильски, дает сыну греческое имя Ксенофонт, записывает его в греческое училище, сам обучает его греческому языку. А сын меняет греческое имя Ксенофонт на болгарское – Райко, получает высшее образование в России, сближается со славянофилами и становится борцом против засилья греческих фанариотов в училищах и церквях Болгарии. Тридцатые годы XIX века Райко Жинзифов справедливо называл временем Юрия Венелина, который своими сочинениями о болгарях приобрел в их среде неувядающую славу. "Имя этого замечательного слависта, – писал Жинзифов, – так популярно в Болгарии, что вряд ли в наше время найдется сколько-нибудь развитой болгарин, которому были бы неизвестны как имя Юрия Венелина, так и его сочинения"¹⁷. По мнению Жинзифова, болгарам Венелин "внушал любовь к родному слову и воскресил в них воспоминания о славной, давно прошедшей старине. Его сочинение "Древние и нынешние болгаре" произвело сильное впечатление на болгарских

читателей, которые нашли в его книге то, что до того времени только смутно сознавали и в чем нуждались как в насущном хлебе. В его книге, как в зеркале, увидели болгары всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю старинную славу и отнеслись с горячим сочувствием к описанным событиям. Его научный взгляд относительно древних болгар, основавших первую династию среди славян Балканского полуострова, до того пришелся по сердцу современным болгарам-славянам, что... никто не смеет сказать им, что теория Венелина не выдерживает строгой научной критики. Одним словом, Венелин своими сочинениями, благотворное влияние которых на болгар было громадно, создал целую школу с многочисленными последователями, и его научный взгляд на историю болгар будет иметь среди них перевес над всякою другою ученою теорией... С этого времени болгарская письменность начинает мало-помалу оживляться"¹⁸. Райко Жинзифов, как и многие другие возрожденцы, связывал с деятельностью Венелина не только зарождение новой болгарской литературы, но и начало ьсамой эпохи Возрождения.

В русской печати некоторые научные положения и гипотезы Венелина подвергались критике (и, порой, справедливо). А для болгарских читателей точка зрения Венелина потому имела перевес над всякою другою теорией, что в ту пору им важнее был эмоциональный заряд его сочинений, нежели точность научной аргументации. Эмоциональное воздействие сочинений Венелина на болгар было чрезвычайно сильным благодаря литературным достоинствам его произведений. Сухие научные тексты не смогли бы, думается, так взволновать болгарских читателей, как такие сочувственные строки: "Между тем как европейские публицисты, человеколюбивые политики охали над судьбою греков... между тем, как всякая политическая голова не преминула рассуждать о возрождении или нет византийского орла... болгаре не бывали и в помине, даже никакой славянин не рыдал над телом зарезанного льва; почему же так? Огромное его туловище заброшено в балканских, македонских и румельских лесах: там питается им чудовище двурогое, вышедшее из пустынь Аравии; перья же орла ветром разнесены по белу свету"¹⁹. Образность, экспрессия характеризуют сочинения исследователя. Его возвышенный, романтический стиль неотразимо воздействовал на сердца болгарских читателей.

Болгарский просветитель Анастас Кипиловский в письме, адресованном издателю Ширяеву, делился впечатлениями о книге

Венелина: “Несколько дней тому назад мне посчастливилось получить в руки сочиненную господином Ю. Венелиным книгу под заглавием “Древние и нынешние болгаре”, которую я уже шесть раз ненасытно перечитываю. Я болгарин родом. Мои чувства в отношении моего народа совсем подобны тем чувствам, которыми переполнена и душа почтенного сочинителя этой книги”²⁰. Кипиловский называл Венелина “бессмертным возобновителем болгарского существования” и считал, что каждый болгарин должен отослать ему благодарственное послание.

Сочетание в творчестве Венелина научного мышления и поэтического стиля очень ценил болгарский писатель и революционер Любен Каравелов: “Юрий Венелин – натура сильная, впечатлительная, талантливая. Мощный ум, глубина соображений, возвышающаяся до сильных поэтических восторгов, редкая способность сосредоточивать все силы духа на один предмет и отвлекаться от всего окружающего составляли внутреннюю его физиономию... Первый том его исследования о славянах “Древние и нынешние болгаре...”, вышедший в 1829 году, имеет особенную важность не столько для науки, сколько собственно для Болгарии. В этой книге Венелин открыл, как говорили тогда, существование неизвестного болгарского племени, одного из славянских племен, забытого миром, но имевшего у себя историю, обильную событиями, словесность, живой язык... И эта книга, а потом путешествие самого Венелина по Болгарии много содействовали нравственному возрождению болгарского народа”²¹.

В своих художественных произведениях Л. Каравелов показывает насколько Венелин почитался болгарами. Достаточно вспомнить героя повести “Болгаре старого времени” Хаджи Генчо, у которого в гостиной столов и стульев не было, а только литография Юрия Венелина украшала стену²². А в рассказе “Турецкий паша” монахиня говорит о том, что сочинения Венелина – святыня для всех болгар, их можно найти у каждого грамотного человека. Далее она объясняет, как ей удалось выучить русский язык: “Прочла десять раз Венелина и выучила русский”²³. Воздействие венелинских идей ощущается и в богатом использовании Л. Каравеловым в своих произведениях фольклорных мотивов, в ярком описании быта и нравов болгар. Да и создание Л. Каравеловым обширного труда “Памятники народного быта болгар” (1861 г.), в котором представлены национальные сказки, пословицы, поговорки, описаны народные поверья, обряды, обычаи – тоже в значительной

степени результат призыва Ю. Венелина к болгарской интеллигенции собирать фольклор, хранить россыпи народной мудрости.

Переписка Венелина с болгарскими просветителями (в частности с В. Априловым) свидетельствует о том, что ученый придавал большое значение сбору произведений народного творчества. Он сам собирал народные песни (позднее их опубликовал Бессонов) и побуждал делать это болгарских интеллигентов. Многие болгарские писатели были одновременно собирателями и издателями национального фольклора (Н. Геров, П. Р. Славейков, братья Миладиновы и др.).

Взгляды Венелина на народное творчество нашли отражение в работе "О характере народных песен у славян задунайских" (Москва, 1835). В этой работе ученый стремился показать национально-психологические особенности болгар и сербов на основе их исторической судьбы, их народных песен. Эти песни восхищали его прелестью безыскусственной поэзии, а героя болгарского и сербского эпоса Марко Краевича он считал таким же представителем духа нации, каким был Ахилл у древних греков или Фауст у немцев.

В. Г. Белинский, написавший похвальную рецензию на работу Ю. Венелина, соглашался с этими взглядами ученого: "Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она юная и свежая как жизнь юноши, непритворна и простодушна, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и стыдлива, как улыбка красоты. Это творчество истинное, бессознательное, бесцельное, хотя в то же время, и одностороннее, одноцветное. Оно вполне истинно и живо проявляет дух, характер и всю жизнь народа, которые высказываются в нем непринужденно и безыскусственно. От этого произведения младенствующих народов вечно юны и неумирающи... Песни задунайских славян, сколько мы можем судить по образцам, предложенным автором рассматриваемой нами статьи, представляют самые лучшие данные для подтверждения этого мнения о первобытной поэзии... Песни задунайских славян выражают всю жизнь народа, которым они созданы, так же как "Илиада" выражает всю жизнь греков в ее героический период"²⁴.

Русский критик подчеркивал, что в песнях задунайских славян Венелин пишет "умно, основательно, верно и увлекательно. Мысли его об этом предмете прекрасны, глубоки и подкреплены фактами"²⁵. Как видим, и Белинский отмечал увлекательность изложения в сочинениях Венелина. Известный болгарский критик Боян Пенев

полагал, что Венелину скорее нужно бы стать романистом, нежели ученым. Венелин легко, непринужденно переходил от научных аргументов к захватывающему рассказу об исторических событиях, что привлекало и русских, и особенно, болгарских читателей. Как мастер – беллетрист он описывал роскошные свадьбы, кровопролитные бои, сцены похищения невест: “В девохищение вооружаются как в поход: подкарауливают ее около гумна, или у фонтана, когда пойдет по воду; цап! и поминай как звали. Иногда отничари, подобно разбойникам, нападают на дом, связывают руки отцу и братьям, пока девойку успеют увести. Если какая-нибудь Милица или Любица не хочет следовать за честною ватагою, то ведут за черну косу, а сзади погоняют палкою. Весьма часто девохищение оканчивается кровопролитием”²⁶.

Венелин перевел несколько песен задунайских славян на русский язык. Белинский восхищался мастерством его перевода: “Перевод сделан самим автором статьи, и сделан прекрасно. Он близок, верен, поэтичен, если можно так сказать, и русский язык нигде не изнасилован, нигде не страждет на счет этой близости. Мы были бы очень благодарны автору, если бы он дарил нас чаще и больше подобными переводами песен славянских народов, которые ему так хорошо знакомы”²⁷. Свежесть, поэтичность стиля Юрия Венелина не раз отмечалась русским критиком.

Сочинения Юрия Венелина содействовали развитию исторической темы в болгарской литературе эпохи Возрождения. Романтическое видение ученым истории Болгарии, которую он называл “классической” для России страной, “Отечеством Баяна-славянского Оссиана, отчеством священного языка нашего”, несомненно, передалось болгарским писателям той поры. Отзвуки идей, суждений Венелина можно обнаружить не только в трудах болгарских историков (С. Палаузова, М. Дринова), но и в произведениях драматургов, поэтов, прозаиков.

Романтическое осмысление исторического материала сыграло первостепенную роль в становлении болгарской драматургии. В болгарском театре эпохи национального Возрождения ставились преимущественно исторические пьесы. Разработка национально-исторической тематики в зарождающейся драматургии тесно связана с борьбой писателей за возрождение нации. Самые значительные драматурги эпохи – Добри Войников и Васил Друмев придавали большое значение изучению национальной истории. Добри Войников в 1861 году издал “Краткую историю Болгарии”, в

которой широко использовал научные положения Юрия Венелина. Герои диалогов, сочиненных Войниковым для использования в школьном театре, ссылаются на труды ученого: “Да, приятель, я могу тебе представить такие доказательства, которые исходят не из болгарской головы, а от карпато-русского ученого, славного писателя Юрия Венелина, который первый доказал, что язык наших прадедов – мать других славянских наречий”²⁸, – говорит Драган – участник “Разговора между двумя учениками и советником о болгарской народности”. Стремясь показать величие болгарской народности, Драган (вновь опираясь на сочинения Венелина) рассказывает своему оппоненту – Ивану о том, что именно болгары первыми из славянских племен приняли христианство.

В своей драматургии Войников отдавал предпочтение историческим пьесам. Большинство его драм посвящено истории Болгарии: “Стоян-воевода” (1866), “Княгиня Райна” (1866), “Крещение преславского двора” (1868), “Велислава” (1870), “Восшествие на престол Крума страшного” (1871), “Десислава” (1874), “Фросина” (1875). Сюжеты этих пьес возвращали зрителей к важнейшим событиям истории страны, чаще всего – к периодам национально-освободительной борьбы против чужеземных захватчиков. В “Княгине Райне” речь шла о борьбе болгар с византийскими и татарскими завоевателями в эпоху Первого Болгарского царства – в период правления Петра; в пьесе “Велислава” – о сопротивлении татарам в XIII в. во время царствования Георгия Тертера. Драма “Восшествие на престол Крума страшного” рассказывала об объединении ханом Крумом в XI в. разрозненных болгарских земель в единое государство. Мужественную борьбу болгар с турками отразила пьеса “Стоян-воевода”.

Сюжеты из эпохи независимости Болгарии или периодов отставания ее суверенитета Д. Войников трактовал в соответствии с идеологическими и политическими задачами современности. Романтическая героизация прошлого указывала путь к будущему. Герои первого болгарского драматурга, носители идеи национальной независимости – это, как правило, государственные и культурные деятели древней Болгарии, бесстрашные и величественные, великодушные и благородные. Образы же завоевателей, посягающих на свободу Отечества, всегда резко отрицательны – это типично романтические злодеи, коварные, властолюбивые, жестокие. Черно-

белые тона, столь характерные для романтической манеры письма, – вот палитра Д. Войникова.

Особенный успех выпал на долю пьесы “Княгиня Райна”, представлявшей переработку повести русского романтика А. Ф. Вельтмана “Райна, королева болгарская”. В пьесе описывался поход в Болгарию русского князя Святослава в эпоху Первого Болгарского царства. Нужно сказать, что Вельтман в своей новелле трактовал события, связанные с походом Святослава, так же, как Юрий Венелин. Согласно версии Венелина, Святослав, пришедший в Болгарию как завоеватель, впоследствии перешел на сторону болгар, помогая им в борьбе с византийцами. Аналогично трактует события и Д. Войников. В его пьесе монологи Святослава о дружбе русских и болгар, его уверения, что пришел он в Болгарию, чтобы подарить ей свободу, имели глубочайший символический смысл: они вызвали национально-патриотические и русофильские настроения у зрителей и вселяли надежду на помощь России в освободительной борьбе. В дни Апрельского восстания 1876 года под впечатлением от пьесы “Княгиня Райна” жители города Панагюриште назвали “Райной-княгиней” местную учительницу Райну Попгеоргиеву, которая тайно от турецких властей вышла для повстанцев бархатное знамя с девизом “Свобода или смерть!”. Так смыкалась историческая драматургия с освободительным движением. Хотя Д. Войников принадлежал к кругу просветителей, его исторические пьесы объективно поддерживали дело болгарских революционеров. Понимая это, турецкие власти нередко запрещали их постановки. Так, в Русе цензор Эрнест-эфенди, запретивший постановку драмы “Восшествие на престол Крума страшного” официально предупредил администрацию, что театр будет закрыт, если пьесу не снимут с репертуара²⁹. Исторические пьесы Д. Войникова сыграли важную роль в становлении болгарской драматургии.

Вслед за Войниковым, заложившим основы жанра исторической драмы, традицию обращения к национально-освободительной теме продолжил В. Друмев. “Прошлое, – подчеркивал Друмев, – корень настоящего и будущего. Тот, кто хочет добиться лучшего настоящего и будущего, должен изучить свое прошлое”³⁰. В учебнике для болгарских училищ “Друг детей” (Одесса, 1863) Друмев являлся автором раздела “Родина и отечество”, в котором освещалась история Болгарии. В этой же книге он поместил статью

“Торжество фанаритов и возрождение болгар”, в которой восторженно отзывался о деятельности Ю. Венелина.

В 1872 году Друмев опубликовал пьесу “Иванко, убийца Асена I”, ставшую наивысшим достижением драматургии эпохи национального Возрождения. Эта пьеса отсылала зрителей в XII век, ко времени царствования Асена I, свергнувшего византийское иго. Не удивительно, что образ царя, восстановившего независимость Болгарии после почти двухвекового ига, вдохновил В. Друмева на создание историко-патриотической драмы. Судьба Асена I, убитого боярином Иванко по наущению пленного греческого военачальника Исаака Комфена, давала возможность драматургу обратиться к столь злободневной в эпоху национального Возрождения теме отстаивания независимости в борьбе с иноземцами и внутренними антинародными силами, поставить проблему государственных и личных интересов.

Васил Друмев при написании своей драмы использовал опыт Д. Войникова. Главная идея пьесы Друмева, как и исторических пьес его предшественника, – мысль о восстановлении духовной и политической независимости Болгарии, идея единства нации в борьбе за свободу. Подобно Войникову, Друмев использовал прием столкновения антиподов: на одной стороне – идеализированные образы Асена, Петра, Марии, царского исповедника отца Ивана, на другой – мрачные образы коварного интригана грека Исаака и его дочери Тодорки, раскрывающие гибельную для Болгарии роль фанаритства. Образ Исаака восходит к войничковскому Георгию Сурсовулу из пьесы “Княгиня Райна”. Помимо Д. Войникова и В. Друмева, исторические пьесы создают и другие писатели: Святослав Миларов – “Падение Царьграда”, Тодор Станчев – “Кардам страшный”, “Пропасть”; Константин Величков – “Невенка и Святослав” и другие. Историческая драматургия той эпохи участвовала в национально-освободительной борьбе болгарского народа. К ней можно по праву отнести слова Жана Жореса: “От прошлого мы возьмем огонь, а не пепел”.

Исторические сочинения Венелина оказали сильное воздействие и на творчество болгарских поэтов. Крупнейший поэт эпохи Возрождения Петко Славейков высоко ценил труды Ю. Венелина и стремился познакомить с идеями ученого своих читателей. В 1852 г. в книге “Пестрый букет” он опубликовал сокращенный перевод главы “Владимир II (в крещении Симеон)” из книги Венелина “Критическое исследование об истории болгар” (1849). В этой главе

Славейкова привлекли суждения Венелина о древнеболгарской письменности, о взаимоотношениях русских и болгар в X веке. Как и Д. Войникова, Славейкова заинтересовала версия Венелина о совместных действиях русских и болгар против византийцев. Историческое прошлое Болгарии воодушевляло Славейкова и других поэтов, воспевавших героические дела прадедов, то далекое время, когда страна была сильной и независимой. Лирический герой стихотворения Славейкова "Воспоминание" испытывает благоговение перед руинами древней столицы Тырново — свидетелями свободы Болгарии и невыразимую тоску при мысли о ее настоящем положении. В стихотворении "И в этот вечер, о светлая луна" перед героем возникают романтические видения: воскресает величие былой столицы, слышится цокот копыт коней юнаков. Типично романтический пейзаж — ночь, лунный свет — способствуют созданию эгического настроения. Но пелена вдруг спадает с глаз, и тишина над развалинами свидетельствует о том, что слава и свобода страны утрачены. Тишина воспринимается как символ покорности болгар, вот уже 500 лет терпящих рабство.

В стихотворении Д. Чинтулова "Воспоминание" (1846) герой испытывает сердечное влечение к памятникам старины в Велико Тырново. Руины бывшей болгарской столицы навевают ему воспоминания о царе Асене I, освободившем страну от византийского ига, о славных болгарских юнаках, стойко отражавших нападение врагов. И тогда терзания героя, возникшие при сопоставлении минувшего величия с безрадостным мраком сегодняшней Болгарии, сменяются мечтой о возвращении былой независимости. Герой элегии Д. Чинтулова "Два друга" (1850) одинок и печален в современной ему действительности. Когда друг спрашивает героя, почему он проводит время в одиночестве, тот отвечает, что одиноким он почувствовал себя только после заданного вопроса, вернувшего его к реальной действительности. До этого же мгновения, вспоминая на развалинах Преслава героическое прошлое Болгарии, он жил истинной, полной жизнью: перед ним, как живые видения, возникали победоносные сражения болгар под руководством хана Крума против напавшего на страну византийского императора Никифора. Ожившие видения волнуют героев Д. Чинтулова и П. Славейкова, они более прекрасны и истинны для них, чем реальная жизнь. Возникает романтическое противопоставление идеального там (в прошлом) безрадостному здесь (в настоящем), но это двоимирие весьма своеобразно — тут

нет противопоставления жизни земной и загробной, нередко встречающегося у западноевропейских писателей. Инобытные героев Чиптулова и Славейкова в царстве героического прошлого Болгарии служит для противопоставления мира рабства миру свободы.

В стихотворении "Охрид", написанном Р. Жинзифовым в 1862 году, поэт с болью вспоминает о высокой в прошлом, а ныне поверженной в прах культуре древней Болгарии, об ее духовном центре — Охриде, о мудром Клименте — ученике и соратнике создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия.

Многие поэты обращают свои взоры к развалинам Преслава — столицы Первого Болгарского царства, существовавшего с 893 по 972 гг., и Велико Тырново — столицы Второго Болгарского царства (1185–1396 гг.). Лирический герой стихотворения Харалана Ангелова "Преслав", скорбя о том, что столица древней Болгарии потеряла свою былую славу, призывает царя Симеона восстать из гроба и посмотреть, в какую черную пустыню превратился царственный город Преслав. К руинам Преслава с глубоким волнением приходит и герой элегии Г. Раковского "Прощание с родиной пламенного болгарского патриота в 1853 году". Намереваясь перейти в лагерь русских войск, чтобы вместе с ними сражаться за свободу поработенной Болгарии (действие происходит в период Крымской войны 1853–1856 гг.), он, прежде чем покинуть родину, приходит к седым камням — свидетелям славы предков, чтобы почерпнуть решимость и отвагу для предстоящей борьбы с тиранией. Герой элегии — не пассивный мечтатель, а активный борец: "священный долг" повелевает ему вернуть былое величие и свободу Болгарии, даже если для этого придется пожертвовать жизнью. Поэт-революционер Г. Раковский сознательно превращает историческую тему в идейное оружие освободительной борьбы.

Как известно, "поэзия руин" была распространена и в литературе Западной Европы, где эта тема связывалась со скорбными раздумьями о быстротечности жизни, недолговечности славы, бренности человеческого существования. В Болгарии же, помимо подобных грустных, элегических мотивов, в "поэзии руин" присутствует призыв к борьбе за независимость, выражая скорбь по минувшему, она в то же время несет в себе и надежду на грядущую свободу. Историко-патриотическая тематика способствовала формированию нации, напоминая болгарам, что их объединяет общая историческая судьба, величественная в прошлом и трагичная в

настоящем. Произведения, посвященные героическому прошлому страны, воодушевляли на борьбу за свободу.

Родственные тенденции можно проследить и на более крупных жанрах. В поэмах эпохи Возрождения, как и в лирике, воспевалось героическое прошлое страны, утверждалась необходимость сопротивления иноземным захватчикам. Революционно-романтические поэмы Г. Раковского "Лесной путник" (1857), Н. Козлева "Черный арап и хайдук Сидер" (1868), Х. Ботева "Хайдуки" (1871), патристические поэмы П. Р. Славейкова "Бойка - воевода" (1873), "Кракра из Перника" (1874), "Источник Белогогой" (1873), "Сердар" (1860) и "Скандербек" (1862) Г. Пырличева, "Кровавая рубашка" (1872) Р. Жинзифова выражали идеи освободительной борьбы. Национально-патристическая проблематика была господствующей в поэмах 50-70-х годов XIX в. Исторические труды Венелина придали болгарской поэзии патристический импульс.

Образ Юрия Венелина, боготворимого болгарскими писателями, прочно вошел в поэзию эпохи Возрождения. Болгарское Просвещение стимулировало развитие оды. Такие произведения, как "Ода Софронью Врачанскому" Дмитрия Попского (1813), "Ода Юрию Ив. Венелину" (1837), "Ода П. Берону" (1839), "Рыдание на смерть Ю. И. Венелина" (1839) Георгия Пешакова по форме близки стихотворениям русских поэтов XVII века - Дмитрия Ростовского, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, хорошо известных болгарскому читателю той поры. Однако, знакомая форма наполнялась новым содержанием: болгарские оды, как правило, посвящались не государям, как это происходило в независимых странах в эпоху Просвещения, а писателям, ученым, способствовавшим возрождению нации.

Георгий Пешаков написал "Оду Юрию Ив. Венелину" еще при жизни ученого - в 1837 г. Это несовершенная, типично даскальская поэзия. Несовершенство формы компенсировалось искренностью в выражении чувств восхищения и благодарности к заслугам ученого:

*Тебе, Юрий Венелине,
всиче чада болгарски
благодарност ти приносят
все сердични, роднински.*

*Что любовь ти си показал
да тишиш нихен род,
откаде си ясно теглят,
чи славянски са народ.*

*Името ти да остане
безсмъртно, прославлено
и от всичте чади нейни
век незабуравенно.*

Георгий Пешаков послал свое творение самому герою оды – Юрию Венелину, о чем сообщал Априлов: “При первом известии, что я открыл местопребывание нашего историографа, все кипнулось с восторгом спрашивать об нем. Живущий в Бухаресте Г. Пешаков доставил мне оду для отсылки Юрию Ивановичу”³¹. Венелин получил оду вместе с письмом В. Априлова, о чем мы узнаем из книги “О зародыше новой болгарской литературы”. Для Венелина особенно важно было то, что ода написана на болгарском языке: “Так как господин Пешаков стал писать не на чужих языках, а на своем родном, то и он имеет право занять местечко в Истории своей отечественной грамотности. Да не подумает кто-либо, что здесь, как говорится, рука руку моет. Так как чувство благодарности, одушевлявшее г. Пешакова при составлении этой оды, служит похвалою ему, а не мне, то и с этой точки зрения я был бы неправ, если бы умолчал о нем. В этой оде нет чувства ни лести, ни хвалоблюбия. Посему всю заслугу я обращаю на него, согласно с мнением древних мудрецов, что честь не чествуемому, а чествующему. (Non honorato, sed honoranti honor est)”³². В печати ода появилась лишь после смерти ученого. Она была напечатана Иваном Молнаром в предисловии к книге Венелина “Древние и нынешние славяне” (М., 1841), В. Априловым в “Деннице новоболгарского образования” (Одесса, 1841), Павлом Калянджи в книге “Друг детей” (Одесса, 1863).

В 1839 г. Георгий Пешаков посвятил Венелину второе стихотворение – “Рыдание на смерть Ю. И. Венелина”, в котором выразил беспредельную боль, глубокое потрясение в связи с безвременной кончиной ученого:

*Плачете, ридайте,
Вси болгарски чада!
Изгубихме вечно
Юря Венелина*

наш премудрий брат!..

*Но на вечний спомен
В нашите сердцата
неговото име*

*ще би безсмъртно
яко и умрел.*

Горе так велико, что поэт гневно обвиняет силы небесные, отнявшие едва взошедшую на мрачном болгарском небосклоне звезду — Юрия Венелина. Но поэт не только скорбит, он лелеет надежду, что его соотечественники последуют по пути, начертанному ученым — по пути Просвещения:

*Неговите труди,
Списания разни,
что ни е оставил
за нашата полза
и умно извел.*

*Ще би доста светлост
за нашите очи
от сига натамо,
ако будни будем
и сос теплота.*

*Наше просвещене
возлюбими умно
и волими купно
изгонити наша
бедна темнота.*

Это стихотворение получило широкую известность среди болгарских читателей. Оно неоднократно публиковалось в различных журналах и книгах³³. Кроме того, читатели переписывали его, распространяли в рукописях. Правда, при перепечатке и переписывании порой допускались некоторые отклонения от оригинала, но, как правило, незначительные.

Неофит Рильский, призывая Россию помочь единой сестре Болгарии, опирался на идеи Венелина, который сумел доказать славянское происхождение болгар.

*О, руский цару, Николае честитий
и ти, руский народе, славний и знаменитий
помогнете на ваша бедна сестра Болгария —
тя не е чуждо племе или от Татария —
но ваша е чиста сестра сродна и мила,
и сега е и от старо време тако е била.
Доказ е веке весма ясно Венелин чудний
историк руский в наше време и зелоразсудний,*

*защо начало и корен болгарского народа
не от татарско племе и от негова отрода*³⁴.
1839.

Перу Петко Славейкова принадлежат наиболее яркие поэтические строки, написанные после смерти ученого:

*Прахът ти в тъмний гроб почива
но памятта ти още жива
И ще живее Догдето
слънцето над българите греє*³⁵.

А на портрете Ю. Венелина Славейков сделал краткую, выразительную надпись:

Умрял тогас
Когато съживи нас.

На могиле Ю. Венелина, находившейся в Даниловом монастыре в Москве, благодарные болгары воздвигли в 1841 году прекрасный памятник – белую колонну из итальянского мрамора, завершающуюся урной и крестом. На пьедестале памятника высотой в 4 метра были высечены слова: “Юрию Ивановичу Венелину Одесские болгаре 1841. Родился 1802, скончался 1839 года. Напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар, и пламенно желал видеть его возрождение. Боже всемогущий! Услыши молитву раба своего!”³⁶.

Памятник Венелину был варварски уничтожен в годы сталинщины (в конце 1929 или начале 1930 г.)³⁷.

Но болгарский народ свято хранит память о человеке, так много сделавшем для Возрождения Болгарии. 22 мая 1988 года болгарским посольством на стене Данилова монастыря в Москве установлена памятная доска Юрию Венелину с барельефом ученого и надписью: “Юрий Венелин. 22 апрел 1802 – 26 март 1839. От признателна България”.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1/ Венелин Ю.И. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 10.
- 2/ Венелин Ю.И. Критические исследования об истории славян. М., 1849. – Это сочинение было переведено на болгарский язык отцом Христо

Ботева – Ботю Петковым и вышло в 1853 г. под заглавием “Критически издирания за историята българска на Ю. И. Венелина. От прихождение на българете на Тракийский полуостров до 968 година, или до покорението България от великий княз русский Святослава. Преведе от русский Ботю Петков. Част пръва и втора” (В. Земун, 1853).

3/ *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. Т. 1. М., 1829, с. 10–11.

4/ Там же, с. 16.

5/ “Дунавски лебед”, Београд, 1861, №№ 55–61.

6/ *Берон П.* Буквар с различни поучения, собрани от Петра Х. Беровича за българските училища. Напечатана сас помощта г. Антоньова Иоановича, в годе 1824. Брашов. (Позднее эта книга получила наименование “Рыбный букварь”, так как на ее обложке изображен дельфин).

7/ *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгаре... М., 1829, с. 16.

8/ Заради възрождение новой българской словесности или науки. Сочинение или книжица рускаго историописателя Венелина. Превел М. Кифалов. Букурещ, 1842.

9/ О поникванье новобългарския письменности. Расуждение *Юр. Венелина*. Побългарено Н. Даскаловым. Цариград, 1860.

10/ *Венелин Ю.И.* О зародыше новой българской литературы, с. 50.

11/ Там же, с. 19.

12/ Там же, с. 19.

13/ Там же, с. 9–11.

14/ *Априлов В.* Денница новобългарского образования. Одесса, 1841, с. 93.

15/ Там же, с. 119–120.

16/ *Попович Р.* Христоития, или благоирание. Будин, 1837, с. 65.

17/ *Жинзифов Р.* Българска литература. – В кн.: Райко Жинзифов. Публицистика. Съставили Цв. Унджиева, Д. Леков, И. Конев. Т. II, София, 1964, с. 206.

18/ Там же, с. 206–207.

19/ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре... М., 1829, с. 9–10. (Образ льва взят Венелиным из болгарского герба, чудовище двурогое – полумесяц – из герба Османской империи; образ византийского орла – из герба Греции).

20/ Цит. по кн.: *Пенев Б.* История на новата българска литература. С., 1933, т. 3, с. 636.

21/ *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. – Събрани съчинения в 12 тома, София, 1984, т. 6, с. 371–372.

- 22/ *Каравелов Л.* Болгари от старо време. – Събрани съчинения в 12 тома, София, 1984, т. 1, с. 157.
- 23/ *Каравелов Л.* Турецкий паша. – Събрани съчинения в 12 тома, София, 1984, т. 1, с. 33.
- 24/ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч., т. III, М., 1953, с. 65.
- 25/ Там же.
- 26/ *Венелин Ю.И.* О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835, с. 36–37.
- 27/ *Белинский В.Г.* Указ. соч., с. 66.
- 28/ *Войников Д.* Избрани произведения. София, 1978, с. 22.
- 29/ “Турция”. Цариград, 1873, 15/1.
- 30/ Съчинения на митрополит Климент Търновски (Васил Друмев). София, 1943, т. 2, с. 301.
- 31/ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования, с. 93.
- 32/ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 29–30.
- 33/ Стихотворение было опубликовано в журнале “Любословие” (1844, кн. 1), в книгах: “Разна любовна песнопойка”. Събрал М. Л. Софийнец. Белград, 1858; “Сватбата на Хайдут Янча. Повест. Издадена с иждивението на Скарлат С. Войводов, Браила, 1863; *Априлов В.* Денница новоболгарского образования; *Венелин Ю.* Древние и нынешние славяне. С предисловием Ивана Молнара. М., 1841.
- 34/ *Бурмов А., Стойков Ст.* Предосвобожденски стихотворци. София, 1938, с. 13.
- 35/ *Славейков П.* Смесна китка. Цариград, 1852, с. 146.
- 36/ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования, с. 127.
- 37/ Подробнее о памятнике см.: *Г.К.Венедиктов.* За паметника на Юрий Венелин в Москва // *Език и литература*, 1988, № 3, с. 95–102.

“ДРЕВНИЕ И НЫНЕШНИЕ БОЛГАРЕ” ВЕНЕЛИНА КАК НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ

1.

С Юрием Венелиным происходит то, что часто случается с известными авторами и книгами: славят, спорят, обсуждают... и не читают. Общее представление о них имеется, главные идеи вошли в обиход общественного сознания, работали в истории, работают в культуре – “чего же боле?”

А “боле” – прочитать. Ту же главную книгу Венелина “Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам”. Прочитать простодушно, немудряще. Как текст и произведение. Замкнутое в самом себе и совершенное в своем роде. Понять этот “свой род” и не предъявлять ему критериев иных, чужих, не свойственных ему родов, не судить его по ним, укоряя за несоответствие...

Вот и я сам: писал ведь о Венелине еще 40 почти лет назад – в диссертации-книге “Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века)” (М., “Наука”, 1964), но ведь не прочитал тогда целиком эту книгу: собственно исторические главы отложил – как не моего ума дело. Да и известна мне была дурная слава о них со стороны строгих ученых – историков, лингвистов: что там есть домыслы, фантазии, ложные этимологии, что “не выдерживают критики на уровне современной науки”.

Взяв же теперь книжицу эту малую в бедном, архаическом, старопечатном уж издании¹, я зачитался. Какой живой текст! Страсть души, блеск ума, активно работающая ученость, остроумие аргументации, ирония, юмор, элегия!..

И понял: перед тобой историческое сочинение синкретического жанра, что характерно для ранних “историй” у всех народов, когда такая “история” одновременно и факт науки, и художественной литературы, есть исторический эпос. Геродот, Фукидид, Тацит, наша “Повесть временных лет”, “История славяноболгарская” Пансия Хилендарского, “История государства российского” Карамзина, “История Петра” и

“История пугачевского бунта” Пушкина (как и “Век Людовика XIV” Вольтера)... – вплоть до “Архипелага ГУЛАГа” Солженицына. История как рассказывание (а таков первичный, греческий смысл термина) всегда между наукой, рассудком, научной критикой – и эпическим повествованием, где выступают персонажи, характеры, образы, коллизии, сюжеты, симпатии и антипатии и самого историка-рассказчика.

Поняв так жанр сочинения Венелина, я принялся читать его как драматическое повествование о его герое – Народе Болгарском, о его отношении к брату – Народу Русскому, об исторических приключениях и встречах их, о недоразумениях и непониманиях меж ними взаимных, а также о коварных наветах европейской, германской науки, что нацелилась нас расстроить – брата с братом, объявив болгар не славянами, а татаро-тюрками.

Вслушайтесь в интонацию сострадания, с какой вводится наш персонаж на первых страницах повествования – в главе “Падение Болгарского государства”: “Государство сие существовало с древнейших времен и теряется в хаосе так называемого Скифского мира. Оно возвышалось и нисходило (как “Величие и падение Цезаря Бирото” Бальзака, или Рима... Что человек, что держава – все имеют свою судьбу. – Г.Г.) попеременно по всем степеням могущества, пока наконец, по общему ходу дел человеческих, не сокрушилось под ударами врагов своих (как герой, витязь на ристалище исторической брани – Г.Г.) и не потеряло политическое свое бытие. Народ, однако, не перестал существовать и доньше; мало сведений об нем (инверсия эмоционального удара вместо нейтрального бы порядка слов: “имеется мало сведений об нем” – Г.Г.) имеется теперь потому, что с тех пор, как государство сие исчезло из среды европейских держав, турки заняли его место и укрывали болгар от взоров Европы (как похищенную красавицу в серале – Г.Г.); конечно, той же участи подвержены и греки (вводится соседний персонаж, расширяя сюжет, – ну как бы Троекуров вслед за Дубровским. Кстати, наименование народов с прописной буквы, как имен собственных, как было тогда принято, усиливало момент персонализации и личной судьбы в рассказывании истории, приближая ее к художественному повествованию – Г.Г.), но они в этом отношении были счастливее: прошедшее их

существование беспрестанно отражалось в воображении Европейцев посредством спасенных ими греческих исторических памятников” (с. 6). Также и Сербам “более посчастливилось”: их знают, потому что они ближе к Западу Европы, соседи Австрии и Италии, и новая история их звонче – Карагеоргий (Георгий Петрович Черный) знаменит. Да и “возродившаяся у них литература (вспомним собрание сербских песен Вуком Караджичем и как быстро Мериме сочинил по аналогии “Песни западных славян”, подхваченные и Пушкиным – Г.Г.) обратила на себя внимание европейских ученых и заслужила почетное место во всеобщей *языкописи* (λογογραφία)” (с. 7–8).

Термин выделен Венелиным. Натуральный славянин, Венелин не принимает стандартных терминов европейской науки, взятых с мертвых, греческого и латинского, языков, и с правом вводит аналогичные словообразования из живых славянских корней. Ведь и немцы употребляют термин Volkskunde (“народоведение”), а не “этнография”. Подобно и Венелин в названии книги ставит: “...Болгаре в народописном (а не “этнографическом” – Г.Г.)... отношении...”.

Такова экспозиция сюжета, рассказа о покрытом исторической тайной народе болгар. О них – глухо: в забвении = за бытием как бы пребывают. Турки их укрывают от взоров, а европейцы и даже, к стыду нашему, и россияне, в том числе и Карамзин! – ничего не ведают о болгарях и не помнят. Но он-то, Венелин, живя в Бессарабии, где десятки тысяч болгар-переселенцев, знает, что там, за Дунаем, целая страна и многомиллионный народ! И надо спасти его от забвения, вывести в люди истории = в Логос Европы, заговорить, заголосить о нем!

На каком же основании? А на основании этой же самой истории – ее записей о прежних временах. “Болгаре не имели подобных о себе возвестителей (как сербы – Г.Г.); и если бы имя их не отзывалось громко и со стуком оружия (вот он, героический эпос! – Г.Г.) в византийских летописях, европейцы забыли бы об них совершенно. Сей народ лишился не только отечества, но и истории” (с. 8).

Вот откуда надобность пришла учившемуся на лекаря Георгию Хуце, русину (закарпатскому украинцу), когда заболел душой, принял близко к сердцу судьбу болгар, – пере-

квалифицироваться и пойти в историки. История = дорога воскрешения: через нее можно снова дать жизнь народу. “Чтобы возвратить нынешнему болгарскому народу историческое его достоинство (как человеку – чувству собственного достоинства, самочувствие – Г.Г.), надлежало бы посмотреть на живую картину прошедшего его бытия, и тем облагородилось бы наше понятие о нем” (с. 8).

Но как трагически судьба разводила братьев между собой! “Угодно же было судьбе, чтобы в то самое время, когда россияне освобождались от ига татар, их близкие собратья пали под ярмо татар же туркестанских!” (с. 9). Два восклицательных знака поставил автор – не равнодушный созерцатель театра Истории. И вот исторгается инвектива – страстно-гневное обличение и нынешних европейцев, но и россиян – за безразличие к участи некогда великого, а ныне несчастного народа:

“Между тем как европейские публицисты, человеколюбивые политики, о х а л и (выделения Венелина буду давать разрядкой – Г.Г.) над судьбою греков; меж тем, как вселенские летучие листки (так хорошо, по-славянски названы “газеты” и “масс-медиа” журнализма! – Г.Г.) испещрены именованьем фанариотов, султанов, идритов, эллинов и проч., между тем, как всякая политическая голова не преминула рассуждать о возрождении или нет Византийского орла... (и много точнее его же – эмоциональная пауза и перерыв дыхания в ораторской речи перед тем, как исторгнется выкрик возмущения – Г.Г.) болгаре не бывали и в помине, даже никакой славянин не рыдал над телом зарезанного льва. [Перед этим была такая фраза: “Златовенчаный лев Болгарии (герб ее) лежит”, как выражается Ранч, “распростертый на земле, удушенный магоманизмом”, с. 9 – Г.Г.]. Почему же так? ..Огромное его туловище заброшено в Балканских, Македонских и Румельских лесах: там питается им чудовище двурогое (серп-месяц ислама, верно, имеется в виду – Г.Г.), вышедшее из пустынь Аравии; перья же орла ветром разнесены по белому свету” (с. 9–10).

И гнев, и ламентация, элегия и сарказм!.. Интонация напоминает почти одновременно написанную инвективу Пушкина “Клеветникам России” (1830 год), обращенную также с

обличением к европейским витиям, что звонят и беснуются о малом, но в чем заинтересованы, и замалчивают великое, что их не затрагивает, лежит на периферии сознания.

Однако Венелин, по свойственной славянам национальной самокритике, бьет артиллерией инвективы и по своим: позорит русских ученых историков, что "ленивы и нелюбопытны" узнать про братский народ: "Казалось, что война россиян с турками в Болгарии как в прошедшем, так и в настоящем столетии, подаст повод к обращению особенного на сей народ внимания и к исторжению его из- неизвестности. Но к несчастью опыт показал противное. (Эта фраза дала мне возможность расслышать жгучую и политическую даже актуальность сочинения Венелина, изданного в 1829 г., сразу после Русско-турецкой войны 1828 г. — Г.Г.). Это обстоятельство делается еще тем важнее, что наш церковный, священный язык, кроме многих других обстоятельств русской истории, еще и до сих пор считается загадочным...

Несмотря на всю занимательность обширного болгарского народа, нельзя не удивиться, что не только Карамзин никакого не обращал на них внимания, но и другие новейшие народописцы, при исчислении славянских племен большею частью совсем не упоминают о болгарях, живом нынешнем народе, между тем как исчисляют истребленных славян померанских!! Пусть иностранцы, по неведению ли или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили писать, читать, на коих природном языке совершается наше богослужение, на коих языке большею частью писали мы почти до времен Ломоносова, коих колыбель сопряжена неразрывными узами с колыбелью русского народа" (с. 10–11).

Все более осознаю книгу Венелина как произведение русской литературы первой трети XIX века: средние персонажи, перипетии, идеи, понятия, эмоции, стиль. Вот еще сему аргумент: расслышиваю его даже в научном социологическом рассуждении Венелина о структуре сословий в Задунайской Турции: "Как турки составляют сами исключительно военный класс, а посему и дворянское, так сказать, сословие, то болгаре, в отношении гражданского их бытия, представляют род

мещанского сословия и вообще земледельческий класс: хлебопашество, виноделне, садоводство, а преимущественно овцеводство есть исключительное их занятие” (с. 14–15).

Следовательно: открытие болгар миру, что совершает сим Венелин, аналогично открытию русского народа дворянами в литературе, что совершалось как раз в тот период: от Карамзина и Радищева, через Пушкина до физиологических очерков натуральной школы, которые уже ближе к научности этнографин, как и историки, последовавшие за Венелиным. И если он в претензии на Карамзина-историка, то, подобно тому, как Карамзин в интонации чувствительного сердца мог возглашать “И крестьянки чувствовать умеют!” (“Бедная Лиза”), так и Венелин своим трудом как бы восклицает: “И болгаре имеют историю и вообще славный народ!”

Прямо радищевскую интонацию (тоже сентиментализм!) слышу в следующих строках: “Не имея ни прав, ни законов отечественных, болгаре обеспечение жизни и собственности должны ожидать от свойств и характера областных пашей, или комендантов крепостей. Посему участь гражданского их бытия выставлена на произвол военной необузданности их победителей... Умственное состояние болгар соответствует их политическому: будучи рабами, они погружены в невежество, общее не только им, но и их господам” (с. 15).

Соответственно черной краске в описании “дворян”-на-силышников (“врожденная турецкой черни гордость и ненависть к иноплеменникам и иноверцам”; с. 15), соблазнительней невинных пастушек-крестьянок, бедных Лиз (таковы болгаре = народ-овчар, кроток, не хищный) – идеализация своего персонажа. В главе “Характеристические черты болгар” Венелин цитирует одного греческого автора: “Болгаре вообще росту высокого, сложения и силы атлетической, постоянны, трудолюбивы и неустрашимы... Турки не так гостеприимны, как болгаре”. Притом они опрятны во всем их домашнем быту, — продолжает Венелин и заключает: — Вот некоторые черты нравственного и телесного характера сего несчастного народа, некогда благороднейшего из всех славянских племен” (с. 17).

Как аристократ в опале, как принц, не ведающий о своем первородстве, подкидыш в простонародную семью или на самое дно (как Гуинплен, пэр Англии, выкраденный и обезоб-

раженный компрачкосами в “Человеке, который смеется” Гюго), – в таком архетипе выступает болгарский народ в книге Венелина: ему надо напомнить о его благородном происхождении, возвратить историческую память, соседям же – знание о нем и почтительное к нему отношение.

Ореол неизвестности, исторической тайны, злонамеренной сокрытости от света истины – с этого начинается повествование Венелина, сей детектив-исследование и расследование исторического преступления против Истины – как со стороны турок и греков – ну ладно: они стороны заинтересованные, – но даже со стороны кичащейся вроде бы своей объективностью европейской и прежде всего германской науки, авторитету которой поддались даже наивные россияне – в том числе и Карамзин!..

Повествование о судьбах болгарского народа совершается Венелиным перед неким “историческим Ареопагом”, на котором он выступает как бы с защитительной речью. Вот первая фраза книги: “Прежде нежели приступим к рассмотрению исторической *тяжбы* (курсив мой – Г.Г.) болгар, мы должны несколько познакомиться с нынешним их состоянием, а после уже следовать за ними в древность” (с. 1). “Наш исторический Ареопаг превратился в аукционный торг, на коем все почти, знаменитое в европейской древности, приписано немцам, без всяких ясных на то документов” (с. 21).

То есть, с литературоведческой точки зрения, тут жанр в жанре: повествование, рассказывание-история – это заключено в рамку ораторской речи, адресованной громогласно к почтеннейшей публике – в суде ли, на его заседании, с кафедры адвоката, в театре ли истории, со сцены: в прологе, между актами и в эпилоге... Ведь История – театр, давно и повсюду это уравнение-понимание. В частности, и в Болгарии в начале XIX века Софроний, епископ Врачанский, перевел греческий трактат “Театрон политикон” на славянский, болгарский – и вышло заглавие таковым: “Театрон политикон, сиречь Гражданское позорище”. А “позорище” = зрелище, по-славянски.

Таким образом историческое повествование, будучи вставлено в защитительную речь в качестве главного основательного аргумента, получает особый драматизм, напряженность, совершается как дознание с пристрастием, крестное

испытание, *experimentum crucis*. “Не хочу быть адвокатом в деле обоих сих народов, – это уже французов и россиян задевает Венелин, – но не могу не вступить за истину в пользу з д р а в о й и с т о р и и; не могу здесь не заметить, что славянский народ обижен Ареопагом до чрезвычайности (любимое слово Достоевских персонажей – Г.Г.). Объявят ли меня еретиком касательно его верховного решения или нет, все равно; но я поспорю за удел, присужденный татарам (немецкая наука приписала болгарам татарское происхождение – Г.Г.), кои в оном отнюдь не нуждаются, ибо они слишком уже богаты славою собственных своих деяний.

Я не обвиняю почтенных германских изыскателей в покушении на честь болгарского народа, о котором говорить здесь я намерен, а напротив, предполагаю в них желание принести пользу всеобщей истории, которая во многих ее частях была еще загадочной. Если они ошиблись, то это могло произойти от слабого или неосмотрительного соображения судебных обстоятельств” (с. 21–22).

Прямо-таки цicerонов жанр развернутой речи принят нашим автором, с комплиментами в адрес присяжных заседателей, с иронией в адрес оппонентов, и в присутствии почтеннейшей публики народов истории разогревая свой ум и красноречие на убедительную аргументацию. И, наконец, завершая панораму исторического рассмотрения, наш адвокат тяжбы болгар с немецкой наукой относительно их происхождения и идентификации личности, формулирует вывод:

“Итак: с 380 года после Р. Хр. до 860 или 900, только один народ, а именно болгаре, важная отрасль славянского рода, с пределов Азии хлынула в юго-восточную Европу, сначала под нарицательным именем гуннов и других подобных, а спустя немного и под своим собственным (Это все выделено курсивом – Г.Г.). Вот что может сказать благоразумная и беспристрастная критика” (с. 158).

Еще один обертон тут слышится, а именно: интонация и русской литературной критики из сословья уже *разночинцев*, Белинского и Чернышевского, – в слог Венелина, который как раз таковой, разночинец, по происхождению. Если у писателей-дворян стиль “власть имеющих”: они полагают и утверждают мысль и образ, не унижаются до рассудочной полемики аргументами логики, но или верь мне,

или – дуэль!, у этих уже плебейская изворотливость критического разума, рефлексии, а подчас и блефованье аргументами, ирония, ёрничанье, как шутов-клоунов на манеже. Таковые обертоны и в стилистике книги Венелина прослушиваются: речь его интонационно богата и пестроцветна, что еще добавляет свою окраску к художественности сего произведения.

Проницательно характеризует Венелина как ученого и художника и способ его мышления П. А. Бессонов в “Статье предварительной” ко 2-му изданию книги Венелина: “Вспышки озарявшейся мысли были естественны в труде Венелина, по самому существу труда, и непрерывно увлекали подвижный до крайности ум сочинителя, ум, не споривший с страстным сердцем (! курсив мой. – Г.Г.): подчиненный неудержимому их влиянию, Венелин шел дальше и дальше, то совершенно оживлял перед своим взором минувшее, то рисовал картины стран, им виденных, им изученных, заговаривался с представившимися лицами, запевал песню (! – Г.Г.); порою замечал он склонение, не мог не чувствовать, что отбился на рубеж крайних увлечений, спешил воротиться к строгому делу (как и “отступления лирические” в “Евгении Онегине”. – Г.Г.); но, погнавши однажды на извилистый путь, мог воротиться только тем же и не иным путем. Начиналось снова серьезное исследование, раскрывались мельчайшие черты и подробности, а силы, привыкшие развлекаться, готовы были снова повторить тот же круг переходов и увлечений”². И далее: “Каждая такая статья – *порыв* (= принцип творчества романтического художника: вспомним пьесу Шумана “Schwung” – “Порыв” – Г.Г.); ему легче оборваться, перерываться, но не вернуться, чтоб перемарывать. Подобным образом и в языке нет постоянной и непрерывной ровности... Тут не обработка внешняя, тут выработанный дух, путем самобытного развития; развитие, вы замечаете, шло *не по* тесным программам, *не по* узким рамочкам, отмечено *не* нарезками [стоп! самого Бессонова мысль развивается по формуле русской логики, которую можно представить в схеме: НЕ ТО, А... (ЧТО?)...”³ – “Нет, я не Байрон, я другой...” – Лермонтов; “Не то, что мните вы, природа” – Тютчев; “не в немецких ботфортах ямщик, борода да рукавицы...” – Гоголь и т. п., – Г.Г.], а вылилось в целый тип, едва успевший

охватить все выразительные переливы, всю подвижную физиономию; это *быстрина*, увлекающая не только беглые и живые изображения, но даже и тяжелые массы филологических разысканий; движение, восходящее до лиризма; частые обрывы и разливы в сторону; наконец, постоянная почти шутиливость, или лучше, юмор, в местах самых важных (смешение высокого и низкого – вполне в духе романтической стилистики, “романтической иронии”. – Г.Г.); нигде не видно желанья высказать или даже намекнуть на свое личное горе, не видно затаенного негодования и злобы, при всем том, что жизнь автора вовсе не была сладка, и частные письма его обличают самые драматические движения чувств. По образцу северных писателей и поэтов мог бы замучить вас автор отголоском собственного тяжелого чувства: добродушный, он шутит с вами. Одним словом, везде природа югозападного славянина”⁴.

Художественная яркость текста Венелина, его откровенная эмоциональность и личный пафос сразу вызвали предубеждение у строгих ученых историков немецкой выучки (кто подходит с одной лишь “ухваткою ученою, немецкою”, как об этом пишет П. А. Бессонов⁵): ведь этикет науки не допускает личности, эмоциональности и образного мышления. Наука – это когда мухи дохнут. Если все обосновано фактами, и нет надобности прибегать к воображению и впечатлять красотой... Таков стандарт, германским Логосом навязанный мировой науке.

Но в Венелине Русский Логос работал, и он совпал с личными особенностями его природы и ума. В “бесконечном просторе” Космоса России, где “как точки, как значки, торчат неприметные твои города” Гоголь), где островок жизни – и потом зияние, точка – и тире, пустота, – мысль в этом пространстве не может двигаться шаг за шагом, звено за звеном, как в западноевропейской логике опосредствования, отражающей плотную, притертую действительность, где одно прилегает к другому, – нет, в Космосе России уму приходится перескакивать в мета-форе (= пере-носе), чтобы осваивать такую “порпстую”, с зазорами и провалами, реальность, где фактов (= “сделанностей”), цивилизованности, освоенности – мало. Вот почему строгий рассудок теряется в России (“умом Россию не понять”), а образ – на коне: свободен

перескакивать, перелетать. Потому все мыслители у нас – и писатели, а писатели = мыслители, и философия наша не строгая, и у нас жанр не “философа”, а “мыслителя”, и русская мысль – не отвлеченная (у Вл. Соловьева наш принцип заявлен в “Критике отвлеченных начал”), но художественная, религиозная, экзистенциальная...

Так что образное мышление у Венелина – не прихоть и лишь личная самобытность, или даже черта его как романтика в духе той эпохи, но и в русле русского стиля мышления, Русского Логоса.

Но и еще одно обстоятельство споспешествовало именно такому стилю мышления в его труде, а именно: слабая разработанность предмета – древней истории Европы и Славянства, скудость свидетельств и фактов, так что волеиневолей еще и усилием воображения надо было угадывать и домысливать многое. Об этом и Бессонов: “Еще более порывы его находят себе оправдание в личном характере, крайне согласовавшемся с неопределенным и нестойким положением дела”⁶. Ведь по впечатлениям от болгар в Бессарабии Венелин должен был умозаключать о болгарях за Дунаем, куда не мог проникнуть, когда писал книгу, а ездил потом. А уж археологических данных и древних текстов, рукописей не имел; проникать же ему приходилось в темень доистории даже...

Так что, имея оправданное предубеждение: что может истинного сообщить ученый и мыслитель при таких условиях? – удивляешься, как много верного и уточненного затем наукой высказал, угадал Венелин своей интуицией.

Его исходные принципы – здравый смысл и естественность. “Главное правило – ни я, ни ты, ни он не смей выдавать себя за пробирную палатку, в коей должна быть признаваема истина, или определяемы степени вероятностей; эта честь принадлежит здравому рассудку и естественности” (с. 19). И уже с этой установки он справедливо различает самоназвание народа, которое вкоренено в нем, субстанциально и есть его как бы *собственное* имя, от тех имен-названий, которые давали народам их соседи в своих текстах, что служат письменными источниками для историков. Это – “паризательные” имена: они зачастую совершенно случайны и давались по внешним признакам, что особенно

явно, когда дословно переводишь такое наименование. Например: “д а й ч е р ы — есть собственное, н е м ц ы — нарицательное”. “Редко можно сыскать народ в древности и отчасти в средние времена, который бы писателям классического мира был известен под собственным его именем; всякого они именовали так, как назвал его случай и подтвердило употребление, которое сделалось законом и которого никакое время переменить не могло. Наиболее же в сем отношении отличаются первые столетия до и после Рождества Христова, в продолжение коих мелькало над странами множество имен, родившихся только в одних греческих и латинских головах: так, например, скифы значило у них ч у ж д ы х н а р о д о в, с а р м а т ы (Σαυρομάτες от σαῦρος ‘ящерица’ и ὄμμα, ὄμματος ‘глаз’; Sauromates в Sarmatae переделано римлянами) я щ е р о г л а з ы х... И долгое время обширную Россию называли Я щ е р о г л а з и е ю. Но спрошу у господ отечественных историков: потому ли россияне не существовали в России в VIII, VII, VI, V, IV и т. д. столетиях, что греки их называли ящероглазыми и подобными другими глупыми именами? Потому ли и ныне не должны существовать д а й ч е р ы, что у славян слынут н е м ц а м и, у венгров н е й м е т а м и, у турков — н э м ч а м и, у французов а л л е м а н д а м и, у итальянцев т е д е с к а м и, у англичан д ж е р м е н а м и? Или все сии названия составляют столько же народов?” (с. 84–85, 86).

А между тем наука история верит этим косвенным наименованиям и не верит самоназваниям народов, про которые Венелин сильно говорит: “Собственное народное имя, так сказать впечатленное в существо самого народа, исчезнуть не может, разве вместе с народом” (с. 53). И вот как от высвечивает заблуждения историков: “Приняв буквально разные областные имена, заменившиеся одни другими, за столько же разных народов или, по крайней мере, племен, писатели приняли сию революцию в номенклатуре за революцию в народах; если одно имя заменялось другим, думали, что один народ покорен был другим и принял имя победителя! Вот почему вообразили себе н о в ы х пришельцев и н о в о е, по небывалое движение народов и не бывалые покорения!, т. е. не могли себе объяснить, почему

исчезали старые названия и появлялись новые одного и того же народа" (с. 72–73).

Так что так называемая "научная точка зрения" – тоже род МИФА: да, может быть – и полно таких явлений в культуре, как *научные мифы*. В них "точные факты и данные" (а Венелин показывает, как они в реальности устанавливаются) – и их интерпретация, что перекручивается-поворачивается лицом к солнцу, как подсолнечник, – к центру нынешнего тяготения сил и интересов и страстей.

Я не могу судить, насколько согласуется с нынешними данными и концепциями историков построение Венелина насчет болгар, но критика им теорий современных ему историков Тунманна и Енгеля относительно "татаризма болгар" остроумна и логична. Судите сами: "Сие смешение с славянами, по Енгелю, началось в 680 году, именно когда Аспарух, Государь Болгарский, переправился через Дунай в Болгарию и подчинил себе каких-то тамошних славян... Итак, вся эпоха превращения татар в славян с 680 по 863 год состоит из 163 лет. В продолжении сего-то времени превращающие причины г. Енгеля должны были довершить волшебное действие Metamorphoseos татар в славян!" (с. 59).

Приводя примеры других народов (греков, с устойчивостью этноса и языка и обычаев на протяжении тысячелетий), Венелин настаивает на константности и длительности качества народов и языков и полагает, что все нынешнее пространство от Волги (где Волжских болгар царство) на Юго-Запад вплоть до Дуная на протяжении трех тысячелетий минимум занималось двумя родственными народами – русскими и болгарам. А всякие перекочевья – уже внутри этой территории колыхания...

И относительно русских он развенчивает аналогичную схему: "Объяснив древность болгар, как жителей Волги, мы даже обязаны снять покрывало и с жителей Руси... Русь или Руссы, как народ норманнский, скандинавский, никогда не существовал и есть только плод жалкого толкования, или фантастическое произведение некоторых изыскателей. Не поняли Нестора! Да еще как не поняли! (Вон как публицистически борется за правду – Г.Г.).

Байеро-Шлецеровское учение о происхождении россиян почти слово в слово походит на Тунманно-Енгелевское о

происхождении болгар.

Многие делали вопрос: с какого времени славяне, т. е. россы, зашли в Русь и заселяют ее? Карамзин не мог решить его, "итак, оставляет", как сам выражается, "без утвердительного решения вопрос: откуда и когда славяне пришли в Россию?..." (с. 176).

Нет ничего песноснее подобного вопроса, ибо он происходит из нелепого предположения, что до появления в IX веке в греческих летописях собственного имени одного племени (россиян) и до появления в VI имени другого племени (словен) проживавшие в Руси Ящероглазые, Геты, Черноорнзцы, Длинноглавцы, Затверделые, Скороходцы и проч. (переводя наименования с греческого на русский, Венелли так снимает ореол научности с них и подвергает осмеянию трепет ученых историков и пнетет к этим "данным". Прямо-таки *остранение* вершится Венеллиным – художественный прием наивно-кандидовского воззрения и переговаривания некоего явления культуры на простодушном языке. Вспомним, как глазами Наташи Ростовской описывается происходящее на оперной сцене в "Войне и мире" Толстого. – Г.Г.) были особенные какие-то народы! И что поелику в сих именах сряду не стоят буквы р, о, с, с, ы, то сего народа здесь и не было, а забрел он откуда-то после. Вот и вопрос: откуда же пришли? Сверх сего, в XIV столетии распустили было басню (или бестолковое объяснение) о распространении славянских племен из одного гнезда... Гений изыскательный смело приступил тогда к волшебному действию. Он принудил все славянские племена оставить свои жилища и собраться у берегов Дуная, стеснил их там так, что они припуждены были вскоре разойтись во все стороны мира, куда глаза глядят! Тогда стоило только их скомандовать от Дуная к себе, к берегам Днепра, Вислы или Эльбы. Комментатор Нестора вызвался быть квартирмейстером славян, приближавшихся чинно с Дунайского Конгресса (блеск иронии!.. – Г.Г.) и поселил их по разным рекам и областям Руси, дав им разные имена...

Какое же следствие произвело прибытие славян в Россию? Опять волшебное; все народы обширной Ящероглазии вдруг вымерли!

Праведный Боже! Сколько переселений, церемониальных маршей! ...Сколько исчезаний целых народов!.. Везде кружение и изменчивость человеческого рода, которые могут родиться только в раскаленном горячкою воображении. О, История!

Опираясь на понятия, уже выше изложенные, о происхождении славянского народа от корня, общего прочим европейцам, можем решительно допустить аксиому, что славяне суть старожилы Европы, наравне с греками и латинами” (с. 176–177).

Логос оседлого народа говорит в русине Венелине: стиль жизни кочевника ему непонятен. И в хрониках греческих о посольстве в стан Атиллы, он цепляется за такие обычаи: баня, приветствие хлебом-солью, – как присущие оседлому народу. Не преминул и подчеркнуть, что по свидетельству древних авторов, “Ахилл, сын Пелея, был родом скиф”, а “его русые волосы, его голубые глаза” (с. 181–182) дают основание и этого великого подвергать к славянам.

Исследовав сюжеты славян – россос и болгар – в пределах Европы, Венелин сетует на незнученность Евразии и завещает это последующим русским историкам, как бы пророка Льва Гумилева и его изыскания о народе Хунну (вослед разысканиям Венелина о Гуннах): “Зная предел Яфета, мы не имеем полных сведений о пределе Сима (континенты различались как зоны Сима, Яфета и Хама. – Г.Г.), т. е. об общем роде Северо-Азийцев. Не знаю, сколь далеко простирается в Азии сей второй класс человеческого рода и сколько ветвей, еще не открытых, принадлежат к оному; не знаю, какое отношение к венгро-татаро-турецкому классу имеют племена Монголии, Чунгарии, Тибета и т. д... Я искренно желаю, чтобы кто-либо из соотечественников наших, преимущественно находящихся в Сибири, или даже при Пекинской миссии (как Иакинф тогда. – Г.Г.), обратил на это строгое внимание; я осмелился бы даже почестъ это в непрременную обязанность всякому русскому; ибо никто больше нас не имеет к тому способов: нам предстоит слава за первое открытие! Вперед, соотчичи! Англичане, французы, италянцы перерыли Египет за древностями;... только грубые

непросвещенные народы нелюбопытны (вспоминается пушкинское: “мы ленивы и нелюбопытны” – тоже интонация национальной самокритики; но и она – и ободрение через пристыжение. – Г.Г.), они не ищут новых сведений, ибо не чувствуют цены их” (с. 103).

Иронизируя над стилем объяснений современной ему “г л и н я н о й э п о х и исторической критики” (с. 119), Венелин в главе “Путевые записки византийского посольства ко двору Атиллы, писанные секретарем одного Приском Ритором” в середине рассказа хрониста о посольстве византийцев к Атилле включает свой голос: “И сих-то гуннов, гостеприимных хозяев, господ историки, принимаете вы за монголов, за татар, которые не только что тогда, но через 600 лет спустя, не умели и теперь еще по большей части не умеют ни пахать, ни сеять, ни жать?? И сих-то гуннов, живущих деревнями и селениями, пивших м е д и к в а с, вы принимаете за монголов или татар, вечных бродяг, всегда питавшихся одной скотиной да кобылиной сывороткой?! (с. 135).

Однако же тут прозрачна передержка Венелина: по записи грека, напиток гуннов звучит “камас”, так что его естественнее сблизить со словом “кумыс”, нежели “квас”, как это делает Венелин. Впрочем, грек сообщает, что напиток этот делается “из ячменя”, а “кумыс” – “кобылиная сыворотка”...

Толкуя Прокопия Кесарийского, Венелин заключает: “Очень очевидно, что имя у н н ы пало на славян волжских, т. е. болгар и отчасти на россиян, тем более, что оба сии народа составляли *одно политическое тело*” (с. 163).

Сильный вывод – и можно представить, как он мог ободрить болгар в начале эпохи их национального Возрождения!..

2.

Приступая к настоящей работе о Венелине, я всматривался в себя: какой идеей-проблемой одушевиться? Ведь без таковой тяги не разгорется костру мысли и не польется ток соображений. К тому же писал уже о нем я – полжизни назад своей: 40 лет, в 1955–1958 г.г. Тогда я был воодушевлен гегелевской идеей единства мирового процесса и стадий в развитии Духа – и вот узрел их в стяженном виде у болгар, в эпоху национального Возрождения (первая половина

XIX века), выдвинув идею ускоренного развития культуры. Увлекательно было узнавать необходимые фазы созревания общества и художественного сознания, которые западно-европейская цивилизация проходила за три тысячи лет (патриархальный социум и фольклорно-эпическое сознание, отчужденное государство и монотенистическая религия, ренессансное пробуждение личности, общество нового времени и рассудочное сознание) – в одном столетии болгарской истории, где эти стадии трудно узнаваемы и все же прощупываются, – и так в хаосе ускоренного развития обнаружить закономерность, логику. Мною бралась в общем европейская схема и примеривалась к пути Болгарии, и увиделось единство онтогенеза (развитие “особи”, а в данном случае – болгарского общества и культуры в XIX веке) с филогенезом (развитием “вида” – европейской цивилизации с античности до того же XIX века).

Теперь же, в конце XX века, когда из “империи” СССР, как в XIX веке из Османской и Австро-венгерской, начинают отпочковываться народы, нации, культуры, государства и тоже стремятся к национальному возрождению, интересно приглядеться и сопоставить тогдашнее возрождение народов Восточной Европы с нынешним: последовательность, элементы, ареалы, типы действующих лиц. Этот аспект увлекает: не просто исторический (тем более, акцентируя тождество всего и утопляя различия, как я это делал в тогдашней работе в середине нашего века), но *национально-исторический*.

Сразу бросается в глаза: тогда – постепенность. Долго, век созрели – чехи, болгары... – пока выделились в государство особое. И ареал был – культура: язык, литература, театр, живопись, просвещение, где и творчество шло главное, а не в политике и государственности.

А до этого еще народом субстанция *быта* веками-тысячелетиями выработана, устроена и устоена. С точки зрения быта, кухни, традиционных обрядов, традиции общения и проч. – мало что добавит и век жизни в независимом государстве Болгария. То, в чем находят вкус жизни Йордан Радичков и Тодор Живков во второй половине XX века, мало чем отличается от того, что и как было сладко Хаджи Генчо и Дядо Либену – “болгарам старого времени” в известной повести Любена Каравелова, или бай Марко-чорбаджи в

романе “Под игом” Ивана Вазова: посидеть в жаркий день в тенистом саду у чешмы за чашей вина среди большой домашней “челяди” и разговаривать весело, вспоминая разные случаи и соревнуясь в остроумии...

Что же ныне – в бывшем СССР, в Югославии? Начинается дело сразу с политики: ареал национально-возрожденческой активности – сфера государственности. Делят территории, богатства, принимают законы, в частности, о гражданстве, сохраняя этнос, его чистоту и охраняя язык как предпосылки для будущего творчества национальной культуры, уже независимой от влияний идеологий интернациональных (того же коммунизма). Но пока суть да дело, патриоты неистовствуют, крушат культуру и у себя, и у соседей (бомбят храмы и жгут архивы), убивают женщин – лоны возрождения, детей...

Таким образом, начинают с уровня политики, государства и выдвигаемые ими вожаки-лидеры с их аспирациями, если вникнуть в их сущность, хотят выглядеть *как все, как люди* современные и просвещенные: с “президентом” и “спикером” “парламента”, с “валютой” и таможенной, со “спонсорами”, “фондами” и посольствами везде и курсом доллара... Какая ж тут уникальность и национальная самобытность? В лучшем случае – искусственные стилизации под народные обряды, песни-танцы, галушки-пампушки, борщи и вареники...

Или – это начало процесса нам видимо, а далее – Бог весть, что выкипитится: может, и возрождение нации и творчество культуры?

Во всяком случае, в ракурсе современного состояния мира попробуем переосмыслить начало национального Возрождения Болгарии в XIX веке и роль Юрия Венелина в нем.

Какая же картина-панорама предстает на рубеже XVIII–XIX веков? Болгарии – нет, а есть одна из западных территорий Османской империи, где обитают туземцы – “рая” покорная, люди просто первичной жизни, хозяйства, быта, на низовом уровне, обитают в страте до Духа и Слова и занятий этого уровня: власть, литература... Из сферы Духа их касается православие, церковь (но они под греками) и Слово славянской речи: в быту, в песнях и богослужебных текстах.

И вот тут – зазор: в эту щель между бытом и государством-властью, в сферу Слова и начинает первым делом национальная энергия сосредотачиваться и входить, расши-

рять, образуя национальную интеллигенцию (в философском смысле: как Интеллект-разум) и ею дух-культуру создавать.

Но зачем? Нельзя ли внутри империи и по-турецки? Можно. И многие просвещенные болгары – Стефан Богориди и др. – становились сановниками в Стамбуле и во Фракии, Румелии, управителями... Можно и по-гречески творить: отсоединилась же Греция от Турции с 1821 года... Да, греки – союзники турок, но они же – враги славянского Слова, давят болгар.

Значит, вопрос – о самосознании: кто мы? – первейший. Почему мы особые, имеем особый язык и отчего, и что это значит?

Вопрос об отцах, предках – в Историю упирается. И пробуждение Интеллекта национального – с трудов по истории начинается. Первой тут была “История славено-болгарская о народе и о царях и о святых болгарских и о всех деяниях и бытиях болгарская” Пансия Хилендарского. Иеромонах собрал данные о болгарях в разных историях европейцев, предложил узнаные факты и идеи, возжег в душах факел самоценности: и мы нечто собою представляем, а не рабы и “рая”! Имели власть, царство-государство, били и греков (о турках – нет). Под нами толща, пласты истории – нам есть чем питать национальное чувство, дух, гордость. В примерах предков даны нам основания для самовыделения, для упругости противостояния. Как и римляне мы! Как эллины! Свои цари и герои. Пансий – как Плутарх болгарам стал.

Это было в 1762 году. Но мал резонанс – рукопись ведь! Однако костер – занялся. Модель у Пансия была западноевропейская: из Цезаря Барония, из Мавро Орбини – книги на латинском и итальянском языках.

А тем временем к северу шли русско-турецкие войны и все ближе придвигалась великая славянская держава – и туда переориентировались взоры. Однако – туго. Уж как расшевелена, сотрясена Европа наполеоновскими войнами! Но до Османской империи волны едва доходили эти, разве что затронута чуть авантюрой Наполеона с высадкой в Египте.

Но скоро Греция отпадает, а с севера – Молдавия и Валахия, и туда бегут, переселяются болгары. Идет миграция – и человек, и идеи. В России уже узнают, что есть там, на юге, какие-то еще люди, говорящие на похожем языке, и кто они?

За освоение болгар русскими и принялся Юрий Венелин — и доказал, что они — родные нам, русским, братья, о ком нам естественно печиться-заботиться, помогать в беде и поддержать.

Раскапывая болгарски-славянские древности, Венелин наработывал материал и для России, для ее более увесистого самочувствия в бытии и истории: расширил ареал и протяженность ее легендарной и эпической эпохи. Что это было актуально, можно составить представление по “Философическим письмам” Чаадаева. Там он элегически рассуждал об отсутствии у России славных преданий: “У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это — эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями; это — необходимая основа всякого общества... Этот увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет... Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем” ...Тут, конечно, сказывается казус самого Чаадаева, который был совершенно необразован в русской истории, в древностях, не знал ни летописей, ни были и едва ли прочел внимательно “Историю государства российского” Карамзина; да еще упивался своей элоквенцией в письме даме по-французски, сугубый западник по образованности своей: Гомера, “Нибелунгов”, “Песнь о Роланде” и “Песнь о моем Сиде” мог знать и иметь в виду, восхищаясь мифическими и легендарными временами у европейских народов, а вот “Слово о полку Игореве”, былины и сказки русские, в отличие от Пушкина, прошли мимо него. И все же эта невежественность Чаадаева симптоматична: и русские в первой трети XIX века чувствовали себя обделенными

историей – и в этом отношении недалеко ушли от совсем запамятовавших о своем прошлом болгар.

Вот почему такое страстное научно-художественное произведение, как книга Венелина, была в самую точку: она содержала в себе и меру объективного познания исторического прошлого и меру эмоционального призвания на путь и труд национального творчества в Духе.

“Древние и нынешние болгаре...” – текст *славянофильской науки*: открыто исповедуясь в своей любви, с интенцией защиты и оправдания, сочинение, возможно, и теряет в равновесной объективности рассмотрения, но не в глубине проникновения, понимания. Исходя из живых сил и страстей души, оно и читателя хватает за живое-религиозное, напоая и умознание кровью заинтересованности. Равнодушное познание может быть равновесным, “объективным” по оценкам, воздавая “и нашим, и вашим” в меру, но оно не будоражит души и не побуждает к делу.

Что сделал Венелин для русской истории и самоидентификации россиян? Доселе взор их не проникал далее “призвания князей” “из варяг” и принятия христианства “из грек”, располагая Русь как бы по меридиану пути “из варяг в греки” в пространстве, а по шкале времени – не глубже VII в. н. э. Теперь же под Русь подставлено Славянство – огромный древний мир, море, откуда вытекла река России, прародина и предки, прародители, отцы-матери россиянам. И пространство обитания протянуто с севера на юг, на восток (царство Волжских булгар и “козар” и гор Средней Азии, откуда дружина Аспаруха вышла и племена, предводительствуемые Атиллой), и на запад – за Дунай. Таким образом история России посажена на фундамент Евразии, и русские из “не помнящих своего родства”, откуда ни возьмись взявшихся подкидышей истории, получали законных родителей, достойного рода-племени и честных кровей, где такие именитые, как Кирилл и Мефодий.

Что же до болгар, то книга Венелина проникши туда, дала идеологическое обоснование процессу национального Возрождения. Венелин снабдил болгарских возрожденцев *национальным мифом*. Тут очень важно, что не свой (как сам болгарин – заинтересованный, значит, – Пансий Хилендар-

ский, монах и книжник арханчальный), но человек со стороны, из России, ученый историк, могущий судить беспристрастно, принес эдакое болгарам уразумение. Как, спускаясь с Синая, Моисей принес иудеям скрижали Завета, так боговдохновенный пророк с Севера болгарам явился. "Они видели в нем того гения, — писал просвещенный болгарин-купец Василий Априлов о воздействии Венеллина на болгар, — который может извлечь их из неизвестности, ознакомить их с их братьями русскими и поставить их наравне с просвещенными народами"⁸.

Миф Венеллина о болгарях сложился из элементов научно-исторических и из эмоционально-художественных. Из данных и фактов истории — и из их страстно-заинтересованной интерпретации, в итоге чего отбрасывается одно, усиливается другое, — и те же самые черты лица (народ, его история, судьба-призвание) неузнаваемо-одушевленными проступают, светятся.

Объектом сокрушения, "тезисом-жертвой", от которого отталкиваться в поисках истины (по модели русского Логоса: "не то, а...") был для Венеллина, как уже говорилось выше, научно-исторический миф о болгарях, что сложился в германской науке к началу XIX века. Согласно ему, праболгары, тюркское племя, в век переселения народов (V–VI вв.) перекочевало с гор Средней Азии в долину Дуная, транзитом через скифо-сарматские земли Южнорусских степей, — и там, застав многочисленный народ славян, ассимилировалось с ним, так что в итоге образовался народ-метис, который мы и знаем ныне как "болгаре". В сущности, это же сказывает о болгарях и современная наука, добавляя еще и фракийский субстрат в праславян на этой территории. Так что, если Венелин зачислил в штат болгар великого Аттилу, вождя гуннов, от кого сотрясалась вся Европа в V веке н. э., то историки эпохи социализма и его ревизионистки Людмила Живковой сопричислили к лику болгар и Спартака — великого вождя восстания рабов в Риме. Легко просматривается заказ общественной психологии на эти два персонажа. В прошлом веке, когда историческими деятелями, заслуживающими фиксации в анналах истории, мнились цари и полководцы, для возвеличения болгар надо было прислонить их к царям, что и сделал Пансий (отчего его

“Историю славеноболгарскую” в народе называли “Царственный”), а затем и Венелин. В век же революции низов возник заказ на своего великого бунтаря (как в Советской России книги и фильмы о Разине и Пугачеве) – и вот фракнец Спартак с территории нынешней Фракнийской равнины хорошо подошел под эту роль и стал снабжать болгар историческим самочувствием – так же, как в современной истории XX века его подпитывала и подкрепляла мировая величина героя Лейпцигского процесса – Георгия Димитрова.

Геополитическое место Болгарии – всемирно-исторический перекресток: между Востоком и Западом (= Азией и Европой), между Севером и Югом (= Славянством с Россией и Средиземноморской цивилизацией, Элладой). И потому естественно, что в сократовой работе “познай самого себя”, которая протекает на протяжении всего исторического бытия каждого национально-государственного организма, деятели культуры акцентируют то одну, то другую ипостась, лик и субстрат страны и ее ориентировку.

Это отчетливо видно в ходе болгарского Возрождения после книги Юрия Венелина. В связи с ней начинается явная переориентация болгар с греческого влияния на русское. В предшествующий, “школьный” период новой болгарской литературы, греческое влияние было для Болгарии более плодотворным, чем русское. Основная задача заключалась тогда в придании культуре *мирского* характера, в создании системы *светского* образования. С Россией же связывали Болгарию узы единой веры и религиозной, богослужбной литературы на церковнославянском языке. Ориентация на Россию означала бы в первой трети XIX века усиление средневеково-религиозной струи в культуре, поскольку сознание болгарских книжников, учителей-просветителей было стадially архаично и совершенно не подготовлено к восприятию большой русской литературы. Вместо Пушкина тогда чувствительны к Ломоносову, Державину, да и к Карамзину: стадию рационализма-“классицизма” и чувствительности-“сентиментализма” проходили тогда культура болгар и их вкусы.

Напротив: именно потому, что к грекам болгары относились враждебно, как к религиозным поработителям (хотя узы

единой веры тоже связывали их), — они воспринимали новогреческую и сербскую *светскую* культуру, уровень и характер которой тогда был ближе задачам, стоявшим перед болгарской жизнью. Все болгарские просветители “школьного периода” — Неофит Рильский и Неофит Бозвели, Петр Берон и Райно Попович и др. — воспитанники греческих школ. Учебные книги тоже переводились с греческого. Райно Попович прямо называл себя “эллинско-греческим учителем”.

К 30-м годам XIX века светское направление образования уже утвердилось в Болгарии. Теперь, как основная, встала задача *национального самоопределения*. Здесь-то и обнаружилось, что интересы национального освобождения Греции были противоположны аналогичным интересам Болгарии. Когда болгары стали притязать на самостоятельную общественную жизнь (и, в частности, на национальную церковь), со стороны Греции началась усиленная эллинизация, которая в середине XIX века была даже сильнее, чем раньше. Опору же своим национальным устремлениям болгары могли теперь находить в идеологии славянской избранности, проникавшей из России, откуда повеял “северный вихрь премудрости и учения”, как писал в 50-е годы Р. Попович.

И естественно поэтому, что первый общенациональный культурный центр начал складываться в Болгарии вокруг идей Венелина. Если до сих пор духовное развитие Болгарии не было централизованным, а носило кустарный, полусредневековый характер: совершалось в разрозненных очагах культуры (монастырях, школах), осуществлялось не связанными друг с другом учителями (“даскалами”), то теперь культурные силы стали сплачиваться. Идеи Венелина образовали в духовной жизни Болгарии как бы магнитное поле с его силами притяжения и отталкивания. Складывается литературная общественность, интеллигентная среда, в лице которой духовная жизнь целого (общественное сознание Болгарии) начинает функционировать самостоятельно — как общенациональный духовный организм.

Перед нами прошел момент в складывании “национальной идентичности” (как ныне это именуют) болгар в Болгарии. Через Венелина — благотворное взаимопитание и подкрепление: болгар — русскими и русских — болгарскими древностями. Еще много будет стадий, фаз, поворотов и

“кривуличений” в процессе национального самопознания (кто мы такие, откуда и зачем?), но эпизод, связанный с Юрием Венелиным, останется как один из приснопамятных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1/ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. – Т. 1. М., 1829. – При ссылках на это издание страницы указываются в скобках в тексте.

2/ *Бессонов П.А.* Статья предварительная // *Ю. Венелин.* Древние и нынешние болгаре в политическом, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Изд. 2. М., 1856, с. XVI.

3/ О формуле русской логики см. в моих книгах: Национальные образы мира. М., 1988, с. 119 и сл.; Русская Дума. 1991, с. 143 и сл.

4/ *Бессонов П.А.* Указ. соч., с. XVIII – XIX.

5/ Там же, с. XVIII.

6/ Там же.

7/ *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М., 1987, с. 36–37.

8/ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. Одесса, 1841, с. 93.

Ю. И. ВЕНЕЛИН О БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В вышедшей недавно коллективной монографии "Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян" о Ю. И. Венелине сказано, что он "одним из первых в России серьезно заинтересовался современным болгарским языком"¹. Это в общем правильная констатация самого историко-научного факта, за рамками которой остаются, однако, ответы на два важных вопроса, а именно: кто были те другие, тоже "первые" в России наряду с Ю. И. Венелиным серьезно заинтересовавшиеся современным болгарским языком ученые, и в чем конкретно выразился их интерес к этому языку, каков был результат их интереса. Без ответа на данные вопросы, как мне представляется, не может быть исторически полной и верной оценка того, каков был вклад Венелина в изучение в России современного болгарского языка. Поэтому прежде чем приступить к освещению этого важнейшего раздела его болгаристической ученой деятельности целесообразно кратко остановиться на том, что в России было известно об этом языке непосредственно до Венелина и кто именно до него им интересовался.

Предшественники Ю. И. Венелина о народном болгарском языке

В первые три десятилетия XIX в. сведения в России о болгарском живом языке были крайне скудны. Еще в самом начале 1822 г. А. Х. Востоков писал: "Так как доселе ни грамматики, ни словаря оному (болгарскому. — Г.В.) языку не издано, то и нельзя сделать о нем никакого верного заключения"². Всего лишь несколькими месяцами позднее в том же году Востоков получил изданный незадолго до этого в Вене известный "Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима" Вука Караджича, содержащий болгарские народные песни, словарные материалы и краткий очерк некоторых особенностей живого болгарского языка, представленного говором Разлога. Востоков сразу же оценил большое значение содержащихся здесь материалов болгарского языка для определения языковой основы древнейших памятников славянской письменности. В письме к графу Румянцеву от

1 мая 1822 г. он писал о большом значении “вновь присовокупленных к этому (“Додатку”. — Г.В.) слов болгарского диалекта, доселе никем не описанного, и что еще важнее, небольшой Грамматикой сего последнего диалекта, который, довольно отличаясь от сербского, сохранил большие сходства с церковнославянским, что и подкрепляет догадку мою о тождестве церковнославянского языка с древним славеноболгарским”³.

Можно было бы думать, что, получив “Додатак” Вука Караджича, Востоков тогда же, в 20-е годы, ближе заинтересовался живым болгарским языком и, может быть, даже стал его изучать. Однако каких-либо данных об этом, а тем более описаний этого языка у него нет. Следующим же известным “откликом” Востокова о живом болгарском языке был его отзыв о “Грамматике нынешнего болгарского наречия” Венелина, написанной по поручению Российской академии по возвращении из Болгарии и остающейся в рукописи до наших дней. Отзыв этот Востоков написал в 1835 г. по указанию министра народного просвещения С. С. Уварова в связи с необходимостью решения вопроса о целесообразности печатания труда Венелина за счет Академии. Отзыв Востокова долгое время был известен, главным образом, по его краткому изложению в брошюре Венелина “О зародыше новой болгарской литературы”⁴ и только в начале 50-х годов нашего столетия подробнее о нем сообщила М. В. Лунина⁵. Полный текст данного отзыва (“Замечаний”) несколько лет назад был опубликован автором настоящей статьи⁶. Востоков не согласился с мнением Венелина о том, что болгарский язык есть наречие русского, несмотря на наличие большого сходства между ними, отметил ряд конкретных погрешностей в описании и объяснении некоторых вопросов грамматики, но общее заключение его было благоприятным: “Несмотря однакож на сие и другие места, в которых я не могу согласиться с г. Венелиным, нахожу я в Грамматике его весьма много дельного и полагаю, что издание оной в свет принесет большую пользу языкознанию словенскому”⁷. Вскоре, однако, Востоков свое мнение о “Грамматике” Венелина изменил. В 1837 г. Рассматривательный комитет Российской академии, который решал вопрос о целесообразности издания “Грамматики” на средства Академии (в его состав входили А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов, В. И. Папаев и Б. М. Федоров), дал резко отрицательный отзыв о труде Венелина и отказал ему в публикации. Что же касается позиции в этом вопросе Востокова, то в заключении комитета было

сказано: "Комитет поставляет присовокупить, что г. Востоков, находившийся в собраниях комитета, при рассмотрении болгарской грамматики, совершенно согласился с мнением членов; касательно же прежнего своего заключения о труде г. Венелина отозвался, что как болгарская грамматика есть первый опыт по сей части, то он и не хотел сперва строго судить ее, и хотя, в представленном от себя мнении, указал на некоторые ее погрешности, однако за всем тем полагал полезным напечатание этой книги, как содержащей в себе материалы для изучающих языки славенские. Ныне же, когда другие члены комитета вменили себе в обязанность подвергнуть книгу сию подробнейшему рассмотрению, соглашается и он с их мнением насчет всех замеченных в этом сочинении недостатков и несообразностей"⁸.

Отметим попутно, что хронологически первым отзывом о "Грамматике нынешнего болгарского наречия" был отзыв профессора Московского университета И. И. Давыдова, который был им составлен по поручению Совета Университета с целью оценки профессиональной подготовленности Венелина как претендента на "преподавание славянского языка" в Университете. Давыдов болгарского языка не знал, в чем он сам чистосердечно и признался в своем заключении о "Грамматике", дав, говоря современным языком, чисто формальный отзыв⁹.

Оба отзыва Востокова и Давыдова – относятся к середине 30-х годов и не свидетельствуют о собственных занятиях рецензентов болгарским языком. Характеризуя первый отзыв Востокова, авторы соответствующего раздела в упомянутой в начале статьи коллективной монографии "Славяноведение в дореволюционной России" пишут, что отзыв этот показывает все же об отсутствии у Востокова "специального интереса к современному болгарскому языку": рецензированная им "Грамматика" Венелина "давала удобный повод для широкого обсуждения особенностей грамматического строя болгарского языка, единственного славянского языка аналитической структуры, однако Востоков им практически не воспользовался"¹⁰.

Возвращаясь же к 20-м годам – ко времени до выхода в свет первых трудов Венелина, надо отметить, что другим русским ученым, наряду с Востоковым, обратившим внимание на живой болгарский язык, был П. И. Кеппен. Совершая в начале 20-х годов путешествие по славянским странам, Кеппен в августе 1822 г. посетил г. Германштадт (ныне г. Сибю в Румынии), где познако-

мился с жившими там болгарскими переселенцами, в том числе и с Дм. Мустаковым. Из путевого дневника Кеппена видно, что в беседах с германштадтскими болгарскими он обсуждал использованную Караджичем в "Додатак'е" для болгарского языка графику и орфографию, произношение некоторых болгарских звуков, отдельные слова. Особый интерес Кеппен проявил к вопросу о диалектах болгарского языка, его диалектному разнообразию. Интересовался он и первыми опытами литературной обработки живого болгарского языка; получил он и список (своего рода словарь) 360 болгарских слов и какие-то другие образцы языка. Некоторые свои соображения – в общей и краткой форме – по отдельным из этих вопросов Кеппен изложил в своих статьях, опубликованных в середине 20-х годов¹¹.

Третьим, известным нам, лицом, проявившим в России интерес к болгарскому языку до Венеллини, был А. М. Спиридов – сотрудник российского консульства в Бухаресте в начале 20-х годов. В августе 1822 г. он встретился в Германштадте с Кеппеном и порекомендовал ему там "заняться болгарскими наречиями с одним болгарским священником"¹². В 1825 г. Спиридов опубликовал обзорную статью о славянах, живших в Европейской части Турецкой империи, указав в ней кратко, что болгарский язык в разных местах проживания болгар различен и испорчен примесью других языков¹³.

Таковы были первые сведения о современном (живом) болгарском языке в России до Венеллини. Сведения эти, как видим, крайне скудны. Естественно, Венеллини не мог знать замечаний о болгарском языке в письмах Востокова и путевом дневнике Кеппена. Но он, вероятно, знал (или должен был знать) то, что писали об этом языке в опубликованных статьях Кеппен и Спиридов, из которых он мог, кажется, заключить хотя бы то, что болгарский язык на территории своего распространения распадается на какие-то диалекты, имеет какие-то местные различия ("провинциализмы") и испытывает влияние других языков, прежде всего турецкого, сказавшееся на его чистоте.

Гораздо больше сведений о живом болгарском языке Венеллини мог почерпнуть из "Додатак'а" Караджича. Когда именно он ознакомился с этим трудом сербского филолога, сказать пока невозможно. Бесспорно, однако, что труд этот был ему известен еще до поездки в Болгарию. Это следует из письма Венеллини к неперемому секретарю Российской академии П. И. Соколову от

2 сентября 1830 г. из Силестры. В письме Венелин отмечает, что жители Котела “очень часто употребляют после существительных ука[за]тельное *атъ* (вместо *тотъ*), *та*, *то*, *тъ*. Посему Вук Стефанович в сво[ем] Додатаке к Сравн[ительному] слов[арю] несправедливо присудил болгарскому языку эти частицы”¹⁴. В первоначальном варианте этого чернового письма за приведенными словами следовало: “в котором они не употребительны, кроме жителей Казани (т. е. Котела. — Г.В.) и его окрестностей”. Повидимому экземпляр “Додатак’а” Караджича Венелин имел с собой во время путешествия. В противном случае следовало бы признать, что он настолько хорошо запомнил его содержание, что и в Силестре мог сослаться на мнение Караджича о “частицах”, т. е. членных формах.

Получается, таким образом, что к изучению болгарского языка Венелин подошел в сущности совершенно самостоятельно, без какой-либо опоры на опыт своих предшественников и современников в России, проявивших интерес к болгарскому языку.

Начальные занятия Ю. И. Венелина болгарским языком

У нас нет данных о том, что Венелин заинтересовался болгарским языком еще до приезда весной 1823 г. в Кишинев. Но нет никаких сомнений в том, что именно в этом городе, где он прожил немногим более двух лет и где жило много болгар-переселенцев, у него зародился и сложился глубокий интерес не только к болгарам и их истории, но и к их языку в частности. Общаясь с болгарами в Кишиневе, он изучал их язык и, надо думать, в какой-то мере овладел им и практически, что ему как славянину и к тому же хорошо знавшему ряд современных европейских и древних языков, вероятно, не составило большого труда¹⁵. Тем не менее приходится заключить, что до поездки в Болгарию Венелин практически владел болгарским языком еще слабо. Это следует и из его собственных слов о том, что в Одессе, куда он прибыл летом 1830 г. по дороге в Болгарию, встретившись в одной лавке с “сизопольским уроженцем”, не умевшим говорить по-русски, он “пытался с ним кое-как (объясняться, разговаривать. — Г.В.) по-болгарски, и дело пошло кое-как на лад”¹⁶. Показательно, что первые дни пребывания в Варне в том же году Венелин пользовался услугами переводчика, но в болгарской среде он быстро преуспел в практическом овладении болгарским языком настолько, что от этих услуг он

вскоре отказался. “В короткое время, – писал Венелин М. П. По-
годину 20 августа 1830 г. из Силистры, – я так приучился, что
разговариваю уже без переводчика, только трудно их (болгар –
хозяев квартиры. – Г.В.) приучить, чтобы говорили они со мною
по-своему, а то вечно ломают русский”¹⁷.

Вполне возможно, что ещё в Кишиневе Венелин задумал напи-
сать очерк грамматики болгарского языка, работу над которым он,
может быть, продолжил позже в Москве. Во всяком случае ко
времени выхода в свет первого тома “Древних и нынешних болгар”
в 1829 г. у него уже был какой-то набросок болгарской грамматики,
о котором он сообщал: “Я написал подробный разбор его
(болгарского языка. – Г.В.) по всем частям речи и непременно
приложу оный к последнему тому сего сочинения”¹⁸. Каких-либо
других, более определенных, сведений об этом “разборе” болгар-
ского языка нет¹⁹.

Кроме непосредственного общения с болгарамн в Кишиневе до
путешествия в Болгарию в 1830 г. Венелин мог почерпнуть све-
дения о болгарском языке и из известных ему печатных болгарских
книг того времени. По крайней мере одна из них Венелину была
хорошо известна еще до отъезда в Болгарию, и он был о ней
высокого мнения. Речь идет об изданном в 1824 г. “Букваре с
различными поучениями” П. Берона, более известном в литературе
под названием “Рыбный букварь”, о котором Венелин писал: “Я не
видел ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить с
достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей
ее ясно, слог приятный, показывающий, что болгарский язык гибок
для всяких оборотов”²⁰. Возможно также, что, будучи в Кишиневе,
Венелин читал (во всяком случае мог читать) “Инструкцию об
обязанностях сельских приказов”, составленную, как полагают,
генералом И. Н. Инзовым и переведенную на болгарский язык для
болгар-переселенцев в Новороссийском крае. Эта “Инструкция” в
1821 г. была издана в Кишиневе в виде брошюры с параллельным
текстом на русском и болгарском языках.

В общем можно сказать, что еще до путешествия в Болгарию Ве-
нелин имел такое представление и знания о болгарском языке – его
структуре и особенностях сравнительно с русским и другими
славянскими языками, каких в то время никто другой из ученых в
России не имел. Эти представления и знания, базировавшиеся,
главным образом, на его собственных наблюдениях над живым
болгарским языком в общении с болгарамн в Кишиневе, а также на

чтении весьма скудного еще списка доступных ему печатных болгарских книг, сам Венелин трезво оценивал как совершенно недостаточные для серьезных научных занятий. Об этом свидетельствует и его собственное признание в ограниченности знаний о болгарях в целом до его поездки в Болгарию. "Прежде я очень мало видал болгар, — писал он 2 сентября 1830 г. из Силистры П. И. Соколову, непременно секретарю Российской академии, — некоторые частные и другие более поверхностные сведения о сем народе служили мне единственным основанием и руководством к многим выводам, изложенным в моей книге (т. I "Древних и нынешних болгар". — Г.В.)"²¹.

Совершенное Венелиным в 1830 г. путешествие в Болгарию (к сожалению, очень кратковременное по не зависящим от него обстоятельствам), пребывание в Бухаресте и на обратном пути в Кишиневе стали важнейшим этапом в расширении и углублении его знаний о болгарском народном языке, что было прямо обусловлено задачей, которая была поставлена перед ним командировавшей его Российской Академией. Сам Венелин считал, что "главнейшим из поручений" Академии было "изучить язык на месте и составить его Грамматку"²².

Нужно заметить, что в результате обсуждения в Академии в начале 1830 г. плана (программы) путешествия, предложенного Венелиным, задачи по изучению живого болгарского языка были существенно изменены. В первоначальном проекте программы, составленной лично Венелиным, предлагалось: "Путешественник должен исследовать болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, то есть обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношения его к малорусскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям"²³. В окончательном же варианте программы путешествия, разработанном с его участием в Академии и утвержденном ею в виде "Инструкции", которою должен был руководствоваться Венелин, было записано: "В проезде через области Задунайские путешественник, кроме исторических и филолого-археологических изысканий, займется преимущественно изучением болгарского языка, соберет все возможные сведения относительно наречий оного, обращая внимание и на коренные слова, коих нет в русском языке, а остались в оном одни только производные и сложные. Составит грамматику и небольшой словарь болгарский с примерами повествовательной прозы (курсив наш. — Г.В.)"²⁴.

В напутственной программе-инструкции обращают на себя два момента: во-первых, изучение болгарского языка ставилось как преимущественная задача, при этом Венелину предписывалось собирать максимально полных (всех возможных) данных о наречиях этого языка и, во-вторых, воплотить результаты этого изучения конкретно в виде грамматики, небольшого словаря с хрестоматией ("примерами повествовательной прозы"). Можно было бы ожидать, что в конкретизации программы путешествия в таком плане сказалось мнение Кеппена, первого из русских ученых проявившего, как уже сказано выше, интерес к болгарскому живому языку и в частности к его территориальным различиям во время своего пребывания в 1822 г. в Германштадте и общения с жившими там болгарами. Но Кеппен, по-видимому, уклонился от каких-либо рекомендаций и при первой же встрече с Венелиным сказал ему, что "не может дать обширных наставлений", распросив только о намерениях самого Венелина²⁵.

В соответствии с полученной "Инструкцией" Академии во время путешествия Венелин собирал материалы для грамматики и словаря болгарского языка, общаясь с большим числом болгар сначала в Одессе, а затем в Варне, Силистре, Бабадаге, Бухаресте, куда стекались, особенно во время только что закончившейся русско-турецкой войны, болгары из разных областей за Дунаем. Он наблюдал за речью уроженцев разных районов, сравнивал ее, обращая внимание на территориальные различия, интересовался чистотой речи болгар в разных населенных пунктах, собирал данные о территории распространения болгарского языка. Много усилий прилагал Венелин для сбора народных песен болгар, рукописных и печатных книг на болгарском языке. В Бухаресте он упорно работал над влахо-болгарскими грамотами – драгоценными памятниками по истории болгарского языка. Все это составило достаточно солидный фундамент, на котором он строил свои заключения о болгарском языке, написал "Граматику нынешнего болгарского наречия" и "Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты".

Нельзя забывать при этом, что первые болгарские грамматики, составленные самими болгарами – Неофитом Рильским, Христати Павловичем, Нофитом Бозвели, были изданы в 1835–1836 гг., т. е. уже после завершения работы Венелина над названными трудами и всего за три-четыре года до смерти русского ученого. Причем, кажется, только "Болгарская грамматика" Неофита Рильского

(1835) была ему хорошо известна и о ней, особенно о ее вступительной части "Филологическое предуведомление", он был высокого мнения²⁶. Можно, таким образом, с полным основанием утверждать, что свои заключения о болгарском языке Венелин излагал, опираясь на собственные наблюдения и материалы.

Сказанное выше, а в еще большей степени серьезный анализ трудов Венелина, опубликованных и оставшихся в рукописи, как и сохранившихся писем, дают все основания рассматривать его как подлинного зачинателя отечественной лингвистической болгаристики в России. Его деятельность в этой области уже давно привлекает внимание многих исследователей, дающих неоднозначную, в том числе и весьма критическую оценку его взглядов по тем или иным вопросам. Подтверждением незатухающего интереса к этому аспекту ученой деятельности первого русского болгароведа в наши дни служит публикуемая в настоящем сборнике обширная статья Е. И. Деминной "О первом опыте кодификации болгарского литературного языка эпохи Возрождения. Концепция Ю. И. Венелина", в которой впервые дан глубокий анализ теоретического подхода и практического решения Венелиным сложных проблем устройства нового болгарского литературного языка.

В настоящей же статье ниже мы рассмотрим другие вопросы, решению которых на заре отечественной болгаристики Венелин придавал большое значение и собственное мнение по которым он страстно отстаивал²⁷.

О месте болгарского языка в ряду славянских языков

Венелин решительно отстаивал положение о том, что болгарский язык — это отдельный, самостоятельный славянский язык, а не диалект одного из славянских языков. Это положение, не вызывающее никаких сомнений в настоящее время, в 20–30-е годы XIX в. отнюдь не было столь же очевидным, и Венелину приходилось неоднократно подчеркивать и доказывать самостоятельность болгарского языка в ряду славянских языков. И в том, что это положение укрепилось в науке, прежде всего в отечественном славяноведении, есть большая заслуга именно Венелина.

Между тем в существующей литературе уже давно утверждается, что Венелин считал болгарский язык наречием русского, и это его положение давно уже подвергается критике. Такое представление мнения Венелина по столь важному вопросу, каким является вопрос

о статусе болгарского языка, глубоко ошибочно, хотя повод для такого именно понимания позиции Венелина дают его собственные высказывания. Это заставляет остановиться на данном вопросе подробнее, чтобы снять незаслуженные упреки Венелина в якобы допущенной им фундаментальной ошибке.

В трудах Венелина и его письмах действительно нередко встречаются высказывания, которые дают прямой повод утверждать, что он придерживался именно такого мнения. Так, в начале "Грамматики нынешнего болгарского наречия", указав на наличие в болгарском существительных, отличающихся ("уклоняющихся") от русских и в чем-то измененных, но совершенно понятных ("вразумительных") для русского читателя, он пишет: "Сии изменения составляют принадлежность болгарского наречия русского (общего) языка и происходят от более или менее уклоняющегося произношения общих слов" (курсив наш. — Г.В.)²⁸. В другом месте этого труда, говоря об архаизации как о наиболее целесообразном, с его точки зрения, пути нормализации формировавшегося нового литературного языка, Венелин указывает, что обращение болгар к "прежним формам" (т. е. старым, утраченным в живом языке) в значительной мере способствовало бы сближению их с "русским языком, коего они собственно суть только наречие"²⁹. Позднее, за полтора года до смерти, в письме В. Априлову от 27 сентября 1837 г., вспоминая о встречах с молодыми болгарскими торговцами в Силистрере осенью 1830 г., он отмечает, что в общении с этими болгарскими он быстро "наострился в болгарском языке, а они в русском" и что "это не стоило большого труда, потому что болгарский язык есть отрасль русского"³⁰. Обращаю внимание на это высказывание Венелина, потому что оно относится к последним годам жизни ученого, когда почти все основные его труды уже были им написаны, и, следовательно, приведенного мнения об отношении болгарского языка к русскому он придерживался до конца своей жизни.

Высказывания эти на первый взгляд дают все основания утверждать, что Венелин действительно отказывал болгарскому языку в самостоятельности в семье славянских языков, считая его лишь одним из наречий русского языка, к которому, согласно современной русской диалектологии, относятся наречия южнорусское (южновеликорусское) и севернорусское (северновеликорусское). Иными словами, как бы получается, что Венелин ставил болгарский язык на один уровень основного диалектного членения

русского языка с его южнорусским и севернорусским наречиями. Так именно понимаемые высказывания Венелина о соотношении болгарского и русского языков создают предвзвешенное о его мнении по этому вопросу как о совершенно произвольном, ненаучном и даже фантастическом.

На это мнение обратили внимание уже первые рецензенты "Грамматики нынешнего болгарского наречия" – упоминавшиеся выше И. И. Давыдов и А. Х. Востоков. Если Давыдов в своем кратком отзыве только констатировал рассматриваемое здесь мнение и не решился выразить своего отношения к нему, как и по другим вопросам, видимо, из-за незнания болгарского языка³¹, то А. Х. Востоков высказался о нем вполне определенно: "Г. Венелин в самом начале Грамматики своей принимает в основание, что болгарский язык есть наречие русского, а потому и сравнивает оный беспрестанно с русским... Не отвергая в болгарском языке большего сходства с русским, нежели с другими славянскими наречиями, нельзя, однако, по моему мнению, считать болгарский язык наречием русского. Он слишком много имеет своего собственного"³².

Венелин, однако, с этим серьезным замечанием Востокова, судя по всему, не согласился. Характеризуя в целом отзыв маститого ученого о "Грамматике", полученный в конце сентября 1835 г., Венелин позднее, почти через два с половиной года, писал: "Замечания А. Х. Востокова принадлежат больше к высшей филологии, нежели к простому изложению грамматических форм, и, как кажется, причиною их было то обстоятельство, что именно в некоторых местах следовало выразиться еще подробнее. Следовательно, это давало мне возможность сделать на них свои замечания. Но это походило бы на ученый спор, который давал мне повод к пополнению грамматики"³³. Относил ли Венелин к "высшей филологии" приведенное выше серьезное замечание Востокова, сказать трудно, поскольку само это замечание он оставил без каких-либо комментариев со своей стороны. Имея в виду, однако, его гипотезу об исконно славянском характере волжских болгар и их ближайшем родстве с великороссами и малороссами, которой он придерживался до конца своей жизни, можно думать, что своего мнения о болгарском как о "наречии русского языка" Венелин не изменил и после возражения Востокова. Подтверждением этому служат и приведенные выше его слова из письма к В. Априлову от

27 сентября 1837 г. о том, что “болгарский язык есть отрасль русского”.

В наше время изложенная точка зрения Венелина также подвергается критике³⁵. Отмечая, что его труды “в области языкознания стояли ниже науки того времени”³⁵, С. Б. Бернштейн имеет в виду, надо полагать, и это важное положение о болгарском языке как одном из русских наречий. Еще более суровую оценку этого положения находим в статье В. П. Чорного о Венелине, опубликованной в библиографическом словаре “Славяноведение в дореволюционной России”. Характеризуя ученую деятельность первого русского болгароведа, автор этой статьи пишет: “Не получив специальной подготовки в области истории и филологии и не владея методами этих наук, Венелин развивал в своих трудах фантастические и ненаучные теории (в частности, пытался доказать, что болгарский язык является наречием русского языка)”³⁶. Такая характеристика мнения Венелина о болгарском языке в данном справочно-энциклопедическом издании должна рассматриваться, видимо, как весьма авторитетная и достаточно обоснованная. Между тем, несмотря на всю очевидную на первый взгляд фантастичность и ненаучность попытки Венелина утвердить положение о самостоятельности болгарского языка и включении его в рамки языка русского на правах одного из его наречий, такая оценка нуждается, как мне кажется, в серьезной коррекции.

В трудах Ю. И. Венелина находим множество подтверждений иного его понимания отношения болгарского языка к русскому. Уже в т. I “Древних и нынешних болгар” он совершенно ясно и недвусмысленно говорит о самостоятельности болгарского языка в ряду остальных славянских языков. “Язык болгарский, — пишет он, — отличается от *всех прочих сродственных как сербского, кроатского, словенского, русского и проч.* и составляет *совсем особое славянское наречие*” (курсив наш. — Г.В.)³⁷. Как видим, Ю. И. Венелин ставит здесь болгарский язык в один ряд с другими славянскими языками — сербским, словенским, хорватским и русским, а не с диалектами или наречиями (в современном их понимании) этих языков. Говоря, что болгарский — это “совсем особое славянское наречие”, он хотел здесь подчеркнуть не только самостоятельность болгарского языка как одного из современных славянских языков (на это в конце 20-х годов прошлого столетия важно было специально обратить внимание), но и его значительное своеобразие в кругу этих языков.

Чтобы оценить важность этого заключения, нужно иметь в виду, что в 20-е годы было распространено мнение о болгарском как об одном из диалектов сербского языка. Известно, что такого мнения придерживался патриарх славянской филологии Й. Добровский. Были сторонники такого мнения и в России. Например, Н. Полевой в 1829 г. в перечень славянских языков болгарский не включает и рассматривает его как "наречие сербское, к которому причисляются языки собственно сербов, булгаров, босняков, черногорцев, славонцов или далматинцев, вообще славян, обитающих на север от древней Фракии и Греции и на юг от Германии, Венгрии и России"³⁸.

Положение о самостоятельности болгарского языка в ряду других славянских языков Венелин высказывает и в последующих своих трудах, в которых уже нашло отражение и результаты изучения им этого языка во время и после путешествия в Болгарию. Так, в последней главе "О напеве болгарского языка" в своей "Грамматике" он пишет: "...нынешний болгарский язык наравне с русским и сербским не пуждается в знаках ударения (курсив наш. – Г.В.)"³⁹. Обращает здесь на себя внимание различие в обозначении языка болгар: язык – в приведенном заглавии главы и наречие – в заглавии всего труда "Грамматика нынешнего болгарского наречия".

О таком именно понимании Венелиным болгарского языка свидетельствуют и его высказывания о сравнительной близости этого языка с другими славянскими. Так, в т. I "Древних и нынешних болгар" он пишет: "Вообще язык сей (болгарский. – Г.В.) более всего подходит к сербскому и после к малороссийскому. Сербы довольно хорошо понимают болгар, точно так как поляки или кроаты чехов"⁴⁰. Об исключительной близости болгарского к украинскому ("малороссийскому"), называя на этот раз его наречием, Венелин говорит и в другом месте: "Малорусское наречие имеет чрезвычайное сродство с болгарским, почти тот же дух и те же обороты (что яснее выкажется из-за сравнения их с другими славянскими наречиями)"⁴¹. Что касается сходства болгарского с русским, то Венелину в общем оно представлялось меньшим, чем с сербским или украинским. Более того, он совершенно определенно констатировал наличие существенных различий между ними. "Конечно, – писал он, – между *нынешним русским и болгарским языком* довольно чувствительная разница" (курсив наш. – Г.В.)⁴³. (Срв. с этим приведенное выше мнение А. Х. Востокова, указав-

шего на то, что болгарский “слишком много имеет своего собственного”, т. е. отличительного от русского, чтобы его можно было считать наречием русского языка). В другом месте Венелин пишет: “Отличительная разница между болгарским и собственно-русским наречием бросается в глаза”⁴³. Наряду с этим Венелин отмечал и наличие у русского (великорусского) “своей особенной связи с болгарским, которой малорусское (т. е. украинское. — Г.В.) уже не имеет”⁴⁴.

Мнения о самостоятельности болгарского языка Венелин придерживался и позднее. Убедительным подтверждением этому служит его “Конспект преподавания истории славянского языка и литературы”. Этот “Конспект” был составлен им в 1834–1835 гг. вскоре после завершения работы над “Грамматикой” по поручению Совета Московского университета в связи с его намерением занять в этом университете славистическую кафедру. Согласно “Конспекту”, одной из целей курса “истории славянского языка и литературы” Венелин ставил “аналитическое и синтетическое обозрение всех существующих ныне славянских наречий”⁴⁵. Перечень этих наречий, т. е. языков, в “Конспекте” или порядке чтения” данного обозрения открывает болгарское наречие, за которым следует сербское, кроато-далматское, словенское, чешско-моравское, сорабское или сербское (лужицкое) и польское. Любопытно и в то же время весьма показательным, что в самом перечне языков зарубежных славян названо болгарское *наречие*, а в аннотации материала, на котором Венелин предполагал строить свой курс об этом наречии, указан болгарский язык: “По собственной грамматике болгарского языка”⁴⁶, хотя в самом заглавии этого труда, как известно, стоит слово “наречие”, а не “язык” — “Грамматика нынешнего болгарского наречия”. Совершенно ясно, что в учебной программе университетского курса по языкам (“наречиям”) зарубежных славян Венелин ставил болгарский в один ряд с перечисленными здесь языками, а не рассматривал его как наречие русского языка. П. А. Лавров, опубликовавший этот “Конспект”, в самом конце XIX в., обратил внимание на то, что в свое “аналитическое и систематическое обозрение” языков зарубежных славян Венелин не включил “древнеславянский язык”. Объяснение этому он видел в том, что Венелин решительно считал этот язык древнеболгарским и что глубокое убеждение в этом автора “Конспекта” зиждилось на его близком знакомстве с болгарским языком”⁴⁷.

Из сказанного здесь со всей очевидностью следует, что Венелин рассматривал современный болгарский язык как один из самостоятельных славянских языков, а не как одно из наречий современного русского языка. Об этом говорит не только то, что он ставит болгарский в один ряд с другими славянскими языками, но также и то, что сравнивает болгарский с современным ("нынешним") русским языком в целом или современным русским литературным языком, а не с одним из его территориальных наречий — севернорусским или южнорусским. Если бы Ю. И. Венелин действительно считал болгарский наречием современного русского, то он не стал бы их сравнивать между собой, устанавливать степень их близости или глубину различий, поскольку нелогичность такого сопоставления "части и целого" очевидна, и трудно себе представить, что Венелин не понимал этого или не видел внутренней противоречивости в таком сопоставлении.

Заблуждение исследователей в оценке мнения Венелина об отношении болгарского языка к русскому и в связи с этим вообще о месте болгарского языка среди других славянских объясняется двумя причинами.

Одна из них — понимание термина "наречие", широко используемого Венелиным для обозначения языка болгар, только в его современном значении, принятом в диалектологии, как "совокупность местных говоров и диалектов какого-либо языка, обладающих общими для них диалектными особенностями" (например, южновеликорусское наречие, северновеликорусское наречие русского языка)⁴⁸. Поэтому приведенные выше высказывания Венелина о болгарском языке как наречии русского воспринимаются исследователями как признание им того, что современный болгарский язык есть одно из наречий (в приведенном здесь значении) современного русского языка. Между тем Венелин широко использует термин "наречие" и в значении "язык". В таком значении этот термин в его время широко употреблялся и выступал часто как синоним термина "язык". В настоящее время данное значение этого термина воспринимается как устаревшее, что и фиксируется толковыми словарями. В цитируемом здесь толковом словаре оно иллюстрируется следующим примером из романа "Накануне" И. С. Тургенева: "— Русскому стыдно не знать по-болгарски. Русский должен знать все славянские наречия"⁴⁹.

Параллельное использование терминов "язык" и "наречие" в одном и том же значении "язык" — обычная практика ученых

прошлого века, особенно первой его половины. Этой практике следует в своих трудах и Венелин, что уже можно было заметить и на примере некоторых из цитированных выше положений из его трудов. Для более убедительного подтверждения этого приведем еще несколько подобных выдержек.

В посмертно изданных "Критических исследованиях об истории болгар" Венелин подвергает критике положения Й. Добровского о том, что первый перевод священного писания был сделан на сербский язык или что "кирилловым языком было древнее, еще несмешанное сербо-болгаро-македонское наречие". Он пишет: "Что значит: несмешанное сербо-болгаро-македонское наречие? Из сего неопределенного заключения выходит только неопределенное, смешанное понятие о названии церковного языка. Что *сербский и болгарский суть два различные языка или наречия*, нет ни малейшего сомнения: сие различие обоих языков, начиная отныне, восходит в древность к своим старым прадедам в параллельном расстоянии, т. е. *сии языки были различны между собою во все времена*, ибо во все времена болгаре были болгарами, а сербы сербами, т. е. оба народа были не одно и то же" (курсив наш. — Г.В.)⁵⁰. Венелин, как видим, утверждает древнее, исконное различие сербского и болгарского как языков различных, которые он тут же называет и наречиями. Это "два различные языка или наречия" — весьма показательно для параллельного, однозначного употребления им терминов "язык" и "наречие" применительно к болгарскому, другим славянским и неславянским языкам.

Другой пример. В начале книжки "О зародыше новой болгарской литературы" Венелина читаем: "Говоря о болгарском языке, надобно заметить, что нынешний болгарский язык к старому болгарскому (т. е. нашему церковному) паходится почти в таком же отношении, как и новогреческий к старому же греческому"⁵¹. Но в другом месте этой же книги, характеризуя отношение современного болгарского языка к древнему болгарскому и к другим славянским языкам, Венелин говорит не о языках, а о "наречиях". Так, одну из задач своей "Грамматик" он видел в том, чтобы "передать в ней живое нынешнее болгарское наречие так, как оно есть, с показанием всех его отступлений от старого болгарского (нашего церковного) и прочих славянских наречий"⁵².

Параллельное употребление терминов "язык" и "наречие" многократно встречаем и в самой "Грамматике" Венелина. Например, на стр. 72, говоря об образовании существительных на *-ба* и *-тва*, он

пишет, что “болгарский язык (даже и русский) тогда только прибегает к образованию глагольных [существительных] на *-ба* и *-тва*, когда встречается какое-либо неудобство в образовании глагольного *-ие*”, а несколькими строками ниже, резюмируя сказанное выше о существительных с данными суффиксами, он эти же языки называет уже наречиями: “Вот законы, коим следуют довольно единогласно и болгарское и русское наречия, между тем как западные славянские не следуют во всем сим умягчительным правилам”. Или на с. 324 “Грамматки”, где говорится об общих чертах в болгарском и западнославянских языках: “Конечно, иной мог бы принять это за галлицизм в болгарском наречии, точно также как на равном основании можно было бы допустить болгаризмы во французском. Дело только в том, что *новоболгарский язык* попал на ту же стезю многих оборотов, как и другие новые языки Западной Европы”. Еще один пример параллельного употребления этих же терминов: “...Я изложу несколько оборотов и идиотизмов болгарского языка, которые 1) удобнее бросаются в глаза наблюдателю и 2) которые более выражают идиотичную собственность или сторону болгарского наречия” (с. 309; курсив здесь и выше наш. — Г.В.).

Перечень подобных примеров можно легко умножить, но и приведенных вполне достаточно, чтобы убедиться в широком употреблении Венелиным термина “наречие” в значении “язык”. Говоря о болгарском наречии, он несомненно имел в виду язык болгарский как один из самостоятельных славянских языков с присущими ему специфическими особенностями.

Обратимся теперь к другой причине неверной оценки или неверного истолкования положения Венелина о болгарском языке (болгарском наречии) как наречии русского языка. Источник ее лежит на поверхности и заключается в том, что русский язык в таком контексте воспринимается исследователями как современный русский, т. е. один из современных восточнославянских языков.

В действительности, однако, русским языком Венелин здесь называет и тот общий древний язык, из которого развились современные языки восточных славян и к которому исторически, по его мнению, восходит современный болгарский язык. Уже в т. I “Древних и нынешних болгар” достаточно четко изложена точка зрения Ю. И. Венелина именно об исторической принадлежности современных русского, украинского и болгарского языков к единому общему для них “корню” — русскому языку, который в

современной терминологии можно было бы назвать общим древневосточнославянским. “Итак, — писал Венелин, — русский язык разделяется на три главные наречия: великорусское, малорусское и волгорусское, т. е. болгарское”⁵³. Такое разделение — следствие длительного развития в разных географических условиях россос — славянского народа, “уже искони” занимавшего обширную восточноевропейскую территорию и разделившегося на “три наречия или части”, которые Венелин “по местоположению” их называет “северною (великороссы)”, “южною (малороссы)” и “восточною или волжскою (волгороссы или болгаре)”⁵⁴. Поскольку “русский язык”, на котором говорили россы, “занимал огромное пространство с берегов Вислы за берега Волги, от пределов Чуди до гор Карпатских и Серета и Прута”, то распадение этого языка на наречия было вполне естественным (его “надо было ожидать”)⁵⁵. Что касается сложившейся “довольно чувствительной разницы” между “нынешним русским и болгарским языком”, то она, по мнению Венелина, “необходимо должна была произойти по причине других жилищ и продолжительности, так сказать, разлуки”⁵⁶. В другом месте в духе географической (климатической) теории языковых изменений он прямо связывает “развитие языка и его наречий” применительно к славянской ситуации с воздействием в течение продолжительного времени разных климатических условий. “Язык сам собою изменяется не легко и не скоро, преимущественно в таком климате (как на Руси), где говорят тихо и вятно; полдюжины столетий пролетит и едва можно заметить что-нибудь достойное замечания. В жарких климатах, где говорят скоро, изменение происходит несколько чувствительнее, что именно действовало с IV по XIX век на болгарское население”⁵⁷.

Не останавливаясь на критике очевидно ошибочной в лингвистическом плане изложенной здесь концепции языковых изменений, обратим внимание на следующее. Признавая медленное протекание изменений в языке болгар (“волгоболгар”) и языке русских (“великороссов”), Венелин вместе с тем наличие глубоких различий между ними относил к далекому прошлому. “В драгоценном памятнике болгарского наречия IX столетия (Св. Писание), — пишет он, — видно, что оно тогда уже в полной мере было наречием, и не удивительно, что путешествовавший в то время на Волгу араб почитал наречия козар и болгар одним и тем же, но *различным от русского*” (курсив наш. — Г.В.)⁵⁸. Венелин, конечно, глубоко ошибался, относя “наречия козар и болгар”, обитавших на

Волге, к языку славянскому. В рамках рассматриваемой темы настоящей статьи важно, однако, отметить то, что славянский язык болгар, живших в IX в. на Балканах и оставивших “драгоценный памятник болгарского наречия IX столетия (Св. Писание)”, Венелин характеризует как уже сложившееся “в полной мере” наречие, “различное от русского”. В современной терминологии приведенное положение Венелина можно было бы сформулировать так: употреблявшийся в IX в. болгарам на Балканах славянский язык был уже отдельным языком, существенно отличавшимся от русского.

В свете сказанного общее положение Венелина о болгарском как о наречии русского языка следует рассматривать в том смысле, что он исторически относил современный болгарский, как и современные русский и украинский языки, к их общему “корню”, который в его “Грамматике” называется “русским (общим) языком”, иначе говоря – древневосточнославянским. Отметим в этой связи правильную оценку М. В. Луиной рассматриваемого положения при не совсем точном изложении ею приведенного выше заключения о нем Востокова. Востоков считал, пишет М. В. Луина, что «несмотря на большое сходство болгарского языка с русским его все же нельзя относить к *восточнославянским языкам*, так как содержит “слишком много своего собственного»» (курсив наш. – Г.В.)⁵⁹. Востоков, как видно из приведенного выше фрагмента его отзыва, говорит не о восточнославянских языках, а о русском.

Взгляд Венелина на восточнославянское (“русское”) происхождение болгарского языка и о ближайшем родстве его в историческом плане с русским и украинским непосредственно связан с его ошибочной концепцией об исконно славянском характере волжских болгар как славяноязычных предков современных болгар. Констатируя ошибочность такого взгляда, мы не должны, однако, распространять его и на понимание Венелиным отношения современного болгарского языка к современному русскому. Из изложенного выше ясно вытекает, что современный болгарский язык Венелин считал самостоятельным славянским языком, а не одним из наречий русского языка.

В уже цитированном выше коллективном труде “Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян” правильно констатируется, что Венелин “выдвинул теорию, согласно которой болгарский язык принадлежит не к группе

южнославянских, а к восточнославянским языкам”, но тут же утверждается, что “ни во времена Венелина, ни позже этот взгляд не нашел поддержки, так как совершенно противоречил действительности”⁶⁰. С последним положением нельзя согласиться, потому что и при жизни Венелина, и после его смерти такая точка зрения некоторыми учеными высказывалась. Так, в 1833 г. П. Шафарик относил болгарский не к “иллирской” (Illyrische), т. е. южнославянской ветви, куда он включал сербский, хорватский и словенский, а к “русско-болгарской” (Russische-Bulgarische) ветви, объединявшей, по Шафарику, церковнославянский и его “сильно видоизмененную дочь – новоболгарский”, русский и русинский языки⁶¹.

Несколько позднее Ф. Палацкий подразделял славян по их языку на три главные группы: восточную, юго-западную (иллирскую) и северо-западную (ляхскую). Болгары по своему языку отнесены Палацким к “восточной или русской” группе, куда он включал “русских и современных болгар”⁶². Общность точки зрения Венелина, Шафарика и Палацкого по вопросу о месте болгарского языка в классификации славянских языков была в 1848 г. отмечена М. А. Максимовичем, который писал, что “иллирская или юго-западная речь у Палацкого представлена в том же объеме, как у Шафарика, то есть к ней отнесены только наречия сербское, хорватское и хорутанское; русская речь представлена не сама по себе, а соединенно с болгарскою, как понимал Венелин”⁶³. Сам Максимович не принимал этой точки зрения, полагая, что “болгарская (речь), будучи отнесена к составу восточной или русской, затемняет ее особенность и отдельность от наречий дунайских”⁶⁴.

Из сказанного видно, что Венелин был не единственным ученым, кто в 30-е годы и позднее считал болгарский одним из восточнославянских языков. Отнесение болгарского к этой группе языков в то время не воспринималось как некая фантастическая теория, как не оценивалось таким именно образом тогда и отнесение другими учеными болгарского к наречиям сербского языка.

О языке первых славянских переводов

Венелин решительно выступил с утверждением положения о том, что язык первых славянских переводов священного писания, выполненных Кириллом и Мефодием, – это язык древнеболгарский

и что современный болгарский язык является прямым потомком этого древнеболгарского языка, ставшего церковным языком также у русских и сербов.

“Нынешний болгарский, – писал Венелин в 1838 г., – к старому болгарскому (т. е. нашему церковному) находится почти в таком же отношении, как и новогреческий к старому же греческому”⁶⁵. В другом труде, изданном посмертно, Венелин писал еще более определенно: “Итак, Кирилл и Мефодий перевели Св. Писание не на какой другой как только на болгарский, именно на болгарский или, что одно и то же, церковный язык, употребляемый ныне в России, Венгрии, Сербии, Далмации и в самой Болгарии, есть язык болгарский, мертвый в прочих странах, но живой и народный еще и ныне в Болгарии”⁶⁶.

Известно, что о генетической связи современного болгарского языка с языком кирилло-мефодиевских переводов Священного Писания в русской литературе до Венелина писал Востоков, решая вопрос о языковой основе древнейших памятников славянской письменности. Венелин пришел к этому же выводу, широко сопоставляя данные современного болгарского языка с церковнославянским (церковным). В письме к П. И. Соколову от 2 сентября 1830 года из Силистры он писал: “Наш церковный есть решительно болгарский IX века; если и ныне болгарии говорит *Азь бѣхъ, ты бѣше, той бѣ, бѣше* и т. п., а прочие славяне не говорят, то он более всего достоин того изыскательского шума, который часто достается народам того не заслуживающим”⁶⁷.

В опубликованных трудах и сохранившихся бумагах (письмах и пр.) Венелина есть и много других высказываний, подтверждающих рассматриваемое тут положение. В этом отношении весьма показателен и тот факт, что в “аналитическом и систематическом обозрении” славянских языков в составленной им программе университетского курса лекций по славяноведению (“Конспект преподавания истории славянского языка и литературы”) “церковный язык” не фигурирует как отдельный язык. На этот факт обратил внимание П. А. Лавров, который в конце XIX века издал “Конспект” и правильно объяснил этот факт тем, что Венелин решительно считал этот язык (у Лаврова – “древнеславянский”) древнеболгарским и что глубокое убеждение Венелина в этом зиждилось на его близком знакомстве с современным болгарским языком.⁶⁸

Как видим, Венелин в своих трудах заострил внимание на том,

что церковный язык со времени своего возникновения у славян был языком древнеболгарским по своему происхождению. Вопрос об этноязыковой принадлежности первых славянских переводов Кирилла и Мефодия и сохранившихся древнейших памятников славянской письменности, как известно, – один из важнейших на всем протяжении истории палеославистики. Наряду с Востоковым Венелин, таким образом, стоит у истоков той точки зрения, которая вскоре стала господствующей в мировой славистике и которая и в настоящее время разделяется большинством крупнейших славистов мира.

Отметим в этой связи и то, что термин “древний болгарский язык” (“древнеболгарский язык”) в русскую славяноведческую литературу ввел именно Венелин. Одновременно с ним этот термин в немецкоязычной литературе (“Altbulgarische”) употреблял широко Шафарик. Обратить внимание на это следует потому, что нередко высказывается мнение, что термин “древнеболгарский язык” в славистическую литературу ввел в употребление в начале 70-х годов XIX в. немецкий языковед А. Лескин.

О территориальных различиях болгарского языка

Выше говорилось, что Венелин в своих трудах, как это и было принято в его время, термин “наречие” употреблял в значении “язык”. Наряду с этим данный термин он употреблял изредка и в его принятом в современной диалектологии или близком к нему значении – определенной совокупности местных говоров или диалектов, объединяемых общими признаками или особенностями. Так, касаясь вопроса о точной языковой локализации первого перевода священного писания на славянский и споря по этому вопросу с Й. Добровским, Венелин в частности указывает: “Слово же македонское для дальнейшего и точнейшего определения перевода Св. Писания можно тогда только прибавить, когда бы мы знали, что болгарский язык подразделяется еще на свои собственные наречия”⁶⁹. Совершенно определенно термин “наречие” не в значении “язык”, а в значении некоей территориальной единицы или разновидности языка применительно к болгарскому Венелин употребляет и в книжке “О зародыше новой болгарской литературы”. Касаясь сложного вопроса о выборе диалектной основы зарождавшегося нового болгарского литературного языка, он здесь пишет: “Если народу пришла пора приниматься за

грамоту, если его язык распался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть весьма осторожны и разборчивы в этом выборе" (курсив наш. — Г.В.)⁷⁰. Указав далее на то, что Е. Васкидович, Н. Рильский и Хр. Павлович уже издали свои грамматики и что желательно издание и грамматики А. Кипиловского, Венелин затем отмечает: "Тоже желательно, чтобы и другие издали грамматики своих наречий"⁷¹. И еще ниже: "Очень замечательное обстоятельство в первом зарождении болгарской литературы есть в том, что первые, которые начали кое-что издавать, принадлежат к наречию *ат*" (курсив всюду наш. — Г.В.)⁷².

Приведенные положения свидетельствуют, что Венелин как будто бесспорно признавал распадение болгарского языка на наречия (диалекты) и в качестве характерного признака одного из них называл наличие членной морфемы *-ат*. В письмах и других рукописных материалах он называет некоторые наречия и по территориальному признаку, например, варненское, тырновское ("терновское"), македонское, шопское, восточноболгарское. Однако в трудах Венелина встречаются и противоположные высказывания. Так, в цитируемых выше "Критических исследованиях об истории болгар", над которыми, как и над книжкой "О зародыше новой болгарской литературы" Венелин работал по возвращении из путешествия в Болгарию и в которых он уже имел возможность учесть результаты непосредственного общения с болгарами из разных областей и наблюдения над их языком, совершенно определенно отрицается какое-либо деление болгарского языка на наречия. "... Чтобы болгарский язык, — пишет он, — будучи уже сам наречием так называемого славянского, разделялся на наречия, допустить не могу: признаю его везде целым, одним и тем же; впрочем, должен признать, что в разных частях пространства, им занимаемого, подвергался, как то везде бывает, разным провинциализмам. Но какие и где были эти провинциализмы, знать нельзя; а разделять их по именам областей, занимаемых болгарами, на венгерский, краевский в Валахии, мизийский, македонский и проч., было бы дерзко и предосудительно без достаточных на то доказательств"⁷³. Впрочем, здесь Ю. И. Венелин скорее говорит как будто о нерасчленении болгарского языка на наречия в прошлом и в ходе его развития, исходя из априорного положения о невозможности распадаения болгарского языка, исторически представляющего собой наречие "так называемого славянского

языка", на свои местные паречия и невозможности установления различий между ними. Это, конечно, глубокое заблуждение, свидетельствующее как о слабой общей лингвистической подготовке Ю. И. Венелина, так и о явно недостаточном (для того времени, впрочем, вполне естественном и объяснимом) знании им конкретного материала. Судя, однако, по содержащимся в его трудах, письмах и путевых заметках беглым замечаниям о местных особенностях современного ему живого языка болгар, он, конечно, знал, что язык этот в разных областях отнюдь не во всем одинаков. Вместе с тем следует подчеркнуть, что приведенное положение Венелина – первое в славистической литературе решительное признание единства болгарского языка на всей территории, на которой, по мнению этого ученого, он распространяется.

Согласно данной Российской академией "Инструкции" Венелин во время путешествия по Болгарии должен был собрать "все возможные сведения относительно паречий" болгарского языка. Это задание Академии по мере своих сил и объективных возможностей он старался выполнить, хотя успехи его в этом, судя по всему, оказались весьма скромными. Как известно, по не зависящим от него причинам, ему удалось посетить лишь незначительную часть Северо-Восточной Болгарии. К тому же вследствие только-что закончившейся русско-турецкой войны многие села этой области болгарами были покинуты. Правда, Венелину удалось встретиться с болгарами-беженцами из разных районов, осевшими в то время в Бабадаге, Силистре и других городах.

Венелин не оставил какого-либо описания болгарских диалектов и их особенностей, которое позволило бы судить более определенно о том, какие конкретно диалектные явления были им замечены и отмечены, какое объяснение он им давал и т. д. Но в сохранившихся бумагах и некоторых из опубликованных трудов его есть отдельные замечания о том, что болгарский язык по областям не во всем одинаков, что в разных областях или городах (селах) есть свои "провинциализмы", т. е. местные особенности народной речи. Эти замечания довольно разрозненны, производят впечатление случайных, говорят скорее о том, что данных о конкретных территориальных различиях Венелину удалось установить и записать немного.

Многие его замечания носят довольно общий характер. Приведем некоторые из них из его "Путевых заметок" – дневника, который он вел во время путешествия: "румельские [болгары]

замечательны по особенному своему и более чистому наречию и одеянию старинному"⁷⁴; "наречие софийцев отклоняется от восточно-болгарского; замечательна разница"⁷⁵; "в Разлоге и в окрестностях господствует так называемое шопское наречие"⁷⁶; "достойно замечания, что в терновском наречии не употребляется при существительных указательная частица *атъ, та, то, тѣ*"⁷⁷; жители Котела "первые стали приниматься и за печатание книг на своем языке; к сожалению, наречие их из всех болгарских есть менее правильное и более набито турецкими словами"⁷⁸. В другом месте Венелин отмечает, что жители этого города "замечательны тем, что очень часто употребляют после существительных указательное *атъ* (вместо *тотъ*), *та, то, тѣ*"⁷⁹ и т. д.

Складывается впечатление, что Венелин особенно занимал вопрос о том, в каком городе или области болгарский язык наиболее чист, при этом под чистотой языка он имел в виду отсутствие в нем иноязычных (прежде всего турецких) элементов. Наиболее чистый в этом отношении язык он признавал и наиболее правильным. В сохранившейся в рукописи "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Венелин указывает области наибольшего и наименьшего распространения турцизмов. Он пишет, что турцизмы "употребляют преимущественно в тех местах, в которых болгаре живут в смеси с турками, а именно в их большинстве. Эти-то места суть преимущественно в восточной части Дунайской (или собственно так называемой) Болгарии, между Бабадагом, Бургасом, Шумном, Варною и Силистриею, также и в приморской части Загорья, или так называемой Фракии. Гораздо менее турецких слов употребляется в западной части обеих Болгарий (Дунайской и Забалканской, то есть Македонии древних), где реже видеть турка и где сплошь одни болгарские селения, как, например, начиная от Тернова до пределов Сербии, и по всей Старой Болгарии (Македонии), исключая места приморские архипелажские. Посему язык болгарский чист в гористых местах, как, например, около Софии, Нишавы, и за Балканами, около Замакова (т. е. Самокова - Г.В.), Прицины, Призрена, Разлога, Мельника, Касторини, Кратова"⁸⁰.

Свои впечатления о чистоте отдельных "наречий" во время путешествия Венелин сообщил П. И. Соколову в письме из Силистры от 2 сентября 1830 года: "Терновское, мне кажется, чище и правильнее. Но еще чище язык сей между македонцами. Хуже всего говорят шуменцы, к коим принадлежат и жители Варских

окрестностей, коварницы, правойцы (то есть жители Каварны и Провадии. — Г. В.)”⁸¹.

Как видим, Венелин неоднократно говорит о “наречиях” болгарского языка, которые он называет или по названию конкретного города, например, варненское, шуменское, тырновское (у него — терновское); или по большому или меньшему ареалу (области): например, шопское, македонское и др. Любопытно, что у него же впервые в литературе встречается и наименование “восточно-болгарское наречие”, которое и в настоящее время служит терминологическим обозначением одного из двух основных наречий болгарского языка, выделяемых в современной болгарской диалектологии. В общем можно заключить, что во время путешествия у Венелина все же сложилось убеждение, что болгарский язык распадается на диалекты или, как он их называл, наречия.

В уже цитированном выше письме к П. И. Соколову от 2 сентября 1830 года он констатирует: “Язык болгарский, сколько мог доселе заметить, подразделяется на несколько наречий”⁸². Нужно отметить при этом, что под термином “наречие” Венелин здесь имеет в виду именно диалект, местную разновидность болгарского языка, а не язык (тырновский, шопский и др.), какое значение этот термин имел у него в других случаях (см. выше). Указывая на наличие в болгарском языковых различий (“провинциализмов”) и называя целый ряд местных диалектов наречиями, Венелин вместе с тем решительно подчеркивал единство болгарского языка на всей территории его распространения.

“Болгарский язык, — писал он в феврале 1834 г. президенту Российской академии наук А. С. Шишкову, — не подразделяется на наречия, он везде один и тот же; областные различия составляют только провинциализмы”⁸³.

Эту же мысль Венелин подчеркивал и позднее⁸⁴. Изложенное таким образом мнение Венелина о единстве болгарского языка на всей территории его распространения — первое по времени такого рода заключение в литературе о болгарском языке.

Что касается пространства, занимаемого болгарским языком, о котором говорится в приведенной цитате Венелина, то этим вопросом он не переставал интересоваться и заниматься, собирая сведения о расселении болгар, их численности и др. В уже цитированном выше письме к президенту Российской академии наук А. С. Шишкову, которое Венелин намеревался предпослать в качестве предисловия к своей “Грамматике”, он писал, что

“болгарский народ сплошь живет от Виддина и берегов Тимока по предместьям Цариграда, от Силлистры под Янину и Лариссу, от берегов Дуная по берега Архипелага”⁸⁵.

В другом месте Венелин прямо определяет границы распространения болгарского языка (у него: наречия): “Рассматриваемым здесь наречием говорят по всей Болгарии, где оно отечественное и, так сказать, господствующее, почти по всей Македонии, в довольно значительной части Румелии (то есть Румелии. – Г.В.), в некоторых поветах Тессалии и Албании, в Российской империи, а именно в Бессарабской области, где число болгар можно почесть до 40 – 45000 человек. Многие из них живут в Трансильвании и в нескольких селениях в Темешском Банате в Венгрии”⁸⁶. Очерченные таким образом Венелиным границы болгарской языковой территории в общем совпадают с тем, как они определялись последующими исследователями болгарского языка. В России же это были, кажется, первые столь подробные сведения о занимаемой в то время болгарским языком территории.

Выше освещены лишь некоторые из вопросов начальной истории отечественной лингвистической болгаристики, исследованию которых много сил и времени посвятил Венелин. За рамками настоящей статьи остаются другие важные вопросы занятий Венелина болгарским языком, которые могут составить предмет отдельных описаний. Таковы, в частности, вопросы о “Грамматике нынешнего болгарского наречия” Венелина – ее создании и значении в истории болгарской грамматической литературы и формирования нового болгарского литературного языка (которым посвящена публикуемая здесь статья Е. И. Демшовой), о занятиях болгарскими словарными материалами, памятниками средне- и новоболгарской письменности и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1/ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988, с. 58.
- 2/ Цит. по статье: *Макеева В.Н.* Проект плана “Сравнительного словаря всех славянских наречий” академика А. Х. Востокова. Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка, 1964, т. XXIII, вып. 4, с. 346.
- 3/ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. Спб., 1873, с. 29.
- 4/ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 24–25.

- 5/ Лунина М.В. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина // Славянская филология. Статьи и монографии. М., 1951, с. 110–111.
- 6/ Венедиктов Г. Българистични студии. София, 1990, с. 163–166.
- 7/ Там же, с. 166.
- 8/ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Т. 8. Спб., 1887, с. 306–307.
- 9/ Венедиктов Г.К. Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина . . . Ученые записки Тартуского университета, т. 849. Из истории славяноведения в России. II. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1983, с. 32–33.
- 10/ Славяноведение в дореволюционной России, с. 61.
- 11/ Подробнее см. в статье: Венедиктов Г. Първа страница в историята на изучаването на български език от руски учени // Българското Възраждане и Русия. София, 1981, с. 212–225.
- 12/ Там же, с. 217.
- 13/ Спиридов А. Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи // Северный архив, 1825, № 15, с. 193–194.
- 14/ ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, л. 8 об.
- 15/ В литературе о Венелине высказывалось и иное мнение – о том, что он не использовал предоставившиеся ему в Кишиневе возможности основательно изучить живой болгарский язык. Так, И. В. Ягич писал, что “в течение двух лет своего пребывания в Кишиневе он мог бы, правда, изучить порядочно современный болгарский язык, но, по-видимому, он этого не сделал” (Ягич И.В. История славянской филологии. Спб., 1910, с. 250). Думается, что бесспорно глубокий интерес, проявленный Венелиным к болгарам еще в Кишиневе, не дает оснований для столь скептической оценки результатов его занятий болгарским языком в Кишиневе.
- 16/ ОР РГБ, ф. 231/II, оп. 48, ед. хр. 17, л. 13 об.
- 17/ Там же, л. 26.
- 18/ Венелин Ю. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. М., 1829, с. 6.
- 19/ Впрочем, “Разбор” упоминается на одном из сохранившихся в архиве Венелина листов с черновыми набросками по грамматике болгарского языка. Описав территорию распространения болгарского языка (“наречия”), Венелин далее отмечает: “Наречие болгарское различно от сербского. Впрочем болгарин и серб могут растолковаться между собою

довольно успешно. Дальнейшее сравнение сих двух наречий не может быть предметом *настоящего Разбора*. Имея в виду рассмотрение одного болгарского наречия, не премину однако сделать иногда местные сравнения с прочими славянскими наречиями. Чтобы познакомиться с существенностью сего наречия и чтобы лучше увидеть отклонения его от древнего славянского и нынешнего русского, так как и от прочих славянских наречий, постараюсь обозреть его, сколько возможно, по порядку грамматическому, прибавляя везде примеры. По окончании же *всех частей речи* прибавлю большие примеры для *аналитического разбора* (курсив наш. – Г.В.)" (ОР РГБ, ф. 49, п. I, ед. хр. 6, л. 154 об.

20/ Венелин Ю. Древние и нынешние болгаре..., с. 16. – Во время путешествия по Северо-Восточной Болгарии летом 1830 г. Венелин имел с собой "Рыбный букварь" П. Берона. Это ясно из уже цитированного выше письма его к П. И. Соколову от 2 сентября 1830 г. из Силистры, в котором он, отметив, что болгары в последнее время уже стали собирать свои рукописи и издавать книги, указывает: "Об сем предмете прилеплено к изданной в 1824 г. Болгарской азбуке печатное объявление, в коем после упомянутых сочинений, готовых к печати, между прочим указано...", и далее следует обширная цитата из книжки Берона (ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, л. 10 об.). По-видимому, Венелин цитирует тот экземпляр этой книжки, который он приобрел уже во время путешествия и который позже, по возвращении в Москву, включил в список привезенных с собой болгарских книг.

21/ ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, л. 8 об.

22/ Венедиктов Г.К. "Хронологическая записка" Ю. И. Венелина о его болгаристических трудах // Славянская филология. Вып. VI. Л., 1988, с. 8.

23/ ПФ ААН, ф. 8, оп. 1 (1829), ед. хр. 34, л. 446.

24/ Там же, ед. хр. 35, л. 242.

25/ Письмо Ю. И. Венелина к М. П. Погодину от 22 января 1830 г. из Петербурга // ОР РГБ, ф. 231/II, оп. 48, ед. хр. 17, л. 2.

26/ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы, с. 30.

27/ Отдельные вопросы, освещаемые в настоящей статье, были рассмотрены в докладе "У истоков лингвистической болгаристики в России (Занятия Ю. И. Венелина болгарским языком)" на состоявшейся в марте 1989 г. в Ужгороде научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Ю. И. Венелина (см.: Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків. Тези доповідей і повідомлень наукової конференції. Ужгород, 1989, с. 81–83). Расширенный вариант доклада опубликован в виде статьи под заголовком "У истоков лингвистической

болгаристики в России (Увлечение Ю. И. Венелина болгарским языком)” в кн.: Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ. Матеріали міжнародної наукової конференції. Ужгород, 1992, с. 227–246. В подзаголовки статьи допущена досадная замена слова “занятия” словом “увлечение”, сделанная без моего ведома.

28/ ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 1, с. 6.

29/ Там же, с. 51.

30/ См.: Две писма от Юрийъ Ивановича Венелина до Василия Априлова // Сборник за народни умотворения, т. I, 1889, с. 179.

31/ Подробнее см.: *Венедиктов Г.К.* Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина, с. 31–33.

32/ *Венедиктов Г.* Българистични студии, с. 163.

33/ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 25.

34/ Отметим, что Ив. Шишманов, первый из ученых давший в самом конце XIX в. подробное описание “Грамматики” Венелина, как будто не обратил внимание на цитируемое выше положение из “Грамматики”. Во всяком случае, он его не приводит и не комментирует. С отзывом же Востокова Шишманов был знаком лишь в том объеме, в каком о нем сообщает сам Венелин в книжке “О зародыше новой болгарской литературы”. Самого же отзыва он не читал. “К сожалению, – писал Шишманов, – его (Востокова. – Г.В.) столь важных критических замечаний у нас нет под рукой” (*Шишманов Ив.* Венелиновите книжа в Москва. II // Български преглед, год. IV, 1897, кн. 8, с. 43).

35/ *Бернштейн С.Б.* Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка // Известия на Института за български език, кн. V, 1957, с. 384.

36/ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 98.

37/ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары..., с. 6.

38/ *Полевой Н.* История русского народа. Т. I. М., 1829, с. 333.

39/ ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 1, с. 354.

40/ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары..., с. 6.

41/ Там же, с. 202.

42/ Там же.

43/ Там же, с. 201.

44/ Там же.

45/ См.: *Лавров П.* Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Императорского Московского университета от 2 мая 1834 г. г. Ю. И. Венелиным // Древности. Труды

- Славянской комиссии Московского археологического общества, т. II. М., 1898, с. 119.
- 46 / Там же.
- 47 / Там же, с. 124.
- 48 / См. четырехтомный академический "Словарь русского языка", т. II. М., 1982, с. 388.
- 49 / Там же.
- 50 / *Венелин Ю.* Критические исследования об истории болгар с прихода болгар на фракийский полуостров до 968 года или покорения Болгарии великим князем русским Святославом. М., 1849, с. 65.
- 51 / *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 4.
- 52 / Там же, с. 24.
- 53 / *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары... с. 203.
- 54 / Там же, с. 211.
- 55 / Там же, с. 201-202.
- 56 / Там же, с. 201.
- 57 / Там же, с. 203.
- 58 / Там же.
- 59 / *Лунина М.В.* Указ. соч., с. 110.
- 60 / Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян, с. 59.
- 61 / *Šafarik P.* Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. 1834, S. 116.
- 62 / *Palacky Fr.* Geschichte von Böhmen. Bd. I. Prag, 1844, S. 55.
- 63 / *Максимович М.* Начатки русской филологии. Кн. I. Киев, 1848, с. 15.
- 64 / Там же, с. 16.
- 65 / *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 4.
- 66 / *Венелин Ю.* Критические исследования об истории болгар..., с. 66.
- 67 / ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, л. 8.
- 68 / *Лавров П.* Указ. соч., с. 124.
- 69 / *Венелин Ю.* Критические исследования об истории болгар..., с. 65-66.
- 70 / *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 47.
- 71 / Там же.
- 72 / Там же.
- 73 / *Венелин Ю.* Критические исследования об истории болгар..., с. 66.
- 74 / ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 139-а, л. 21.
- 75 / Там же, л. 31.
- 76 / Там же, л. 38.
- 77 / Там же, л. 47.

- 78 / Там же, ед. хр. 148, л. 8 об.
- 79 / Там же.
- 80 / ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 1, л. 17–18.
- 81 / ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, л. 8 об.
- 82 / Там же, л. 8.
- 83 / ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 2, л. 4.
- 84 / *Венелин Ю.* Критически изследвания об история на българ..., с. 56.
- 85 / ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 2, л. 4.
- 86 / ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 6, л. 154 об.

О ПЕРВОМ ОПЫТЕ КОДИФИКАЦИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ. КОНЦЕПЦИЯ Ю. И. ВЕПЕЛИНА

Известное путешествие в задунайские земли, предпринятое в 1830–1831 гг. Ю. И. Вепелиным по заданию Российской академии с целью, в частности, углубленного занятия болгарским языком и создания его грамматики, пришлось на время серьезных сдвигов в историко-культурной и литературно-языковой ситуации в Болгарии, связанных с поступательным развитием общественной мысли в ходе болгарского Возрождения. Это был момент, когда начавшийся еще в XVII столетии в письменности новоболгарских дамаскинов и продолженный в творчестве ранних возрожденцев – Цансия Хилендарского, Софрония Врачанского, Кирилла Пейчиновича, Йоакима Кырчевского – процесс демократизации литературного языка, его сближения с живой разговорной речью, вызвавший к жизни лавину все новых и новых опытов создания книжно-литературных идиомов на народной основе (различавшихся между собой выбором диалектной основы и отношением к традиции) и тем самым обусловивший *дивергентное* развитие болгарского литературного языка как историко-культурного феномена, как “целого”, уже не отвечал настоятельному требованию времени – задаче сплочения нации на основе *единого* языка культурного общения¹.

Появление в 20-е годы XIX в. ряда печатных публикаций, в том числе знаменитого “Рыбного букваря” Петра Берона (1824) – “первого произведения, в котором болгарский литературный язык становится полностью и последовательно народным в своей основе”², сочинений Васила Н. Неновича (1825), Анастаса Стояновича Кипиловского (1825), Петра Сапунова (1828), явившись блестящим завершением этой линии литературно-языкового развития, вместе с тем позволило эксплицировать затруднения для книгоиздания и школьного обучения, связанные с отсутствием единых правописных и грамматических норм³.

С середины 30-х годов XIX в. болгарским обществом овладевает идея создания единого для нации нормированного литературного языка⁴, выработки “общей грамматики для всей Болгарии, “которой все должны следовать в своих писаниях”⁵. Эта идея впервые отчетливо была сформулирована Неофитом Рыльским в “Фило-

логическом предуведомлении” к его “Болгарской грамматике” (1835), содержащем теоретическое обоснование предлагавшихся автором практических решений по созданию норм литературного языка нового времени. Грамматика Неофита Рыльского – «первое системное сочинение, посвященное формирующемуся болгарскому национальному литературному языку. Это первая (замечу – в Болгарии – Е.Д.) грамматика, которая документирует и “материализует” наличие и реальное существование национального болгарского литературного языка, каким он был в начале своего истинного создания (“истинского си изграждане”) и каким его себе представлял Неофит Рыльский»⁶.

Начинается этап *конвергентного* развития, соперничества нормализаторских установок различных школ устройства литературного языка – “церковнославянской”, “славяноболгарской”, “новоболгарской”, в итоге сложного, непрямолинейного развития и, что особенно важно, *обратной связи между письменным узусом и письменной нормой* в третьей четверти XIX в. завершившийся созданием современного болгарского литературного языка.

Тенденция к формированию и усовершенствованию единого литературного языка нации в 30-е годы XIX в. имела место и у других славянских народов, в частности, русского. Однако решение Российской академии направить в Болгарию своего представителя для изучения болгарского языка и составления его грамматики не было вызвано знанием описанной выше ситуации и стремлением “помочь” болгарскому народу в решении важнейшей для него задачи, одной из доминант Возрождения. Определяющую роль сыграл скорее усилившийся в русском обществе в 20–30-е годы XIX в. интерес к истории и языкам зарубежных славянских народов и, специально, – к болгарскому.

Как неоднократно отмечалось в литературе, “в начале XIX в. в России (и не только там) о современных болгарях было известно мало, а о живом болгарском языке ученые в сущности не имели никакого представления”⁷. Так, подготавливая в 1822 г. проспект “Сравнительного словаря всех славянских наречий”, который он вместе с П. И. Соколовым должен был составить по заданию Российской академии, А. Х. Востоков исключил в нем из списка славянских языков и диалектов болгарский язык, объясняя это тем, что по этому языку не изданы до сих пор ни грамматика, ни словарь⁸. Появившийся вскоре, в том же 1822 г., в Вене краткий обзор особенностей болгарской грамматики с приложением несколь-

ких текстов на болгарском языке, составленный Вуком Караджичем на основе юго-западного (разложского) говора⁹, а также общие сведения о наличии наречий в болгарском языке, полученные П. И. Кеппеном во время его путешествия в 1822 г. по Трансильвании¹⁰, лишь усилили интерес к вопросам болгарской грамматики. Именно с этой целью Российская академия в 1830 г. и направляет в задунайские земли молодого болгариста Ю. И. Венелина, уже выступившего в печати с замеченной публикацией "Древние и нынешние болгаре в политическом, народном, историческом и религиозном их отношении к россиянам" (М., 1829)¹¹.

Согласно первоначальному варианту программы ученого путешествия, составленному Венелиным, "путешественник должен исследовать болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, то есть обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношение его к малорусскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям"¹². В окончательный вариант ("Инструкцию") внесены существенные дополнения: "В проезде через области Задунайские путешественник, кроме исторических и филолого-археологических изысканий, займется преимущественно изучением болгарского языка, соберет все возможные сведения относительно наречий оного, обращая внимание и на коренные слова, коих нет в русском языке, а остались только производные и сложные. Составит грамматику и небольшой словарь болгарский с примерами повествовательной прозы"¹³.

Знакомство с "Грамматикой нынешнего болгарского наречия"¹⁴, в марте 1834 г. представленной Венелиным в Совет Московского университета¹⁵, показывает, что в принципе Венелин стремился исполнить указания "Инструкции". Так, наряду с обзором болгарской грамматики по частям речи в труде Венелина находим лексикографический раздел, в котором некоторые слова болгарского языка (имена-существительные) сопоставляются с русскими, а также дается список некоторых заимствований из турецкого и греческого; высказывается мнение о соотношении болгарского и восточнославянских языков. В тексте Грамматики находим и некоторые отрывочные сведения об отдельных болгарских диалектах¹⁶, хотя в силу обстоятельств Венелину, как известно, пришлось ограничить маршрут и срок своего путешествия, и диалектные данные были им получены главным образом из бесед с болгарскими выходцами из разных местностей. Приложена к Грамматике и "Хрестоматия" — "образец повествовательной прозы".

И вместе с тем необходимо признать, что первоначально поставленная Венелиным перед собой задача, отраженная в приведенных выше вариантах программы путешествия, была им существеннейшим образом изменена. Основной целью автора становится попытка упорядочить орфографические нормы болгарского языка, что должно было позволить избежать на письме диалектного многообразия и способствовать тем самым выработке единого болгарского литературного языка. Вместо *описательной* грамматики сопоставительного характера, ставящей своей целью выяснение отношения болгарского языка к "малорусскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям", Венелин фактически пытается создать грамматику принципиально иного типа, а именно *нормативную* грамматику, преследующую цели нормализации и кодификации болгарского языка на уровне орфографии согласно представлениям об этом самого ее автора, т.е. грамматику *предписывающего* характера, основанную на выдвигаемой ее автором концепции принципов устройства болгарского литературного языка нового времени.

Каковы, как можно предположить, причины подобных изменений?

Прежде всего, резкое изменение представлений Венелина о стоящей перед ним задаче связано, по-видимому, с непосредственным знакомством с языковой и историко-культурной ситуацией в Болгарии. Венелин был захвачен общим духом болгарского Возрождения. Ему удалось понять и попытаться претворить в жизнь *ведущую тенденцию* болгарского литературно-языкового развития к единству норм национального литературного языка через создание общей для всей Болгарии грамматики. Именно это соображение легло в основу разработанной им концепции устройства болгарского литературного языка нового времени. Попытки его нормализации и кодификации через грамматическое описание и создание "образца" обработанного по предлагаемым нормам текста.

Но, безусловно, для изменения планов Венелина были и другие причины, причины объективного характера, что обычно не учитывается при критической оценке его грамматики.

Поставим себя мысленно на его место. До отъезда в Болгарию Венелин, как известно, был знаком из *новоболгарской* письменности только с "Рыбным букварем" Берона и высоко оценивал его достоинства как учебника¹⁷. Однако, получив во время путешествия возможность ознакомиться с рядом печатных и рукописных книг,

он убедился не только в отсутствии в них хотя бы относительно единых норм, особенно орфографических, но и в том, что, скажем, широко отраженная в Букваре Берона редукция безударных гласных, ассимиляция согласных по глухости-звонкости и другие характерные для его говора диалектные черты присущи далеко не всем письменным источникам, которые тем самым значительно ближе к традиционным письменно-литературным нормам и выглядят более "грамотно". Знакомство с простым народом во время путешествия убедило Венелина в наличии значительных диалектных различий в говорах различных местностей и тем самым в возможности и *необходимости выбора* между ними при формировании письменной нормы. В Добрудже, а затем у болгарских поселенцев в Одессе Венелину удалось записать около 50 народных песен, которые он намеревался впоследствии издать¹⁸. Собираание и изучение болгарского фольклора не могло не способствовать укреплению его знаний о живом болгарском языке, его грамматическом строе и лексическом составе. Вместе с тем, это в свою очередь расширяло его представления о *диалектном многообразии* болгарского языка.

Иными словами, Венелин оказался в ситуации, когда прежде чем приступить к составлению грамматики он должен был *выбрать сам объект описания* и уточнить цели, которые при этом преследуются. Действительно, попробуем реально себе представить: *что именно* он должен был описать? "Живой", "современный болгарский язык", как определяется предмет его грамматической студии в одной из работ нашего времени¹⁹? Но, если не считать, что этими словами в задачу Венелина вменяется обзор, панболее общих особенностей, присущих болгарскому языку как *диасистеме* во всем многообразии территориального варьирования ее структуры, т. е. "системе систем" (хотя ясно, что диасистема – это абстракция, а не "живой язык", и что эта задача для Венелина была очевидно невыполнима), он мог в качестве реальной коммуникативной единицы избрать и грамматически описать какой-то один из болгарских говоров, т. е. *частную* диалектную систему. Кстати, именно так поступил Вук Караджич, основав свой краткий обзор болгарской грамматики на материале говора двух болгар из Разлога. Но это, разумеется, не было бы описанием "современного болгарского языка", о чем говорится в приведенном в сноске 19 высказывании.

Не мог Венелин избрать предметом своей студии и грамматику

современного болгарского *литературного* языка, поскольку, как уже говорилось выше, последний в это время был представлен целым рядом книжно-литературных идиомов, различавшихся между собой выбором диалектной основы и отношением к древней болгарской и церковнославянской традиции, как и нормам на уровне системы письма.

Венелину удалось четко разобраться в этой ситуации, что явствует из его высказываний как в самой Грамматике; так и в более поздних работах и письмах. Это тем более удивительно, что "к изучению болгарского языка Венелин подошел в сущности совершенно самостоятельно, без какой-либо опоры на опыт своих предшественников и современников в России, интересовавшихся болгарским языком"²⁰. Грамматика Венелина была создана ранее "Болгарской грамматики" Неофита Рыльского, с которой российский болгарист смог ознакомиться только в 1837 г.²¹. Таким образом, концепция устройства болгарского литературного языка нового времени как и принципы грамматического его описания были разработаны Венелиным полностью самостоятельно, что, очевидно, нельзя упускать из виду, начиная знакомство с его трудом.

Размышляя над предметом грамматического описания языка болгарской литературы с учетом ситуации того времени, Венелин пишет в своей работе 1838 г.: "Если народу пришла пора приниматься за грамоту, если его язык распался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть *весьма осторожны* и разборчивы в этом выборе. Никто из них не имеет права свой *жаргон* навязывать другому. Если все писатели безотчетно последуют одному из наречий, то это должно приписать счастливому случаю, который по крайней мере сохранил грамотное единство в народе. Но как только явилось несколько грамматик, несколько наречий и завелся спор, в таком случае сочинители грамматик не имеют права быть судьями: их тогда должен судить, как подсудимых, суд высшей филологии"²². Когда все издадут свои грамматики, "тогда суд может легко всех их сообразить, выбрать все хорошее, и составить хорошее и правильное целое, основанное на законах и достаточных причинах"²³. Одним из таких опытов, по замыслу Венелина, и должна была стать его "Грамматика нынешнего болгарского наречия".

Как и многие болгарские книжники-возрожденцы, путь к poste-

пешному созданию единого болгарского литературного языка нового времени Венелин видит, прежде всего, в попытке упорядочения орфографии, выработке таких ее норм, которые по возможности снимали бы многообразие диалектных манифестаций тех или иных слов форм.

“Правописание вещь священная, — пишет он, — которую нельзя ворочать, как игрушку, кому как захочется. Прежде нежели приниматься за издание книги, должно критически установить правописание. Сербы начали издавать книги до появления грамматики. Следствием этой опрометчивости есть орфографический раздор, который существует в сербской литературе. Этого должно было опасаться и относительно болгарской литературы”²⁴. Заметив, что “к несчастью, между болгарами доселе ученых филологов не много”, он высказывает мнение, что “по этой причине болгаре должны бы обратиться к совету ученых филологов прочих славянских стран. С моей стороны, — продолжает он, — я обратил особенное внимание на этот важный предмет и составил критический опыт болгарского правописания для предложения его будущим болгарским литераторам”²⁵. Развивая эту мысль, он констатирует: “Итак, мое намерение было составить для болгар образец этимологического правописания, чтобы предотвратить подобно-возможный раздор между ними. К несчастью, доселе я не был в состоянии издать этот опыт. Болгарскую хрестоматию, приложенную мною к Грамматике, я *исправил* по правилам этого опыта”²⁶.

Говоря о причинах, побудивших его к написанию своего труда, Венелин замечает: «Труд этот был тем важнее и необходимее, что из всех славянских наречий одно болгарское не имело своей грамматики, о необходимости которой уже Шлецер давным давно вопиял (см. Nordische Geschichte, стр.334), где утверждает, что “словарь и грамматика этого наречия должна заключать в себе много важного для решения исторических вопросов”. Можно было бы еще прибавить, для решения вопросов относительно нашего церковного языка, о котором доселе посягаются разные мнения. Но еще необходимее этот труд был потому, что бедная нация именно крайне пуждалась в грамматике своего наречия»²⁷.

Уже из этих замечаний видна значительность целей, которые Венелин преследовал. Перед ним стоял комплекс орфографических проблем, с которыми сталкивались и с которыми еще предстояло столкнуться в своей деятельности “болгарским литераторам”.

Венелин четко обозначает адресата, для которого он предпринял “критический опыт болгарского правописания”, связав его с проблемой болгарского книгоиздательства, требующего единства языка и правописания, т. е. с проблемой единого литературного языка.

В то же время его Грамматика ставила перед собой и более широкие цели – цели академического исследования и описания языка, сыгравшего значительную роль в истории русской и мировой культуры. Венелин так определяет поставленные им в Грамматике задачи: “1) Я старался передать в ней живое нынешнее болгарское наречие так, как оно есть, с показанием всех его отступлений от старого болгарского (нашего церковного) и прочих славянских наречий. 2) Я ее писал для русских, следовательно и для всякого европейского филолога, следовательно. 3) Я в ней старался говорить не ребенку с указкою в руках, а ученому филологу (языковеду). По этим-то причинам Грамматика моя приняла вид не школьный, но академический”²⁸.

Какие же принципы легли в основу предпринятого Венелиным “критического опыта болгарского правописания”? И чем руководствовался он при их выборе?

Следует сразу же заметить, что независимо от того, насколько научно верными с позиций наших дней являются те или иные представления Венелина (а мы знаем, что он во многом исходил из ложных посылок), производит впечатление, как серьезно и по-своему всесторонне он подошел к решению поставленной им задачи. И в самой Грамматике, и в других сочинениях и письмах, он прежде всего пытается разобраться в том, что мы бы сейчас назвали историко-культурной и социолингвистической ситуацией в современной ему Болгарии, в проблеме соотношения между “нынешним болгарским наречием” и “старым болгарским языком”, в отношении между болгарским языком и другими славянскими языками, в первую очередь, русским языком.

Исходным, определяющим последующие решения, в концепции Венелина является следующее положение: “Говоря о болгарском языке, надо заметить, что нынешний болгарский к старому болгарскому (т. е. нашему церковному) находится почти в таком же отношении, как ново-греческий к старому же греческому. Следовательно, старо-болгарская литература есть то же самое, что церковно-славянская”²⁹. Исходя из этого, он пытается проследить судьбу древней болгарской письменности в условиях османского ига

и охарактеризовать сложившуюся ко времени его занятий языковую ситуацию в Болгарии.

“Как болгаре, так и сербы, – отмечает он, – до последней половины прошедшего столетия не зависели от цариградских патриархов. Они имели своих собственных в Тернове, в Болгарии. Десять болгарских епархий по Болгарии, Фракии и Македонии, зависевших от славянских патриархов, представляли еще за Дунаем довольно обширное убежище и поприще для народной письменности между болгарами. Эту письменность могло поддерживать славянское богослужение и вообще воспитанники духовного звания. В этом периоде, т. е. в продолжение XVIII столетия стали появляться в Болгарии рукописные книги на лощеной бумаге и на ново-болгарском наречии; содержание их большею частью состоит из переводов поучительных слов Св. Отцов. В нескольких подобных книгах, которые я приобрел с великим трудом, я не нашел ничего постоянного в правописании”³⁰. Анализируя последующую ситуацию, в письме к президенту Российской академии А. С. Шишкову он говорит: “Письменность же болгар пришла в совершенный упадок с тех пор, как султан Селим по ходатайству цареградского патриарха Самуила, в исходе прошедшего века, упразднил болгарское патриаршество, издревле существовавшее в Тернове, и подчинил болгарскую иерархию цареградскому патриарху. С тех пор везде богослужение отправляется на греческом языке, даже и священниками болгарского происхождения. Таким образом стало прекращаться и переписывание славянских богослужебных книг. По собранным мною известиям, богослужение отправляется на славянском болгарском языке в одном приделе в Татар Базаре, в Рыльском монастыре в Македонии, да в некоторых местах Балканских гор. Училищ не имеют никаких кроме нескольких приходских мест. По городам есть нередко учителя, которые понимают учить детей нескольких домов: такие даскалы бывают или из светских, или из кочующих духовных лиц. Более всего придерживаются письменности, какова она ни есть, в балканских городах, в которых общество содержит учителей. Такие училища находятся в Сливене, Котле (Казане), Филиппополе”³¹. Отсюда делается вывод: “Итак, не имея своих национальных семинаристов, болгарский народ лишился важнейшего сословия, а именно педагогического, которое поддерживало бы и распространяло народную грамотность”³².

Описывая социальный состав населения, Венелин отмечает, что

вот уже 450 лет, как "болгарский народ лишился своего высшего сословия, своего правительства и своего дворянства, в продолжение четырех с половиной столетий болгаре составляют сплошь черный рабочий народ Европейской Турции: и тот самый язык, коего богатству в словах и формах, полноте, благозвучию, выразительности и высокой мыслительности удивляемся в тексте перевода Св. Писания и богослужебных книг, ныне уцерблен, унижен, лишен изящества, одет в рубище и сослан на хутора по Болгарии, Румелии и Македонии."³³

Отдав эту дань времени в своем понимании развития языка в диалектном многообразии его структуры как своего рода его "порчи", Венелин делает отсюда важный для понимания его концепции вывод: "Вот с какой точки зрения следует глядеть на нынешний болгарский язык, т. е. как на отживший свою первую эпоху, находящийся на ступени уничтожения и на том самом повороте, к новому может быть, если providенно угодно будет, возрождению, в котором язык может сделать значительное уклонение от самого себя первой эпохи, если сие вторичное образование его не будет происходить под влиянием письменных памятников, т. е. без изучения книг Св. Писания и богослужебных."³⁴

Это – главный аргумент Венелина в пользу "этимологического правописания": с его точки зрения, лишь оно могло бы в какой-то мере удерживать язык от "уклонения от самого себя первой эпохи" на поворотном этапе его развития. Уточняя свою позицию, Венелин пишет: "В изложении причин моего выбора правописательных правил я руководствовался аксиомою, что *правописание* и *произношение* две вещи совершенно разные и совершенно противоборствующие друг другу потому, что если писать по выговору черни в разных областях, то в одном и том же народе может произойти 77 разных правописаний. Тогда народ может *истерзать источник своей образованности*"³⁵. Ссылаясь на пример немцев, французов, англичан, он напоминает, что они, в отличие от некоторых ученых разных славянских племен, "основали правописание на этимологии языка"³⁶.

Но у Венелина был и еще один аргумент, связанный с его известным мнением о том, что болгарский язык является только наречием "общего" русского языка³⁷. "Мы знаем, – пишет он, – что русский язык очень многим обязан богослужебному: можно бы надеяться, что и болгаре по большей части, вместо новых

уклонений, воротились бы на прежние формы, и тем весьма много сблизились бы с русским языком, коего они собственно суть только пареше”³⁸. И далее он пишет: “К несчастью, болгаре лишены этого влияния своего классического, богослужебного языка, ибо со времени подчинения, в царствование Екатерины II, болгарских церквей цареградскому патриарху, славянское богослужение во всех болгарских епархиях заменено греческим. Таким образом, – восклицает он, – греки послужат орудием разъединения между болгарами и россиянами, если против сего не будут приняты удобные меры”³⁹.

Таковы главные аргументы, которые лежат в основе опыта “этимологического правописания”, составившего ядро “Грамматик и нынешнего болгарского наречия”, ибо, по словам Венелина, только полную грамматику устанавливается правописание всех грамматических форм. Аргументация конкретных кодификаторских решений будет рассмотрена ниже при описании предлагаемой Венелиным реформы орфографии.

Прежде чем непосредственно перейти к этому, необходимо определить те письменные источники, которыми Венелин располагал в процессе своей работы над Грамматикой, на которые опирался, от которых отталкивался в своем “критическом опыте правописания” и которые в немалой их части молча принимал.

К счастью, мы можем со всей определенностью назвать эти источники, что помогает понять многие особенности орфографии Венелина. Он сам их перечисляет в одном из своих писем секретарю Российской академии П. И. Соколову в ответ на его неоднократные требования представить в академию приобретенные во время путешествия Венелина в Болгарию материалы⁴⁰. В приведенный Венелиным список из 7 пунктов⁴¹ входят 4 печатные книги: “Кирпакодромнон спреч Недельник” Софрония Врачанского (1806); “Новый завет спреч четирите Евангелии на четирях Евангелиста” Петра Сапунова (1828), “Священное цветобранне или сто и четыре священи истории избрании из ветхпат и новпат Завет в полза на юношество” Анастаса Стояновича Котлянина (Кипиловского) (1825), “Буквар с различни поучения” Петра Берона (1824) и 3 рукописных сборника. Об одном из них Венелин сообщает: “Разные поучения праздничные на македонском наречии”, о другом – “Разные слова и поучения на варненском или восточном наречии”. Специальный лингво-текстологический анализ, на котором в данной статье нет возможности остановиться,

позволил доказать, что в первом случае речь идет о Тихонравовском дамаскине XVII в.⁴², во втором – о так называемом Тихонравовском Б дамаскине XVIII в.⁴³. Еще один рукописный сборник – смешанного содержания. В него входят “Ирмологий Дако-славянский” XVII в., “Июческий устав” XIV в., “Житие и жизнь св. Макария” XIV в. (хронологизация Венелина) и “Последование усопшим инокам”. Таким образом, Венелин располагал важнейшими болгарскими изданиями начала XIX в. и двумя дамаскинами.

Как уже отмечалось, в своих письмах и в книге “О зародыше новой болгарской литературы” Венелин неоднократно упоминает предпринятый им “критический опыт болгарского правописания”, который он доселе не был в состоянии издать, говорит о составленном им для болгар “образце этимологического правописания”. Однако в его Грамматике (или в каком-либо другом сочинении) мы не находим раздела, главы, посвященной проблеме орфографии. Любопытно, что в одном из своих писем (от 25 декабря 1835 г.) он сообщает, что он “з а б ы л приложить к Грамматике статью о болгарском произношении и правописании” (разрядка моя – Е.Д.)⁴⁴. Возможно, это его замечание является просто ироничным ответом на соответствующие упреки или связано со случайным замешательством. Дело в том, что согласно убеждению Венелина, *само грамматическое описание*, парадигмы склонения и спряжения являются формой упорядочения орфографических норм. Об этом он, в частности, пишет в 1838 г., оценивая “Болгарскую грамматику” Неофита Рильского: “Впрочем, так как правописание всех грамматических форм устанавливается только полною грамматикою, то опыт неполной Грамматики Неофитовой не назначил всех законов орфографии. Несмотря на то, и этот труд болгаре должны принять с благодарностью”⁴⁵.

В то же время Венелину еще отчасти не был чужд традиционный для славянского Средневековья способ решения проблем правописания путем создания определенного “образца” орфографического оформления текста, которому затем могли бы подражать другие⁴⁶, вне специальной теоретической разработки встающих при этом вопросов и эксплицитного описания принимаемых решений. Кстати, так поступали и известные ему устроители болгарской орфографии – Берон, Кипиловский, Сапунов.

В качестве исходного материала для создания “образца” право-

писания Венелин использовал рукописный текст Жития Петки Тырновской – сочинение болгарского патриарха Евфимия Тырновского в его новоболгарской версии по Тихоноправовскому дамаскину XVII в. Этот текст приведен в Грамматике “в виде Хрестоматии болгарской”. Он переписан Венелиным в три столбца: 1) в орфографии подлинника с сохранением сокращенного написания слов и надстрочных знаков (переданных, впрочем, не всегда точно), но с разделением фонетических единств на слова; 2) в соответствии с нормами предлагаемой Венелиным орфографии и 3) в переводе (весьма вольном) на русский язык. Видимо, именно второй столбец Венелин и называет “образцом этимологического правописания”. Он должен показать читателю (и “будущим болгарским литераторам”) как решает автор те или иные орфографические вопросы, предоставляя при этом возможность сравнения с исходным текстом с целью понять характер внесенных в него “исправлений”⁴⁷. Такого рода сравнение, а также анализ написаний тех или иных грамматических форм, отраженных в самой Грамматике, и явится материалом для наблюдений автора данной статьи.

Заслуживает внимания вопрос, почему из находящихся в его распоряжении печатных и рукописных источников как “образец стиля и правописания”, приложенный к грамматике в качестве хрестоматии, а также отчасти использованный для примеров в самой Грамматике, Венелин избрал именно текст из Тихоноправовского дамаскина XVII в.?

По-видимому, у него было несколько аргументов в пользу такого выбора. Прежде всего следует назвать тот, который приводит сам Венелин в своем письме президенту Российской академии А. С. Шишкову от февраля 1834 г. Сообщая о содержании Грамматики, Венелин пишет: “К концу приложил я четь о Святой Пятнице или Параскевине Терновской, сочинение Евфимия Патриарха Терновского и всея Болгарии (стр. 335). Четь сию извлек из рукописного собрания разных поучительных слов на праздничные дни, *писанных на простом наречии*. Это я прилагаю в виде Хрестоматии болгарской не от того, чтобы четь сия отличалась хорошим отработанным слогом (который еще остается обработать самим болгарам), но от того, чтобы *заставить говорить самого какого-либо болгарина*” (Курсив мой – Е. Д.)⁴⁸. Очевидно, главным для Венелина было избрать оригинальное болгарское произведение (“заставить говорить самого какого-либо болгарина”), причем

произведение, написанное “на простом наречии”. Последнее замечание очень важно. Оно свидетельствует о том, что за основу литературно-языковой нормализации путем применения особых, ориентированных на традицию орфографических правил (о чем см. ниже) Венелин избирал народный язык, “простое наречие”.

“Житие Петки Тырновской” вполне удовлетворяло этим требованиям. Написанное примерно в 1376–1382 гг. прославленным патриархом Евфимием Тырновским, о чем в новоболгарском тексте прямо говорится в дополнительно включенном в него по сравнению с оригиналом Евфимия пассаже: “амі тѣкмо колякото нашъ ѹмъ постигнь, и написа^x азъ ѣвѣтііе патріархъ трѣновскы, щѣ знаи^x. амі и вѣ бл вѣни хр тїане послѣшайте” (Тихонравовский дамаскин, л. 55), это произведение благодаря упомянутому пассажи, задающему тон всему повествованию, выступает как своего рода прямая речь автора. Новоболгарский текст “Жития, восходящий к оригиналу Евфимия, написанному на традиционном болгарском языке синтетического грамматического строя в стиле “плетения словес”⁴⁹, отличается живой сказовой способ повествования, ведущегося на “простом наречии”, аналитическом по своему грамматическому строю. Создавший этот текст “болгарский книжник XVII в. достигает нового, по-своему выдающегося в стилистическом отношении эффекта. В его устах торжественный рассказ о жизни и религиозном подвижничестве святой зазвучал как безыскусная народная сказка, которую долгими вечерами рассказывают у семейного очага, наполненная благоуханием простодушной живой народной речи”⁵⁰. Это хорошо почувствовал Венелин, предпочтя этот текст рассказам из “Рыбного букваря” Берона и других источников, которыми он располагал.

Но не только это, видимо, послужило основанием для выбора именно этого текста. В приведенном выше списке взятых за основу Грамматики печатных и рукописных книг, некоторым из них Венелин дал оценку с точки зрения их ценности для Грамматики. “Священное цветобраніе” А. Кипиловского, “Букварь” Берона, Тихонравовский Б дамаскин он оценивает как “образец слога”, три других текста он не определяет с этой точки зрения вообще и только по отношению к Тихонравовскому дамаскину XVII в. пишет “образец слога и правописания”⁵¹. Очевидно, принятые создателями книжного болгарского языка XVII в. на народной основе нормы правописания, сохранявшие определенную связь с традицией, чем-то привлекали Венелина (ср., например, в них отсутствие редукции

безударных гласных, ассимиляции по глухости-звонкости, последовательное сохранение согласного [x], употребление букв **ѣ**, **ы** и др.⁵² Возможно, именно поэтому текст из Тихонравовского дамаскина XVII в., наиболее адекватно передающий особенности принятых книжниками XVII в. орфографических норм, он и "исправил" по правилам "этимологического правописания", оставив в неприкосновенности немалую часть отраженных в нем написаний. Определенную роль при этом, видимо, сыграли и собственно этические соображения, не позволявшие Венелину "исправлять" текст своих живых современников, которые сами по-своему решали задачу создания графико-орфографических норм.

Венелин ясно осознавал важность выбора диалектной основы формирующегося литературного языка болгарского народа. "Если народу пришла пора приниматься за грамоту, — отмечает он в своей книге "О зародыше новой болгарской литературы", — если его язык распался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть *весьма осторожны* и разборчивы в этом выборе" (с. 47). Новоболгарский текст, отражающий особенности народно-разговорного койне района Средней Старой Планины и Средней Горы и сочетающий в себе, как это характерно для говоров центрального типа, и восточно-болгарские, и западноболгарские по отношению к изоглоссе по **ѣ** диалектные черты⁵³, возможно, благодаря этому привлек к себе внимание Венелина. В таком случае, ему прозорливо удалось угадать, какой в конечном счете будет диалектная основа формирующегося литературного языка болгар.

Выбор Венелина мог отчасти подкрепляться и тем обстоятельством, что в рукописи Тихонравовского дамаскина есть заметка о том, что его собирались напечатать: "Сѣе рѣконись дамаскинѣ бешѣ ѡпаркан" ѡ попь цвѣтка чи го зель попь цвѣткѣ ѡ сопотскитѣ ктиторѣ черковнѣ да го типарѣ и ни можалѣ и тай много годѣни бешѣ лица ѡ черкѣвата... писа са въ книшовѣ писахъ ась христу на мита чонинѣ бошѣ ѡ калоферѣ = мѣць ѡлѣи 10 = днѣ = 1829: года"⁵⁴. Эта почти одновременная с началом работы над Грамматикой запись как бы неволью делала в глазах Венелина актуальной задачу "исправления" правописания, отраженного в дамаскине. Напомним высказанное им убеждение, что "прежде нежели приниматься за издание книги, должно установить правописание"⁵⁵.

Наконец, Венелина как историка, ставящего своей целью напомнить миру о забытом славянском племени, очевидно, не могли не

привлечь содержащиеся в “Житии Петки” данные о героическом времени тырновского царя Иоанна Асена, сына старого болгарского царя Асена, который “крѣпко дръжаше тогѣзи царство” (Тихонр., л. 58 об.), о его походах и завоеваниях, как и сама возможность напомнить русскому и европейскому читателю, которому предназначалась Грамматика, имя славного патриарха “Терновского и всея Болгарии” Евфимия.

Судя по тому, что Венелин переписывал текст “Жития Петки” обычной для его времени гражданской скорописью (для которой характерно безотрывное написание соседних букв⁵⁶), он предполагал, что при публикации Грамматики этот текст будет набран гражданской азбукой. Известные ему болгарские книги – “Недельник”, “Рыбный букварь”, “Новый завет”, “Священное цветобранье” (Будин, 1825) – были напечатаны церковной кириллицей. Только краткое посвящение, предпосланное Киппиловским книге “Священное цветобранье”, которой располагал Венелин, набрано “гражданкой”⁵⁷. Это, конечно, могло повлиять на выбор Венелина. Тем не менее, его обращение к гражданской азбуке представляет (вернее – представляло бы, если бы Грамматика была опубликована) определенный шаг вперед в решении назревшего вопроса устройства болгарской графики.

О том, что Венелин ориентировался именно на гражданскую азбуку, говорит и состав букв в обработанном им тексте Жития Петки, значительно сокращенный по сравнению с составом букв взятого за основу “исправления” новоболгарского Жития по Тихонравовскому дамаскину. Подобное решение отвечало общей тенденции к демократизации, характерной для возрожденческого периода истории болгарского литературного языка. Венелин решительно отбрасывает все падстрочные знаки (кроме знаков ударения, которые он, впрочем, использует весьма непоследовательно). В частности, он снимает паерчик, употребляемый как дань традиции в середине слов между согласными, а также вместо ъ (ь); в подавляющем большинстве случаев раскрывает сокращенное написание слов. Он полностью отказывается от употребления букв ѡ, ѣ, ѧ, ж, є, ѱ, оу, у, о-очное, ѧ, ѱ, ц, s, ѡ. Впрочем, омега употреблена им один раз в слове **Іоаннѣ**, возможно, под влиянием оригинала. Вместо і он употребляет букву і. В то же время, стремясь сочетать “этимологический принцип правописания” так, как он его понимал, с отражением на письме живого народного произношения характерного болгарского звука [ъ] (о чем подробно

см. ниже), он вводит дополнительно ряд модифицированных букв, сопроводив с этой целью восемь букв гласных диакритическим значком $\hat{\cdot}$. В выборе способа данной модификации (с помощью надстрочного значка), безусловно, чувствуется влияние Берона, Кипиловского и Сапунова.

Таким образом, его алфавит состоит из следующих 34 букв: а, б, в, г, д, е, ж, з, і, љ, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, њ, ы, ѣ, ю, ѳ, ѵ, к которым добавлено еще 8 модифицированных букв: â, ê, î, ô, û, ð, ê, iû. Все они соответствуют звуку [ъ] живого произношения.

Буквы ъ и њ Венелин использует только как знаки конца слова на согласный, употребляя по нормам русской орфографии после конечного твердого согласного – ъ, после (русского и этимологического) конечного мягкого согласного – њ. Ср., например: **свѣтъ, постъ, Тѣрновъ, умъ, отецъ, память, крѣститель, свѣщъ, господъ, царь**. Напомним, что по правилам книжного болгарского языка XVII в. на народной основе, отраженным в Тихомировском дама-скине, после любого конечного согласного последовательно ставилась буква њ как знак конца слова, которая так же последовательно опускалась при надстрочном написании конечного согласного, а если слово входило в состав фонетического единства – заменялась паерчиком: **свѣтъ, по^с, трѣновъ, ѣмъ, ѳцъ, памѣтъ, свѣщъ, царь**. Буквы ъ и њ, употреблявшиеся в новоболгарском тексте в ряде случаев без звукового наполнения, Венелин спихает. Ср., например: **скрыена** вм. **съкрѣена**.

Широко, в соответствии с церковнославянскими нормами, употребляется буква ы, характерная отчасти и для новоболгарского оригинала. Ср., например: **езыкъ** вм. **ѣзыкъ, добрины** вм. **добрынѣ, мысль** вм. **мисль, дымъ – дымь, скрыена – съкрѣена, въ пустыню** вм. **въ пѣстыни, ненасыти** вм. **не насыѣти, сосуды – съсѣды, одѣжды – ѳдежды** и пр.

Употребление буквы ѣ у Венелина и в новоболгарском тексте в большинстве случаев совпадает. Ср., например: **свѣтъ, мѣсто, бѣнѣ, трѣвъ, дѣвѣицы, пѣсни, звѣръ, голѣмъ, бѣше, ходѣху, чинѣше, срѣцне, бѣгаше, добръ, тѣхъ** и др. Впрочем, иногда он даже ошибочно "исправляет" новоболгарский оригинал: ср. у него: **отрѣди** вм. **ѳредѣ**, где е < а. В то же время Венелин последовательно употребляет членную форму мн. числа -тъ вм. -те в новоболгарском тексте: **очитъ** вм. **очите, бчи-тъ – ѳчите, рѣцѣ-тъ – рѣцѣте, моит-тъ – мѣите, мѣдрѣ-тъ – мѣдрите**. В этом он, видимо, следует

Берону и Кипиловскому. Букву **ѣ** Венелин использует также в принятой им в Грамматике парадигме склонения существительных женского рода на **-а**, **-я** как окончание искусственно созданных им форм двойственного числа: **дупцѣ**, **землѣ**, в формах дат. мн.: **земльмъ**. В дат. ед. он принимает окончания типа **кравѣ**, **душѣ**, **дупкѣ**, **землѣ**. В тексте "Чети" он заменяет общую форму с предлогом типа **на земли**, **безъ постѣли**, **въ пѣстини** формами с **ѣ** и **ѣ** в окончании: **на землѣ**, **безъ постѣлѣ**, **въ пѣстынѣ** и под., которых нет в парадигме ед. числа соответствующих существительных, приведенной в Грамматике.

Наиболее характерной чертой предлагаемой Венелиным нормализации болгарской графики и орфографии является обозначение гласного [ъ], которое он называет в числе "первых затруднений в определении правил правописания"⁵⁸. Именно в разработке этого вопроса наиболее ярко проявляется существо отстаиваемой им концепции "этимологического правописания".

Как известно, вопрос о том, как обозначать этот характерный для системы болгарского вокализма звук, был одним из наиболее спорных и неоднозначно решаемых болгарскими книжниками периода Предвозрождения и раннего Возрождения. Преобладали: 1) идущая от ранних новоболгарских дамаскинов XVII в. практика обозначения этого звука через **ѣ** (или **ѣ**): **кѣца**, **пѣть**, **мѣмъкъ**, **какѣвъ**, **лѣжѣ** – наряду с сохранением в качестве варианта замены бывшего **ж** на **ѣ** под влиянием норм ресавской орфографии⁵⁹ (здесь мы не касаемся возможности отклонения от этих норм в единичных случаях, например, в Конривитенском дамаскине, где находим написание типа: **каѣца**, **пѣть**, **пѣприце**, **ванѣка**, **лаѣжѣ**⁶⁰, поскольку буква **а** в этом случае отражала реальное произношение создателя данного списка) и 2) следование церковнославянской традиции (**ж** > **ѣ**, **ѣ** > **о**).

В двадцатые годы XIX в. с предложением обозначать звук [ъ] особой графемой выступили один за другим в своих книгах Берон, Кипиловский и Ненович – члены первого болгарского "Филологического общества" в Брашове⁶¹. Как известно, Берон в своем "Рыбном букваре" использует с этой целью букву **ѣ** (а с дужкой, открытой сверху) в позиции после твердого согласного и **ѣ** (юс малый с такой же дужкой) в позиции после мягкого согласного. Аналогичным является решение Кипиловского в его книге "Священное цветобранье", только вместо дужки в качестве диакритического знака он использует прямую черточку над **ѣ** и **ѣ**.

Так же, как у Кипиловского, обозначается звук [ъ] в “Новом завете” П. Сапунова⁶². Наконец, В. Ненович, вначале склонявшийся к решению Берона, после известных колебаний останавливается на буквах **ж** и **ѣ**, которые при наборе его книг “Священная история церковна от ветхих и нових завет” (1825 г.) и “Буквар за децата на славено-болгарскійет народ” (1826 г.) вопреки его желанию были даны согласно его первоначальному замыслу как **ж** и **ѣ** (юс большой и юс большой йотированный с горизонтальной соединительной черточкой внизу)⁶³.

Из названных здесь пяти книг Венелин располагал тремя: в его список, как мы уже отмечали выше, входили “Букварь” Берона, “Священное цветобранье” Кипиловского и “Новый завет” Сапунова. Следовательно, он был знаком с предлагавшимися в этих изданиях решениями вопроса об обозначении звука [ъ]. Не было у него только книг Неновича, с которым он, впрочем, был лично знаком и о своих критических беседах с которым в Бухаресте во время поездки в Болгарию относительно подготовляемых Неновичем к изданию книг “Лексиконъ Малкій на 4 языка: болгарски, гречески, влашки и российский” и “Грамматика болгарская” он упоминает в своей книге “О зародыше болгарской литературы” (с. 16–22).

Однако, в отличие от упомянутых авторов, как и от создателей книжного болгарского языка XVII в. на народной основе, которые стремились найти тот или иной *графический эквивалент* для характерного болгарского звука, обозначаемого в современном литературном языке буквой **ъ**, Венелин принципиально отказывается от такой постановки вопроса. Это связано с тем, как он оценивал сам звук [ъ]. По его мнению, этот гласный и е в х о д и т в с и с т е м у б о л г а р с к о г о в о к а л и з м а, а является лишь результатом “недослышки”, “понижения гласных”, того, что они “спали с голоса”⁶⁴. “Семь простых гласных (а, е, и, о, у и еи и и франц. и турецк.), — пишет он, — могут слиться в один общий звук, грубый и открытый **ы**, точно так же, как и семь простых цветов сливаются в один белый. Одно только **ы** из всех гласных произносится отверстым ртом так, что все органы слова находятся в естественном положении покоя, между тем как все прочие гласные требуют особенного приспособления или притяжения оных. Таким образом, если все эти приспособления и натяжения постепенно послаблять, т. е. натянутые органы спускать в естественное их положение, то этим самым и все упомянутые гласные сойдут на

один и тот же звук *ы*... Эту черту мы называем упадком или понижением гласных, разумеется в *ы*⁶⁵. Так, понижением гласных Венелин объясняет "некоторое созвучие" падежных форм "в устах черни", то, что "во всех падежах прислышивается одно и то же окончание, а именно в именах, оканчивающихся в именительном на гласную"⁶⁶. "Таким точно образом, — замечает он, — и у нас школьники, не зная твердо урока из склонения, проглатывая окончания гласных, довольно хитро спускают оные с голоса на *ы*, стараясь обмануть внимание учителя"⁶⁷.

Неверно, однако, было бы думать, что говоря о понижении гласных, Венелин имел в виду только их редукцию, произношение в безударной позиции. Так, он недвусмысленно заявляет, что "у болгар спали с голоса многие славянские слова... не только в середине (как *рука* на *рыка*, *скушь* на *скышь*, *волкъ* — *вылкъ*, *свершешь* — *свыршешь*), но и в окончаниях, т. е. формах склонения, преимущественно имен женского рода на *а* и *я*, так что во всех падежах, кроме именительного, слышен почти один и тот же звук *ы*, напр. *крава*, *кравы* и т. д., так что можно воображать себе любой падеж в сем звуке *ы*"⁶⁸. Иными словами, "спадение гласных с голоса" он равным образом допускает в корневых морфемах и в окончаниях как в ударной, так и в безударной позиции, не проводя между этими неодинаковыми для произношения [ъ] условиями употребления необходимого разграничения. В то же время он оговаривает, что в разных падежных формах "слышен почти один и тот же звук *ы*", что "в устах черни" отмечается "некоторое созвучие оных" (курсив мой — Е. Д.)⁶⁹. В подобном утверждении он, видимо, ищет поддержку предлагаемому им решению вопроса о написании "грубого и открытого *ы*". А именно, согласно его предложению, сформулированному в Грамматике, "в склонениях имен женского рода на *а* и *я* формы падежей должны быть оживлены правописанием"⁷⁰.

Исходя из этого, Венелин категорически выступает против попыток найти единое графическое выражение звука "ы". Он критически оценивает известные ему решения этого вопроса: "Пишущие или, лучше сказать, маракающие болгаре, по невежеству своему, доселе вовсе не отличали форм падежных, и по поводу некоторого созвучия оных в устах черни все оные писали однообразно, с тем, однако, различием один от другого, что один глухой звук *ы* выражал во всех падежах через *ѣ*, другой через *ь*, третий через *ѣ*, четвертый писал как в именительном, пятый ставил

е, шестой для отличения от именительного *ѣ*, седьмой *ѣ* и т.д.”⁷¹.

Интересно, что сам Венелин предлагает фактически *компромиссное* решение вопроса. С одной стороны, он настаивает на “этимологическом правописании”, а именно на восстановлении старых падежных форм болгарского языка “так, как они находятся в Св. Писании”. С другой стороны, он не хочет “упустить спавшие с голоса окончания”, т. е. тот факт, что в живом языке эти флексии утрачены и не произносятся. Он следующим образом формулирует в Грамматике свое решение вопроса: “Итак, если необходимо грамматику постановить формы для отличения одного падежа от другого, – а это, видимо, не вызывает у Венелина сомнений, – то само собой следует, что для сего приличнее всех старые формы сего языка, так как они находятся в Св. Писании, и которые вместе исправили бы, хотя бы отчасти, голос наречия, а чтобы не упустить из виду спавшие с голоса окончания, то отмечать оныя особенным знаком ударения, напр. над *â*. Таким образом удовлетворено будет и формам языка, и произношению простолюдина, и наконец произойдет постепенное исправление наречия, и напоследок язык болгар сблизится с древним, с русским и отчасти с другими славянскими наречиями”⁷².

На основании этого и предлагается написание “спавших с голоса” падежных окончаний типа **крава, кравъѣ, кравъѣ, кравъѣ, съсь кравъѣ, съсь челоувѣкѣ, съсь селѣ**, которое лишь весьма условно может быть названо “этимологическим”. Вместе с тем, как “спавшие с голоса” под знаком *^* восстанавливаются в соответствии с нормами церковнославянской орфографии и гласные в *корневых морфемах*. Ср., например, написания: **тѣкмо, много пѣти, рѣцѣ-тѣ, щѣ бѣде, тѣгуваше, сѣмѣ, сѣ, откѣдѣ, зѣль, глѣбокѣ, сѣмнуваніе, пристѣпи, сѣсѣды, зарѣчали, сѣсь, грѣческо, сѣборѣ, вѣздѣхну, тѣгѣ, пѣприца**. В сочетаниях с плавными между согласными, которые в новоболгарском оригинале последовательно передаются как *trst, tlst*, Венелин принимает написания типа: **Тѣрновѣ, сѣлзы, сѣрдцето, испѣлни, тѣрпѣше, напѣлненны, испѣлни, тѣвѣрдѣ, пѣрвень, цѣркви, вѣрнѣхѣ, трѣгна, стѣлпѣ, стѣлпникѣ, тѣрпи, смѣрдѣпе, мѣрпу, фѣрка, удѣржѣхѣ, Бѣлгарскому, дѣржава** (по слѣнце под влиянием новоболгарского оригинала). Значок *^* употребляется также для модификации гласного в окончании 1 лица ед. числа настоящего времени глаголов I и II спряжений: **падѣ, четѣ, гинѣ, минѣ, бѣю, лѣю, пѣю, крыю, мыю, рыю, шѣю, вѣю, стою, скудѣю, разумѣю, гладѣю, пѣю, смѣю, сѣю, водѣ, ходѣ, гудѣ, бѣдѣ, родѣ**

и под.; в 3 лице мн. числа настоящего времени: **ведутьъ, поведутьъ, копаютьъ, ископаютьъ**; в формах ед. и мн. числа аориста глаголов с суффиксом **-на**: **постигнѹ, вѣрнѣхъ, прибынѣхъ, заринѹха, станѹ, ослабнѣ, станѣха, преминѹ** (при этом дрб. ж в морфеме **-нж** передается непоследовательно через **ѹ** и через **ѣ**, возможно под влиянием новоболгарского текста, где находим формы типа **стана, прѣмина**). Указанный диакритический значок ставится также над гласным в окончании 3 лица мн. числа форм имперфекта: **чинѣхѹ, дохѣждахѹ, проваждахѹ, цѣловахѹ, думахѹ, моляхѹ, излѣзувахѹ** (по и **ходѣха**), которые заменяют формы с окончаниями **-ха** новоболгарского оригинала. Формы 3 лица мн. числа аориста даются с окончаниями **-ха** (чаще), **-хѣ** и **-хѹ**: **фѣрлиха, чюдѣха, разыдѣха, излѣзоха, извадиха, послушаха, обраха, видѣха, казѣхѹ, удѣржѣхѹ, дочѣкахѹ, послушахѹ** (в новоболгарском тексте – окончания **-ха**).

Вводя диакритический значок **^** над буквами реконструируемых церковнославянских гласных, Венелин, как видно из сказанного выше, имел в виду и возможность обратной операции при чтении, т. е. “понижение” восстановленных на письме гласных до “**ы**” согласно “произношению простолюдина”. В этом проявился определенный демократизм предлагаемой им реформы правописания, ее ориентированность и на церковнославянскую и на народную основу одновременно.

Остановимся на этом подробнее в связи с вопросом о восстановлении Венелиным утраченных в болгарском языке (и отсутствующих в новоболгарском тексте, взятом им за основу) падежных окончаний. Именно вводя эти формы со знаком, маркирующим их реконструируемый характер, он выражает надежду, что предлагаемые им нормы, с одной стороны, удовлетворяют живому произношению, а с другой – будут способствовать постепенному “исправлению” болгарского “наречия” и его сближению с русским (“общим”) языком и с другими славянскими наречиями.

Исходя из предложенного им принципа “постановления форм для отличия одного падежа от другого”, описываемые в Грамматике окончания существительных всех трех родов Венелин (не оговаривая, впрочем, этого специально) делит на такие, которые “спали с голоса” (это, как уже говорилось, отмечается знаком **^** над гласной реконструируемого окончания), и такие, которые, по его мнению, еще сохранены в живом языке (в этих случаях знак понижения гласного не ставится). О последних он

замечает: “не все еще падежные формы истребились, ибо имена мужского роду и имена среднего на *e* и *o* вполне отличаются некоторые падежи”⁷³.

Следует сразу же заметить, что среди “неславящих с голоса” падежных окончаний, отраженных в представленных в Грамматике парадигмах склонения, немало таких, которые, в действительности, не были присущи “нынешнему болгарскому наречию”. Достаточно сказать, что Венелин приводит для существительных всех трех родов падежные парадигмы *двойственного числа* (причем без знака ^, который маркировал бы их реконструируемый характер). Если у существительных мужского рода под формой двойственного числа Венелин фактически описывает реально существующие формы счетного множественного: **человѣка, Бога и Богове, родителя, обычая**, то для существительных женского и среднего рода им даются несуществующие в живом языке, искусственно созданные формы типа: **краве, душе, дупцѣ, хитросте** (во всех падежах); **села, пладнуваніа, врабчета, небеса, рамена, врѣмена** (им. и впп.), **селаа, пладнуваніаа, врабчетаа, небесаа, временаа** (род.), **селаъмь, пладнуваніаъмь, врабчетаъмь** (дат.); формы двойств. числа ср. рода совпадают в парадигмах Грамматики с формами мн. числа.

Как “спавшие с голоса” знаком ^ он маркирует окончания род., дат., впп., тв. падежей ед. числа существительных ж. рода на **-а, -я** (ср. соответственно: **кравѣи, кравѣи, кравѣу, сѣсъ кравѣи**; **душѣи, душѣи, душѣу, сѣсъ душѣи**; **дупкѣи, дупкѣи, дупкѣу, сѣсъ дупкѣи**, **землѣи, землѣи, сѣсъ землѣи**).

Если учесть, что за отмеченными знаком ^ окончаниями согласно Венелину скрывается произношение [ъ], из этой парадигмы следует, что он ориентировался в своем правописании на тот диалектный тип, отраженный отчасти в использованном им в качестве исходного материала новоболгарском тексте⁷⁴, в котором имело место противопоставление в ед. числе именительной формы на [а], [ӑ] и аггломеративной формы на [ъ], [ъ̆], используемой в несубъектной позиции, в частности, с предлогом в качестве общего падежа.

Сопоставим с этой точки зрения все предложенные Венелиным в “Чети” о святой Пятнице (Параскевине) Терновской написания словоформ существительных ж. рода на **-а, -я** с их написанием в подлиннике – Тихоодровском дамаскине XVII в. (лл. 55–60): первыми далее приводятся примеры из новоболгарского текста:

млѣтѣни чинѣха – милостино чинѣхѹ; роди́ха тѣзи чѣста и хѣва
 голубица и двѣца – роди́ха тѣ-си чѣстѹ и Хвѹ Голубицѹ и двѣ; да ѣде
 въ пѣстѣни... и ѡидѣ на пѣстѣни – да ѣде въ пѣстѣно... и отидѣ на
 пѣстѣно; вѣкѹсѡваше трѣва – вѣкѹсѡваше трѣвѹ; мѣба чинѣше –
 молбѹ чинѣше; да си украсѣ дѣнѣга – да си украсѣ душѹ-тѹ; по ѡнѣзи
 пѣстѣни – по онѣи си пѣстѣнѣ; да остави пѣстѣни – да остави
 пѣстѣно; такѣзи си́ла бѣше добы́ла – такѣ-си си́лу (sic!) бѣше
 добы́ла; въ пѣстѣни – въ пѣстѣнѣ; въ ѣдна ноць катѡ си чинѣше
 молѣба – въ едиѹ ноць катѡ си чинѣше молбѹ; да оставиши пѣстѣнѣта
 – да оставиши пѣстѣно; какѣ си оставѣ пѣстѣнѣта =- какѣ си остави
 пѣстѣно; да ѡчи́сти чѣкѹ дѣн<ата> – да очѣсти чело́вѣку душѹ;
 ѡстави ѡнѣзи пѣстѣни – остави онѹ-си пѣстѣно (sic!); ѣлѣзе ѹ црква
 хѣва – ѣлѣзе у Церквѹ Хвѹ; мѣба чинѣше – молбѹ чинѣше; тѣлѡваше
 за пѣстѣнѣта – тѣлѡваше за пѣстѣно; ѹ црква – у Цѣрквѹ; на ико́на
 – на ико́нѹ; надежда не ѣма^м – надеждѣ неѣмамъ; въ пѣстѣни – въ
 пѣстѣнѣ; ѣма^х помо́щница – ѣмахъ помѡщницѹ; стѡри си мѣба –
 стѡри си молбѹ; миризма хѣвава – миризмѹ хѣвавѹ; ко́лко-го павѣваше тѣ си
 мѣризму на онѣ-си смрадѣ; зарѣнаха ѡнѣзи мѣйна – зарѣнѣха онѹ-
 си мѣрну; видѣ ѣднѣ женѣ катѡ ѣдна царѣца – видѣ едиѹ женѹ катѡ
 едиѹ царѣцѹ; пѣде на земли – пѣде на землѣ; ѹзе го за рѣка – ѹзе го
 за рѣкѹ; пожати иѣнна добры́на – пожати иѣннѹ добры́нѹ; ѡ ма́шка
 родѣна – отѣ майкѣ родѣна; положи́ха ѹ въ црква – положи́ха ю въ
 цѣрквѣ; вѣра ѣмаха чѣста – вѣрѹ ѣмахѹ чѣстѹ; на стаа пѣтка – на
 стѹ Пѣткѹ; прочѡ се по сѣчѣка землѣ ѡнѣватѣска – прочѡ се по сѣчѣкой
 землѣ ѡнѣватѣской; съсѣ пѣтѣца жельзна – съсѣ пѣтѣцѣй жельзнѡй;
 голѣма тѣга ѣмаха – голѣмѹ тѣгѹ ѣмахѹ; заборѡвы на́шу ни́цетѹ и
 грѣжа на́ша – заборѡви на́шу (sic!) ни́цетѹ (sic!) и грѣжѹ на́шѹ;
 прѣс македо́нска землѣ... и аѡнѣскаа горѣ, сѣрѣ стѡа горѣ... и
 сѣчѣка землѣ ѡнѣватѣскаа, и тривѣлѣна ѹзе, така и далѣмѣта – прѣс
 Македо́нскѹ землѣ... и Аѡнѣскѹ горѹ сѣрѣчѣ стѹ Горѹ... и сѣчѣкѹ
 зѣмлѣ ѡнѣватѣскѹ, и Тривѣлѣно ѹзе, така и Далѣмѣно; ѹ сла́вна лѡвра ѹ
 стѣи горѣ – у Сла́внѡй Лаврѣ у Стѣи Горѣ; за стаа пѣтка – за стѹ
 Пѣткѹ; що ѣ на ва́ша фрѣнска дръжа́ва – що ѣ на вашѣй Фрѣнѣской
 Дѣржа́вѣ; дѣнѣга нѣи ѣи́цешь – душѹ-тѹ ны ѣи́цешь; половина ѡ
 црѣтѡго сѣ да ѡцѣмь – полови́нѹ отѣ Цѣрѣства-га си да ѡцѣмь; стаа
 пѣтка да прѣнесѣмь – стѹ Пѣткѹ да прѣнесѣмь; хвѣтѣше приѡнаа
 пѣтка – хвѣтѣше прѣнодобнѹ Пѣткѹ; вѣлѣзе на тѣзи стра́нѣ
 бѣлгарскаа – вѣлѣзе на тѣ си стра́нѣ Бѣлгарскѹю; прѡвѣждаха стѹю

пѣтку – проваждаху стѣ Пѣтку (sic!); кой със чѣста вѣра прихожда
– кой със чѣсто вѣроѣ прихожда.

Нетрудно убедиться в последовательности проводимого “исправления”. Лишь в некоторых случаях Венелину изменяет внимание – он пропускает знак ^ (ср., например, выше: **остаѣи пустыню**), ставит его не на месте (**проваждаху стѣ Пѣтку**), а в одном случае придает внимательное надежное окончание существительному в позиции подлежащего (**навиваше тѣ-си мѣризмѣ на онѣ-си смрадѣ**). При выборе той или иной надежной формы Венелин, по всей вероятности, руководствуется русской моделью управления глаголов.

Из приведенных примеров видно также, что со знаком ^ восстанавливаются (хотя и не всегда последовательно) окончания имен прилагательных ж. рода: **чѣстѣ** и **Хвѣ**, **хубавѣ**, **желтѣнѣ**, **голтѣ**, **Македонскѣ**, **Афонскѣ**, **Феталійскѣ**, **славнѣ**, **фрѣнскѣ**, **преподобнѣ**, **Българскѣ**, **със чѣсто**, местоимений: **нѣнѣ**, **сѣчкѣ**, **вашѣ**, **нашѣ** (вопроса об указательных местоимениях мы коснемся ниже), числительного: **еднѣ**, членной формы: **душѣ-тѣ**. Это позволяет нам в ограниченной по объему статье не останавливаться специально на этом вопросе.

Окончания творительного надежа всех трех родов Венелин устанавливает только для ед. числа. Вот что пишет он в Грамматике на этот счет: “Творительный означается не окончанием, а предлогом съ или със: например, със перѣ, със книгѣ и проч.; *мѣ* и *ю* окончания творительного поглощаются так, что едва заметны в выговоре, и посему стоящая перед ними гласная выдает звук *ы* глухого. Болгарский грамматик или правописец мог бы сохранить полное окончание творительного, не мешая тем выговору, я же, не мешаясь в желания будущих болгарских литераторов, обозначил усечение окончания знаком ^”⁷⁵. Исходя из этого в парадигмах приведены формы: **със кравоѣ**, **душѣ**, **дупкѣ**, **землѣ**, **но със трѣстѣ**, **със хитростѣ**, **със клѣтѣ**; **със челоѣ**, **със Богѣ**, **със родителѣ**, **със обычаѣ**; **със селѣ**, **със лицѣ**, **със пладнуванѣ**, **със врачѣ**, **небѣ**, **раменѣ**, **врѣменѣ**. Интересно, что окончание имен ж. рода на -а, -я при этом дается полностью: -ѣи и -ѣй, хотя знак ^ указывает на их усечение при чтении, а окончание имен м. и ср. рода – без конечного -мѣ. Отсюда как бы следует, что данный знак не может “снять” произношение согласного [м], но может “снять” согласный [й]. Впрочем, на практике это ограничение не всегда соблюдается. Ср., например, в тексте

“исправленной” Венелиным “Чети” словоформы: *сѣсъ брѣтѣ си* (вм. *сѣсъ брѣта сѣ* оригинала), *сѣсъ постѣ* (*сѣсъ постѣ*), *сѣсъ голѣмѣ постѣ* (*сѣсъ голѣмѣ по^с*), *сѣсъ голѣмѣ радѣсти* (*сѣсъ голѣма радѣ^с*), *сѣсъ бѣжіемѣ повелѣніемѣ* (*сѣсъ бѣжіе повелѣніе*), *сѣсъ пѣлицѣй желѣзнѣй* (*сѣсъ пѣлица желѣзна*), *сѣсъ ковчегѣ си* (*сѣсъ ковчегѣ^т сѣ*), *сѣсъ голѣмѣ почестѣ* (*сѣсъ голѣма почѣсть*), *сѣсъ многѣю почестѣ* (*сѣсъ многѣо почѣсть*), *сѣсъ чистѣ вѣрѣй* (*сѣсъ чѣста вѣра*). Из этих примеров видно, что в решении вопроса о восстановлении форм тв. падежа автор весьма непоследователен: у прилагательного реконструировано окончание (причем неодинаково: *ѣ, ѣи, ѣю, ѣй*), а у существительного, с которым оно согласуется, – нет (*сѣсъ голѣмѣ почѣсть, сѣсъ многѣю почѣсть*); окончание тв. падежа то дается, то нет (*сѣсъ брѣтѣ* но *сѣсъ голѣмѣ постѣ*), приводятся окончания тв. падежа, которых нет в парадигмах Грамматики (*сѣсъ Бѣжіемѣ повелѣніемѣ*); в членных формах м. рода окончание тв. падежа не восстанавливается (*сѣсъ ковчегѣ си* вм. *сѣсъ ковчегѣ^т сѣ*).

Интересно в приведенной выше цитате из Грамматики то, как Венелин определяет позицию грамматиста-неболгарина. Он не должен вмешиваться “в желание будущих болгарских литераторов”, которые одни могли бы предложить кажущееся самому Венелину более приемлемым решение (“сохранить полное окончание творительного”). И в другом месте Грамматики, упомянув, что “хотя чистый род<ительный> и мало употребителен, то сохранение его формы и правописания делается необходимым по крайней мере предлога ради”, Венелин замечает: «Есть которые говорят: “та даде му единъ дѣлъ царство-то си”. Но предохранить язык от подобной порчи должны будут будущие болгарские литераторы» (разрядка моя – Е.Д.)⁷⁶. Но, как и многие другие, эта постановка вопроса не проведена в Грамматики последовательно. Более того, гораздо чаще автор в весьма категорической форме излагает свои предложения. Ср., например, решение им вопроса о написании указательных местоимений и наречий на *-зи* (*тази, онази, този, онози, тогази* и под.), которое он рассматривает как ошибочное и всюду заменяет частицу *-зи* на *си* (последняя пишется то отдельно, то через дефис): “Если болгарин желает приблизить показываемую вещь, то к указательному местоимению для большей определенности прибавляет частицу или дательный третьего лица *си*; например: Той-*си* человекъ, та *си* жена, то *си* вѣрѣче, тѣ *си* воиницы, азъ дойдохъ на тѣ *си* странѣ и проч. Сюю частицу, по неумению, или из

небрежности часто пишут иные *зи*, а иные *съ*, напр. *той-зи*, *тойзи*, *тось*, иногда в мужеском роде *този* и *тозь*, как это бывает даже и в печатных болгарских книгах, а преимущественно в Евангелии перевода Петра Сапунова травянина. Какой славянин, после такого правописания, узнает, угадает или поймет, что такое *този*, *тось*. Так... уродливое правописание придает и языку вид уродливый”⁷⁷. Сам Венелин вместо местоимений и наречий на *-зи* предлагает написания типа: *то́лко си* (вм. *толкози* оригинала), *та си* (*та́зи*), *роди́ха тѹ-си* (*тѹ́зи*), *тогà си* (*тогази*), *по онѹи си* (*по ѿнѹзи*), *таквѹ-си* (*так’вѹзи*), *такви си* (*так’ви́зи*), *онѹ-си* (*ѿнѹзи*), *онѹ-си* (*ѿнѹзи*), *отъ онà-си* (*ѿ ѿнѹзи*), *о̀ного-си* (*ѿнѹго̀зи*), *той си* (*то́изи*), *оттолко-си* (*ѿ то́л’кози*).

Столь же категорично решается вопрос о членных формах (*рѹка-та*, *сѣрдце-то*, *ножать*, *царять*, *людиє-тѣ*, *сѣрдца-та*, *два человекà-та*), которые в Грамматике Венелин отождествляет с указательными местоимениями, примененными к существительному для усиления указания, а в более поздних работах называет “мнимыми членами”⁷⁸. Хотя в “исправленном” Венелиным тексте “Чети” употребленные в новоболгарском тексте по Тихонравовскому дамаскину членные формы в ряде случаев сохраняются (при этом ошибочно пишутся через дефис) – *очитѣ*, *очи-тѣ*, *да си украси души-тѹ*, *сѣсь мѹдри-тѣ двѣици*, *руцѣ-тѣ*, *сѣрдце-то*, *тѣло-то*, *мо̀щи-тѣ*, *на мо̀-то души озноба*, *на сво̀-то си отечество*, *мо̀-тѣ мо̀щи*, *нѣбе-то*, *отъ царства-та си* – в целом он выступает за то, чтобы они употреблялись как можно реже. В связи с этим он пишет в Грамматике: “Хотя часто (или почти всегда) сам инстинкт, так сказать, или языковедная оцѹпь научает ударять реченне, однако... определение или ударенне смысла в письме требует знания языка и риторики, а преимущественно писать правильно, т. е. сообразно со свойствами языка. Итак, – заключает он, – к числу всех неправильностей и погрешек пишущих болгар против их языка (погрешек, обыкновенно происходящих от филологической необразованности) принадлежит неправильное употребление сего указательного местоимения, ибо между тем как простой болгарин по одному инстинкту употребляет указание там только, где оно нужно, пишущий, не зная грамматики своего языка, весьма часто ставит оное без нужды, там, где оно не годится”⁷⁹. Сам он в ряде случаев снимает членную морфему, употребленную в новоболгарском источнике. Ср., например: *да ѿставишь пѹстынита* – *да ѿставишь пѹстыню*, *дѹшàта ти* – *душа ти*, *тѹгѹваше за пѹстынита* –

тѹгуваше за пѹстынїю, нѣяното тѣло – нѣино тѣло, нѣините стѣе мѡци – нѣины стѣе мѡци, при тѣлото стѣи пѣткы – при тѣло стѣи Петки, мѡците кѣ – мѡци ѣй, на нѣиното стѣе тѣло – на нѣино Св. тѣло, със' ковчегѣт' сѣй – сѡсъ ковчегѣ си и др.

По этому поводу он категорически заявляет в Грамматике: "Кто видя в болгарской книжке частое, хотя нелепое, повторение сего указательного местоимения, принял оное за член заднесловный; по несправедливо. Само собою явствует, что ударение речения или указание необходимо только в особенных случаях, и что посему чем реже оно употребляется, тем естественнее, тем оно правильнее. Замечание весьма важное и нужное болгарским писателям и переводчикам"⁸⁰. Позднее он выступает против "мнимых членов" еще категоричнее, называя их употребление "несчастной привычкой простого народа"⁸¹. Впрочем, такая категоричность снимается следующими словами Венелина: "Я взялся за перо не с намерением критиковать поворождающуюся болгарскую литературу, но с намерением подать ей руку, как ребенку, который только пытается встать на ноги, но еще колеблется в неизвестности грамматической и орфографической"⁸².

Итак, основные черты реконструируемой нами на основании анализа работ, писем, других архивных данных концепции Ю. И. Венелина по устройению болгарского литературного языка нового времени могут быть в общих чертах сведены к следующим пунктам:

1. Болгарский язык, занимающий свое самостоятельное место в кругу других славянских языков, в настоящее время в своем современном виде не имеет единой формы своей письменной фиксации. При этом нынешний болгарский к древнему болгарскому находится почти в таком же отношении, как новогреческий к древнегреческому. Древнеболгарская литература есть то же самое, что церковнославянская.

2. Развитие учебного дела и книгопечатания, столь важные для возрождения к новому состоянию, которое переживает в данный момент литературный язык болгарского народа, настоятельно требуют создания единых норм правописания, что может быть достигнуто прежде всего путем создания единой для всех грамматики, описания ее парадигм, как и выработки образцов нормированных текстов.

3. Решение этой задачи крайне осложняется значительным диалектным членением болгарского языкового континуума, что находит

свое отражение в многообразии форм письменной речи, в разное орфографии.

4. Перед создателем предписывающей нормативной грамматики неизбежно стоит необходимость выбора исходного наречия и единых правил его фиксации на письме. Предпочтительнее наречие, которое по ряду своих характеристик, главным образом, фонетических, ближе к языку Св. Писания и богослужебных книг, т. е. к церковнославянскому (древнеболгарскому по своему происхождению) языку.

5. Нынешний болгарский язык "отжил" свою первую эпоху и находится на повороте к новому возрождению. Поэтому за основу языка письменности должен быть взят живой народный язык, "простое наречие", которое необходимо соответствующим образом "обработать".

6. В качестве образца "простого наречия" целесообразно избрать новоболгарский текст, который, с одной стороны, отражает живую современную народную речь, а с другой, не порывает полностью с болгарской письменной традицией. Это позволит при "литературной обработке" опереться на уже существующие образцы новоболгарской повествовательной прозы, т. е. сохранить связь со складывающейся новоболгарской традицией и вместе с тем наглядно показать, какие изменения предлагается в них внести.

7. При решении конкретных вопросов, связанных с "обработкой" текста, в частности вопросов устройства парадигм склонения и спряжения, некоторых фонетических особенностей, следует ориентироваться на нормы богослужебных (церковнославянских) книг. Это позволит сблизить новоболгарский литературный язык с русским и другими славянскими языками.

8. "Обработке" в первую очередь подлежит уровень орфографии. Чисто технически эта задача должна решаться таким образом, чтобы при обратном переходе на уровень живой речи можно было восстановить реальное произношение того или иного "простолюдина". Вместе с тем, это дает надежду, что принятые на уровне орфографии решения постепенно повлияют и на произносительные нормы. Это, в свою очередь, позволит предохранить нынешний болгарский язык от значительного уклонения от самого себя первой эпохи.

9. В основе реформы правописания, исходя из сформулированных задач, должно лежать четкое представление о том, что правописание и произношение – вещи совершенно разные и

противоборствующие одна с другой, как это имеет место в ряде европейских языков. Иными словами, нужно различать *письменную* и *устную формы литературного языка*.

10. Концепция основывается на анализе современной языковой ситуации в Болгарии, учете историко-культурных и социолингвистических данных, а также на самостоятельном изучении болгарского языка, памятников его письменности, народных болгарских песен и валахо-болгарских грамот, собранных самим автором во время его ученого путешествия в Болгарию.

Нетрудно убедиться в том, что перед нами по-своему достаточно целостная и глубоко продуманная ее создателем концепция устройства болгарского литературного языка нового времени. Нет, по-видимому, смысла сосредоточивать внимание на ряде спорных и просто ошибочных положений как самой концепции, так и предлагаемых в Грамматике тех или иных конкретных решений – ведь речь идет о первом в славяноведении (причем не только российском) научном опыте создания кодифицированной нормы болгарского литературного языка нового времени, пережившего глубокие изменения своего грамматического строя и словаря. И проводился он человеком, действительно не получившим специального филологического образования (как известно, Венелин был медиком), что некоторые современные авторы находят возможным поставить Венелину в упрек⁸³. Все это так. И в то же время внимательное ознакомление с работами Венелина, непредубежденное желание проникнуть в его творческую лабораторию, сочувственно отнестись к его опыту первопроходческого решения огромной и сложнейшей задачи, вспомнить, в каких тяжелых условиях и какое краткое время работал молодой начинающий болгарист, один из первых в России, не может не воссоздать в воображении яркую личность, талантливого и пытливого исследователя с достаточно широким для своего времени кругозором. И простить ему его не всегда точное знание языка, который ему удалось изучить за столь краткое время, его (кстати, иначе выглядевшие в контексте состояния славяноведения в то время) заблуждения. И поклониться его памяти.

В свое время П. А. Лавров, отмечая самостоятельность Венелина в области изучения болгарского языка, отметил: «Каковы бы ни были недостатки Грамматического опыта Венелина, в истории изучения болгарского языка он будет иметь свое место»⁸⁴. Эти справедливые слова, пожалуй, в большей мере могли бы быть

отнесены к определению того места, которое Ю. И. Венелин по праву должен занять в истории болгарского литературного языка нового времени, изучении первых опытов кодификации его норм в эпоху болгарского Возрождения.

Оценивая "Грамматику нынешнего болгарского наречия" Ю. И. Венелина, его "критический опыт болгарского правописания", нельзя забывать, что речь идет о первом в России опыте решения сложнейших проблем описания славянского языка аналитического грамматического строя и выработки его орфографии. При всех своих ошибках, известной непоследовательности, некоторых неверных исходных посылок, этот опыт содержал оригинальное решение актуальных для 30-х годов XIX в. проблем болгарского правописания. На основании большого исследовательского труда, изучения материала собранных им самим рукописных и печатных лингвистических источников, анализа историко-культурной и языковой ситуации в Болгарии периода османского ига Венелин попытался дать свой ответ на многие важнейшие вопросы формирования единого болгарского литературного языка, волновавшие деятелей болгарского Возрождения, в частности, на вопрос о соотношении в нем традиции и народной основы. Этот вопрос Венелин решает в пользу народной основы, считая в то же время необходимым сохранение связи с предшествующим состоянием литературного языка, которую, на его взгляд, и должно было осуществить предлагаемое им "этимологическое правописание". И хотя "критический опыт болгарского правописания", осуществленный в Грамматике Венелина, не был опубликован, он по праву должен занять свое, пусть скромное, место в будущей полной истории литературного языка в Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1/ Подробнее о наших взглядах на литературно-языковую ситуацию в Болгарии в XVII – третьей четверти XIX в. см., в частности: *Демича Е.И.* Проблема предыстории современного болгарского литературного языка // *Kształtowanie się nowobułgarskiego języka literackiego (do roku 1878)*. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1990, s. 31–51. *Она же.* Предвозрожденческий период в истории болгарского литературного языка // *Болгарский литературный язык предвозрожденческого периода*. М., 1992, с. 5–30.
- 2/ *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977, с. 183.

- 3/ Возможно, с осознанием этих затруднений было связано намерение "Филологического общества" в Брашове, в которое входили названные книжники, издать болгарскую грамматику, о чем в 1824 г. сообщил П. Берон в разделе "Обращение към сънародниците" своего Букваря. См.: Букварь съ различни поученна събраши от Петра Х. Беровича за болгарски-тъ оучилница. [Брашов], 1824, с. 143. Ср. фототипическое издание: *Берон П.* Буквар с различни поучения (Рибен буквар). София, 1974. О работе "Филологического общества" см. *Арnaudов М.* Българското книжовно дружество в Браила. София, 1966.
- 4/ *Венедиктов Г.К.* Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 218.
- 5/ *Неофит Рилски.* Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 3.
- 6/ *Първев Хр.* Неофит Рилски и неговата "Българска граматика" // Неофит Рилски, Болгарска граматика. Фототипно издание. София, 1984, с. VIII.
- 7/ *Венедиктов Г.К.* Българистични студии. София, 1990, с. 83–84.
- 8/ *Макеева В.Н.* Проект плана "Сравнительного словаря всех славянских наречий" академика А.Х.Востокова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXIII, вып. 4, 1964, с. 346.
- 9/ *Караджич В.* Додатак к Санктпетербургским сравнительным реченицима свију језика и нарјечија, с особитим огледима бугарског језика. У Бечу, 1822, с. 33–54.
- 10/ См. об этом: *Венедиктов Г.К.* Българистични студии, с. 85–93.
- 11/ Ср. следующее сообщение Ю. И. Венелина: "Весною 1830 г. я имел честь принять поручение Императорской Российской Академии съездить за Дунай с целью археологической и филологической. Между прочим, мне было поручено изучить болгарское наречие и составить его Граматику, так как на этом только наречии ее еще не было" (*Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 6). Известны и иные формулировки цели ученого путешествия Венелина. Ср.: «Вскоре после выхода книги первого русского болгариста Ю. И. Венелина (1802–1839) "Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам" (1829) Российская академия вынесла решение: "Отправить лекаря Венелина в путешествие по Болгарии, Валахии и Молдавии для отыскания и описания оставшихся памятников древнего языка сих стран и преимущественно болгарского"» (*Коломинов В.В.* Забытые экспедиции Российской академии // Известия Всесоюзного географического общества, 1981, т. 113, с. 168–171).

12/ ПФ ААН, ф. 8, оп. 1 (1829), ед. хр. 34, л. 446. Цит. по статье: *Венедиктов Г.К.* У истоков лингвистической болгаристики в России // Ю.И.Гуца-Венелин і слов'янський світ. Ужгород, 1992, с. 235.

13/ Там же.

14/ Перебеленный Венелиным экземпляр Грамматики, которая до сих пор не издана, ныне хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в архиве Венелина (ф. 1, ед. хр. 1). Общее представление о содержании Грамматики можно получить из работы: *Лушина М.В.* Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю.И.Венелина // Славянская филология. Статьи и материалы. М., 1952, с. 108–123. Ср. также описание и оценку Грамматики в работе: *Шишманов Ив.Д.* Венелиновите книжа в Москва. II. // Български преглед, год. IV, кн. IX, София, 1897, с. 48–70. Об обстоятельствах, в силу которых труд Венелина остался в рукописи, см.: *Венедиктов Г.К.* Первые отзывы о “Грамматике нынешнего болгарского наречия” Ю. И. Венелина // Исследования по историко-графии славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 176–191.

15/ *Венедиктов Г.К.* Первые отзывы..., с. 192–182.

16/ См. подробнее: *Венедиктов Г.К.* У истоков лингвистической болгаристики в России (Занятия Ю.И.Венелина болгарским языком), с. 242–246.

17/ “Я не видел ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей ее ясно, слог приятный, показывающий, что болгарский язык гибок для всяких оборотов”, – пишет он о Рыбном букваре. См.: *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгары в политическом, народном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1, М., 1829, с. 16.

18/ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988, с. 115.

19/ Ср.: “подходя к описанию фактов живого языка с предвзятой теорией, Венелин дал искаженное представление о современном болгарском языке” [*Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания, вып. 2. М., 1957, с. 125 (Курсив мой - Е.Д.)].

20. *Венедиктов Г.К.* У истоков лингвистической болгаристики, с. 231.

21. Ее прислал Венелину В.Априлов с письмом от 28 июня 1837 г. См. об этом: *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 30.

22/ Там же, с. 47.

23/ Там же.

24/ Там же, с. 31.

25/ Там же.

- 26/ Там же, с. 32.
- 27/ Там же, с. 23.
- 28/ Там же, с. 24.
- 29/ Там же, с. 4. Ср. также: "тем непростительнее нам забыть болгар, на коих природном наречии совершается наше богослужение, на коих языке писали мы почти до времен Ломоносова..." (Венелин Ю. Древние и нынешние болгары..., с. 11).
- 30/ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы, с. 8-9.
- 31/ ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 2, 4-4 об.
- 32/ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы, с. 16-17.
- 33/ Венелин Ю.И. Грамматика нынешнего болгарского наречия, с. 50.
- 34/ Там же, с. 51.
- 35/ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы, с. 31.
- 36/ Там же, с. 32.
- 37/ Ср., например, следующие высказывания в его Грамматике: "сии изменения составляют принадлежность болгарского наречия русского (общего) языка и происходят от более или менее уклоняющегося произношения общих слов" (с. 5) или: "Носему наоборот можно бы сказать, что *пожатъ, рука-та, дѣло-то* в русском языке есть болгаризм (все равно; ведь болгаре и так суть русское племя, русские выходцы)" (с. 144). Еще раньше в своей книге "Древние и нынешние болгары..." он писал: "Итак, русский язык разделяется на три главные наречия: великорусское, малорусское и волгорусское, т. е. болгарское" (с. 203). Обоснование мнения о том, что Венелин считал болгарский язык самостоятельным славянским языком, а его « утверждение, что болгарский есть "отрасль русского языка", следует понимать в том смысле, что болгарский, с его точки зрения, есть язык восточнославянский, а не южнославянский», см. в работе: Венедиктов Г.К. У истоков лингвистической болгаристики в России, с. 237-240.
- 38/ Венелин Ю. Грамматика нынешнего болгарского наречия, с. 51.
- 39/ Там же. Не случайно, отмечая, что русское влияние в истории новоболгарской литературы усиливается благодаря Венелину и В. Априлову, Б. Пенев подчеркивает, что их деятельность может рассматриваться "как реакция на греческое влияние" (Пенев Б. История на новата българска литература. Т. 1. София, 1976, с. 72).
- 40/ См. письма П. И. Соколова Венелину: ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 150.
- 41/ См. этот список в архиве Венелина: ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, лл. 14-16.

42 / См. аргументацию в работе: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. II. Палеографическое описание и текст. София, 1971, с. 9–10, 14–15. В рукописи дамаскина есть сделанная в Кишиневе в 1829 г. запись некоего красильщика (бойджин) из Калофера (лл. 2–2 об.). А поскольку в представлении Венелина Калофер находится “в Македонии, не очень далеко от Копривщицы” (*Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 40), он, видимо, и замечает: “на македонском наречии”.

43 / См. об этом: *Венедиктов Г.К.* К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности // Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985, с. 31–37.

44 / ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 5, л. 10 об.

45 / *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 33.

46 / О том, что в эпоху Средневековья “функции кодификации выполняли зачастую образцовые литературные произведения, в которых была реализована современная им литературная норма, см.: *Едличка А.* Проблематика нормы и кодификация литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблемы нормы в славянских языках в синхронном и диахронном аспектах. Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам 22–25 октября 1974 г. М., 1976, с. 19.

47 / Ср. следующее замечание Венелина: “Итак, мое намерение было составить для болгар образец этимологического правописания... Болгарскую хрестоматию, приложенную мною к Грамматике, я исправил по правилам этого опыта” (*Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 32). Отметим попутно, что в упомянутой выше работе М. В. Луишной предпринятый Венелиным опыт “обработки” новоболгарского текста Жития Петки по правилам его “опыта”, неверно охарактеризован как осуществленный им “перевод с древнеболгарского на новоболгарский язык”. См.: *Луишина М.В.* Указ. соч., с. 110.

48 / ОР РГБ, ф. 49, п. I, ед. хр. 2, л. 4.

49 / О текстологической судьбе, языке и стиле новоболгарского текста “Жития Петки” Евфимия Тырновского см. подробнее: *Демина Е.И.* Житие Петки Евфимия Тырновского в новоболгарской письменности // Тырновска книжовна школа, 2. Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. София, 1980, с. 183–192. Заметим, что Венелин обошел молчанием вопрос о соотношении языка и стиля первоначального и новоболгарского текстов Жития.

50 / Там же, с. 188.

51 / ОР РГБ, ф. 49, п. V, ед. хр. 148, л. 15.

- 52/ См. об этом: *Демина Е.И.* Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 118–131; *она же.* Тихопрравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. III. Тихопрравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. София, 1985, главы II и III.
- 53/ Диалектная база книжного болгарского языка XVII в. на основе данных современной лингвгеографии установлена в работе: *Демина Е.И.* Тихопрравовский дамаскин... Ч. III, гл. III.
- 54/ Полный текст записи см.: *Демина Е.И.* Тихопрравовский дамаскин... Ч. II, с. 13.
- 55/ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 31.
- 56/ *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967, с. 135.
- 57/ См. об этом: *Венедиктов Г.К.* Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в. // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 254–255. Гражданскую азбуку использовал также Христати Павлович в своей книге “Арифметика или наука числительна” (Белград, 1833), однако у Венелина ее не было.
- 58/ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы, с. 33.
- 59/ Конкретный материал см.: *Демина Е.И.* Тихопрравовский дамаскин... Ч. III, с. 61–63, 120–130, 235–236.
- 60/ *Милетич Л.* Коприненски дамаскин. Български наметник от XVII в. // Български старини, кн. II. София, 1908, с. XXV–XXVII.
- 61/ См. об этом.: *Венедиктов Г.К.* Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 255–263.
- 62/ Там же, с. 259; ср. также: *Русинов Р.* Петър Сапунов и изграждането на новобългарския книжовен език // Език и литература, № 2, 1978, с. 67.
- 63/ *Венедиктов Г.К.* Вопросы нормализации..., с. 259–263; *Русинов Р.* Мястото на Васил II-Ненович в историята на българския книжовен език (По случай 150 години от смъртта му) // Език и литература, № 1, 1985, с. 97.
- 64/ *Венелин Ю.* Грамматика нынешнего болгарского наречия, с. 98–99.
- 65/ Там же, с. 99.
- 66/ Там же, с. 98. Кстати, эти замечания Венелина в свое время послужили основанием для сомнений в верности его сведений об утрате падежных флексий в болгарском. Члены “Рассмотрительного комитета” Российской академии, куда в 1836 г. поступила Грамматика, усмотрели в

них недостаточное знание Венелиным болгарского языка, поскольку, по их словам, “знающий язык легко отличит окончания падежей: одни не имеющий сведения смешивает окончания падежей”. В заключении Комитета на Грамматику говорится: “Подобные правила заставляют сомневаться в сведениях сочинителя, который, как говорит он (146), прислушивался к разговору болгар из разных областей, но, как видно, неглубоко шикнул в язык”. В публикации Грамматики нынешнего болгарского наречия было отказано (ОР РГБ, ф. 49, п. V, сд. хр. 148, лл. 22–27. Цит. по: *Венедиктов Г.К.* “Хронологическая записка” Ю. И. Венелина о его болгаристических трудах // Славянская филология, вып. VI. Л., 1988, с. 3–14.

67: *Венелин Ю.* Грамматика..., с. 101.

68: Там же, с.100. Любопытно, что Венелин пытается по-своему объяснить причины “депности и слабости в произношении”, приводящие к “понижению гласных”, усматривая их в долгом существовании болгарского языка и даже в жарком климате, влияющем на носителей языка в этом направлении. Эти нелепые объяснения относятся, как видно из сказанного, к уровню *орфоэпии*, к *произношению* гласных носителями языка. Поэтому изложение его взглядов в одной из недавних работ по истории изучения южных и западных славян – *«Утрату надежных флексий»* он объяснял двумя факторами: древностью языка и жарким климатом. “Исходя из этой совершенно произвольной и ненаучной теории, Венелин усматривает задачу грамматики в том, чтобы с помощью правописания восстановить старые надежные формы”> (Славяноведение в дореволюционной России..., с. 59. Текст в кавычках внутри цитаты из статьи: *Лушина М.В.* Указ. соч., с. 114) – нельзя расценивать иначе, чем незаслуженное приписывание Венелину еще более странных, чем в действительности, взглядов. Жарким климатом он объясняет не саму по себе утрату падежных флексий, а (что не одно и то же) лишь некоторые особенности произношения гласных, которые могли привести к их неразличению. Кстати, нельзя исключить, что в своих неумелых рассуждениях Венелин фактически пытался сформулировать выдвигавшуюся и позднее известными болгарскими учеными, в частности, Л. Милетицем, мысль о том, что утрата надежных флексий в болгарском была вызвана причинами фонетического характера, а именно фонетическим выравниванием флексий и в дальнейшем – действием аналогии, приведшим к тому, что падежи формально перестали различаться. Эта гипотеза не разделяется другими учеными, усматривающими иные причины падения в болгарском надежных флексий (См.: *Чешко Е.В.* История болгарского склонения. М., 1970,

с. 12–14), однако роль фонетических процессов, приведших к омонимии в формах некоторых падежей, при этом так или иначе учитывается.

69/ Венелин Ю. Грамматика..., с. 100, 101.

70/ Там же, с. 101.

71/ Там же.

72/ Там же, с. 101–102.

73/ Там же, с. 101.

74/ Демина Е.И. Тихомировский дамаскин... Ч. III, с. 43–45.

75/ Венелин Ю. Грамматика..., с. 118.

76/ Там же, с. 111–112.

77/ Там же, с. 141–142.

78/ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы, с. 45.

79/ Венелин Ю. Грамматика..., с. 145–146.

80/ Там же, с. 146. Как видно из сказанного, не соответствует истине следующее утверждение в одной из последних публикаций: “Примечательно, что автор грамматики *ни словом не обмолвился о существовании постпозитивного члена* в болгарском языке, хотя совсем не редко в приводимых им примерах находим членные формы” (Славяноведение в дореволюционной России, с. 59. Курсив мой – Е.Д.). Тот факт, что в своем пространном рассуждении в Грамматике Венелин отождествляет членные морфемы с указательными местоимениями (с которыми они генетически связаны) и призывает употреблять их только в особых случаях, когда имеется необходимость подчеркнуть “указание” или “ударение речения”, не означает, что он обошел молчанием эту важную тему.

81/ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы, с. 46.

82/ Там же, с. 50.

83/ Ср.: “Не получив специальной подготовки в области истории и филологии и не владея методами этих наук, Венелин развивал в своих трудах фантастические и ненаучные теории (в частности, пытался доказать, что болгарский язык является наречием русского языка). (Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 98).

84/ Лавров П.А. Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета Императорского Московского университета от 2 мая 1834 г. Ю. И. Венелиным // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Археологического общества. Т. 2. М., 1898, с. 123–124.

ПУТЕШЕСТВИЕ Ю. И. ВЕНЕЛИНА В БОЛГАРИЮ И ЕГО МЕСТО В НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИСТИКИ В РОССИИ

В первой трети XIX в. внимание русских ученых было привлечено к проблемам этнической и культурно-исторической общности славян, славянскому этногенезу, в том числе и к вопросу происхождения болгар. В это время существовало несколько теорий происхождения болгар. Одни ученые (А. Шлецер, Й. Тунманн, И.-Х. Энгель, Н. М. Карамзин) относили их к тюрко-татарам, другие к угро-гуннам (И. Клапрот), третьи принимали их за амальгаму славянских, турецких и финских элементов (Х.-Д. Френ). П. Шафарик считал болгар уральской отраслью гуннов. Ю. И. Венелин противопоставил этим теориям славянскую. Однако все они были еще недостаточно аргументированы, так как вопрос о происхождении болгар нельзя было решить без изучения языка, обычаев и обрядов, народного творчества, истории болгарского народа.

Начало изучению болгарской тематики в России в первой трети XIX в. положили материалы, появлявшиеся в русской прессе в период русско-турецких войн 1809–1811 гг. и особенно в 1828–1829 гг. Это были, в основном, дневниковые записки участников военных событий, краткие историко-статистические и географические, частью этнографические сообщения. Появлялись и редкие публикации переводной литературы (например, "Оттоманская империя или Обзорение Европейской Турции" К. Мальт-Брюнна, 1828; "Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену" Р. Вальша, 1829 г.)¹. Первые конкретные сведения о ново-болгарском языке русские ученые смогли почерпнуть только в 1822 г. из "Додатака" В. С. Караджича². В 1826 г. в журнале "Библиографические листы" П. И. Кеппен опубликовал собранный им небольшой материал, касавшийся диалектного членения ново-болгарского языка, его фонетических и грамматических особенностей³. Изучение болгарского языка было важно и для решения вопроса о происхождении старославянского языка, который также в это время активно дискутировался в научной среде. Часть ученых считала его в своей основе сербским (Й. Добровский), другие – паннонским (В. Копитар), третьи – моравским (К. Ф. Калайдо-

вич). В статье А. Х. Востокова "Рассуждение о славянском языке" (1820 г.) основа старославянского языка была определена как древнеболгарская.

С появлением работ Ю. И. Венелина начинается целенаправленное, более широкое по охвату изучение болгарской проблематики.

Первой работой, сделавшей имя Ю. И. Венелина известным ученому миру, была его рецензия "Замечания на сочинения г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч.", где было много места уделено болгарским сюжетам (1828 г.)⁴. В 1829 г. была опубликована его книга "Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам"⁵, сразу вызвавшая острую дискуссию по вопросам древней славянской истории и истории болгар, продолжавшуюся и в 30–40-е гг. XIX в.

Венелин появился в Москве в 1825 г. Родом из Закарпатья, он стремился к образованию, обладал большими способностями к языкам, увлекался историей, философией, сочинял стихи. Решив продолжить образование в России, в 1823 г. Венелин вместе с двоюродным братом Иваном Молнаром перебрался из Сегеда, где он учился в академии, в Кишинев. В Кишиневе в это время проживала большая колония болгар-переселенцев. Кроме Кишинева, болгары жили в Одессе, Крыму, Болграде, Аккермане и некоторых других поселениях на юге России. Эти болгарские переселенцы, поселившиеся в России в XVIII – начале XIX в. продолжали поддерживать торговые отношения с Болгарией, сохраняли свой язык, фольклор, предания. В письме к И. Н. Инзову Венелин назвал этот край "маленькой Болгарией, соплеменной Руси" и настойчиво рекомендовал заняться его изучением. В Кишиневе он провел 2 года (1823–1825 гг.). Пользуясь покровительством Инзова и ректора Кишиневской семинарии Иреня, он стал работать в семинарии воспитателем и преподавать математику. Значение этого периода жизни Венелина для всей его дальнейшей деятельности очень велико. Это неоднократно подчеркивалось в работах ряда ученых. В Кишиневе он близко познакомился с болгарами, заинтересовался их историей, народными песнями, языком⁶. И в дальнейшем он продолжал поддерживать дружеские отношения с кишиневцами, например, с профессором Кишиневской духовной семинарии А. И. Белюговым, писал о своем путешествии в Болгарию Инзову. В качестве переводчика он собирался взять с собой в путешествие одного из кишиневских болгар.

Летом 1825 г. из Кишинева Венелин направился в Москву поступать в университет. При поддержке дальнего родственника и земляка И. С. Орлая он был принят в университет, но не на философский, а на медицинский факультет. Возможно, жизненный путь Орлая, доктора медицины и философии, директора Нежинской гимназии и Ришельевского лицея в Одессе послужил для него примером: не имея собственных средств, он хотел получить профессию, которая дала бы ему материальную независимость. Успешно обучаясь медицине, Венелин в то же время продолжал не менее успешно заниматься историей. Не позднее апреля 1828 г. Венелин сблизился с М. П. Погодиным⁷, вошел в число близких знакомых и друзей С. Т. Аксакова, позднее давал уроки и готовил к поступлению в Московский университет сына Аксакова Константина⁸. В домах М. П. Погодина и С. Т. Аксакова Венелин познакомился с известными литераторами, общественными деятелями, актерами (М. Н. Загоскиным, Н. И. Полевым, А. А. Шаховским, В. Н. Каразиным, С. П. Шевыревым, М. С. Щенкиным и др.), встречался с А. С. Пушкиным. Погодин оказал большое влияние на формирование интереса Венелина к истории, одобрил его занятия болгарскими сюжетами, помог издать его первую книгу о болгарях. В то же время, по признанию самого Погодина, "сближение его с Венелиным много содействовало развитию его любви к славянам"⁹. Во время работы над первым томом книги "Древние и нынешние болгары..." созрело намерение Венелина посетить Болгарию и на месте проверить свою теорию происхождения болгар и их появления на Балканах. При содействии С. Т. Аксакова, А. А. Шаховского, М. П. Погодина Венелин в 1829 г. был представлен в Москве президенту Российской академии А. С. Шишкову и идея научного путешествия в Болгарию начала свое воплощение в жизнь.

Ученое путешествие Венелина в Болгарию издавна привлекает внимание исследователей его жизни и научной деятельности, русско-болгарских научных связей. Первым об этом путешествии на основе большого архивного материала написал П. А. Бессонов¹⁰. Подробно история поездки Венелина излагается в монографии Т. Байцуры¹¹. Освещается она и в работах других ученых.

Не позднее сентября 1829 г. Венелин обратился в Российскую академию с предложением, "пользуясь нынешними благоприятными обстоятельствами" (т.е. присутствием русских войск в Болгарии в связи с русско-турецкой войной 1828-1829 гг. — М.Н.), направить

его в “ученое путешествие” по Болгарии¹². Вместе с письмом была послана его книга “Древние и нынешние болгаре...” как свидетельство серьезных занятий автора историей этой страны. В архиве Российской академии сохранилась краткая записка (автограф) Венелина под названием: “Путешествие по Болгарии, Валахии и Молдавии...”, в которой говорится о целях и задачах предполагаемого путешествия (дата не указана)¹³. 28 сентября 1829 г. на заседании Академии были рассмотрены письмо Венелина и эта его записка¹⁴ и вынесено решение дать ему разрешение на путешествие в Молдавию, Валахию и Болгарию за счет средств Академии¹⁵ и испросить на это согласие царя. В протокол была внесена также рекомендация Венелину посетить Хилендарский монастырь на Афоне, где, “по словам Рапча, хранятся в великом множестве рукописи и древности славянские”¹⁶. На заседании присутствовали А. С. Шишков, А. Х. Востоков, В. Б. Броневский, П. А. Ширинский-Шихматов и другие члены Академии. 14 декабря 1829 г. “ученое путешествие лекаря Венелина” было разрешено официально¹⁷, и он был вызван из Москвы в Петербург для составления инструкции к путешествию и получения других необходимых рекомендательных бумаг и денег. 19 января 1830 г. Венелин приехал в Петербург. Здесь он вошел в круг известных ученых и литераторов; среди них были Востоков, приехавший в Петербург по делам П. М. Строев, Ф. И. Круг, Х. Д. Френ, Н. Я. Бичурин, П. И. Кеппен. Виделся Венелин и с Пувкиным. В ожидании окончательного решения Академией его вопроса Венелин продолжал подготовку к предстоящему путешествию: читал труды по Турции, посещал лекции в Петербургском университете, занимался в Публичной библиотеке у Востокова, работавшего там хранителем отделения рукописей, обсуждал свою книгу о болгарях с учеными, приобрел карту Европейской Турции¹⁸. Одновременно работал над проектом плана путешествия или инструкции и представил новый его вариант в Академию¹⁹. В архиве Венелина сохранился проект, написанный им в Петербурге²⁰, а также писарская копия инструкции (“Инструкция данная Императорскою Российскою Академиею г-ну лекарю Юрию Венелину; отправляемому, с Высочайшего соизволения, на иждивении оной Академии в филологическо-археологическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по Турецким областям Булгарии и частию Румелии”), уже доработанной и принятой на одном из заседаний Академии, с подписью: “Венелин.

С сею инструкцією во всем сообразоваться согласен"²¹.

Инструкция содержит 21 параграф. В ней говорится о целях и задачах путешественника, определяется его маршрут. Относительно продолжительности путешествия сказано, что "оно зависеть будет от свойств изысканий предпринимаемых путешествующим и от других обстоятельств, которых предвидеть не возможно"²². Уже по возвращении из путешествия в письме к И. Н. Инзову от 1832 г. Венелин писал по этому поводу: "Поелкику моя поездка была первая в этом роде, то Академия не могла решиться на долговременные издержки, посему мое путешествие не могло простираться далее одного года или 15 месяцев"²³.

В задачи Венелина входило посещение княжеских и монастырских архивов Молдавии, Валахии, Болгарии, книгохранилищ, а также частных собраний книг и древностей, выявление материалов, которые могли бы пояснить историю славян (например, войны Святослава с греками) и историю их письменности, приобретение или описание редких сочинений или рукописей на славянском языке, собирание снимков и образцов почерков для составления истории славянской палеографии. Подобные цели преследовало и путешествие Кеппена по славянским землям в 1821–1824 гг.²⁴, к которому с большим интересом отнеслись как русские, так и зарубежные славянские ученые. Однако путешествие Кеппена не было еще научной командировкой, а частной поездкой с научной целью, которое позже было засчитано ему в качестве государственной службы. Путешествие Венелина было более регламентировано, а программа его была очень широкой. Кроме указанных задач, он должен был изучать болгарский язык, собирать диалектологический материал, составить грамматику и словарь болгарского языка "с примерами повествовательной прозы"²⁵, разыскать сведения, касающиеся деятельности Кирилла и Мефодия. Однако сам Венелин еще более усложнил свою программу, включив в нее в качестве одной из важных задач "собиране болгарских песен, преданий, поверий и вообще всего того, что может объяснить прошедший и нынешний быт сего народа"²⁶. Эти задачи были им записаны в его краткой записке-проекте плана путешествия, представленном в Академию, но они не вошли в окончательный вариант инструкции. Венелин, однако, старался выполнить и эти самостоятельно поставленные им задачи. Об этом свидетельствуют его письма и дневник путешествия. Он собирался продолжить изучение Болгарии и написать ряд новых книг, для чего ему нужен

был материал, касающийся истории и современного состояния всех славянских народов. Так, например, накануне своего путешествия он обращается с просьбой "от имени всех славянолюбцев" к С. П. Шевыреву, находившемуся в Италии, "на возвратном пути не оставить без внимания славянских жителей Краина, Каринтии, Карниолии, Штирии..., о коих до сих пор не могли еще добиться верных сведений... Можно сделать себе статьи особенные: 1) о пространстве их жилищ, 2) об оттенках их наречия, 3) нравы, обыкновения, костюмы, 4) домоводство, 5) собрать то, что напечатано на их языке. Побывайте в Риме, в Русском Ушнатском монастыре; в Ватиканской осмотрите славянские рукописи... Это для VI тома моих Болгар будет весьма пужно"²⁷.

Академия поручала Венелину "вести обстоятельные путевые записки о том, что он видел или заметил достопримечательного, как относительно главного предмета его путешествия, так и всего, что может способствовать расширению исторических и древле-статистических сведений о нашем отечестве"²⁸. В дальнейшем предполагалось издание этих записей. Все дневники, записи и выписки из книг и рукописей, приобретенные книги и редкости и т. п., объявлялись, согласно инструкции, "полной" и "безусловной" собственностью Российской академии.

В инструкции был определен и маршрут путешествия: сначала Венелин должен был посетить Молдавию и Валахию и только потом Болгарию. Основными городами, откуда путешественник должен был совершать свои поездки, назывались Яссы, Бухарест, Силистра, Варна и Бургас.

Маршрут по Болгарии начинался из Силистры (Инструкция, § 9–10). Венелину рекомендовалось посетить Разград, Рушук (Русе) и его окрестности, направиться через реку Белу по Янтре в Тырново, далее в Ловеч, Рахово (Оряхово) и Варну, объехать прибрежные города и "наконец чрез Девню, Праводы, Комарово" направиться в Карнобат, "а оттуда чрез Айдос в Бургас. Из сего города можно будет сделать поездку в Ямполь и Сливю, и собрать там сведения, касающиеся до богослужения и богослужебных книг и других печатных и рукописных во всей так называемой Фракии. Из Бургаса же посетит Тырново, Замаково и окрестности Кирклисы, и побывает, если будет возможно, в Адрианополе"²⁹. О путешествии из Афон в инструкции не говорилось.

Программа научных занятий Венелина на время путешествия оказалась перегруженной, недостаточно четко определенной для

первой поездки в незнакомую страну; она нацеливала Венелина на изучение как славянских древностей, так и современного состояния просвещения и культуры в Болгарии. Объем работ, намеченный в инструкции и самим Венелиным, можно было выполнить лишь в течение нескольких лет, а не месяцев, и находясь в более благоприятных условиях, чем оказался Венелин во время путешествия по стране, на территории которой совсем недавно происходили военные действия.

В марте 1830 г. Венелин получил инструкцию³⁰, деньги (на все путешествие Венелину было назначено 6000 рублей и 1000 рублей на приобретение книг и рукописей), "Словарь Российской Академии", 1822 г., 6 тт.), "Додатак" Караджича, рекомендательные письма, расходную книгу³¹. 17 марта он вернулся в Москву.

Решившись на поездку в Болгарию, Венелин отказался от места медика в Московском войсковом госпитале, так и не успев стать практикующим врачом. Любовь к истории, гуманитарные занятия поглотили его целиком, однако отсутствие систематической университетской подготовки по филологии и истории не могло не сказаться на его исследовательской работе.

Мы легко себе можем представить Венелина-путешественника по известной литографии с его портрета, который был написан перед самым отъездом его из Москвы. На нас смотрит молодой человек лет 28-и, с грустными глазами и тонкими чертами лица. Впереди у него была долгая дорога, полная трудностей и опасностей, оторванность от друзей, неизвестная страна, подвергшаяся военной разрухе. Накануне отъезда он записал в своем дневнике: "Вечеру начал писать свои Записки: по сему случаю воспоминания прошедшего и какая-то предосторожность от будущего. Досадовал, что, бросив медицину и насущный [хлеб] на время, пустился в изыскания, конх конца предвидеть не можно, и кон в сне время столь мало ценятся..."³² 19 апреля 1830 г. Венелин отправился из Москвы в свое путешествие, провожаемый М. П. Погодиным и другими друзьями до первой заставы у Воробьевых гор. В упоминавшемся выше очерке П. А. Бессонова³³ и в современной литературе говорится, что Венелин выехал из Москвы 18 апреля 1830 г. Нам бы хотелось внести небольшую поправку. 18 апреля (в пятницу) он получил подорожную, а свое путешествие начал 19 апреля (в субботу), о чем и пишет в дневнике: "В пятницу взял подорожную... В субботу ходил с Юризовским менять деньги на червонцы; ...В IV часу собрались и выехали..."³⁴

По Калужской дороге, через Орел, Курск, Харьков, Полтаву, Николаев, не без приключений, 8 мая он добрался до Одессы.

Архивные материалы показывают, насколько серьезно готовился Венелин к путешествию. Выше уже упоминалось о его работе над планом поездки и занятиях в Публичной библиотеке в Петербурге. Кроме того, он встречался с учеными, имевшими опыт подобных научных путешествий, например, с Кеншеном. Среди близких знакомых Венелина были известные археографы и палеографы П. М. Строев и К. Ф. Калайдович, совершившие не одно путешествие по России в поисках древних славянских книг и рукописей в монастырских архивах и книгохранилищах. Был хорошо знаком Венелину и П. А. Муханов, занимавшийся собираньем и изданием археографических памятников по русской истории. В марте – апреле 1830 г., перед своим отъездом из Москвы, он встречался с А. Ф. Кухарским, профессором Варшавского университета, в 1825–1830 гг. посетившим почти все славянские земли, кроме Болгарии. 22 марта 1830 г. в доме М. П. Погодина в Москве состоялся вечер в честь путешественников: П. М. Строева, отправлявшегося в археографическое путешествие на север России, А. Ф. Кухарского, только что приехавшего из Рагузы, и Ю. И. Венелина. Был на вечере и Калайдович³⁵. Об этом же событии позднее сообщил журнал “Московский вестник”, причем дал краткое изложение программы путешествия Ю. И. Венелина³⁶.

В Одессе, куда он прибыл по пути в Болгарию, Венелин познакомился с поэтом В. Г. Тепляковым, в то время состоявшим чиновником по особым поручениям при генерале-губернаторе Новороссийского края М. С. Воронцове³⁷. Весной 1829 г. Тепляков был командирован в Болгарию с целью разыскания и приобретения для Одесского археологического музея “антиков” – преимущественно древнеримских и древнегреческих монет, медалей, мраморных барельефов и пр. Тепляков путешествовал почти по тем же местам, что и Венелин год спустя; некоторое время жил в Варне, посетил монастыри близ Варны, Провадию, Каварну, Бабадаг, Силистру, Мангалию и др. (март – июль 1829 г.). Он оставил яркое описание этих мест в “Письмах из Болгарии”³⁸ и в ряде стихотворений. Кроме того, был опубликован его “Отчет о разных памятниках древности, открытых в некоторых местах Болгарии и Румелии” (Одесса, 1829), с которым Венелин ознакомился сразу же по приезде в Одессу³⁹. Выполнение поручения Тепляковым было

признано канцелярией М. С. Воронцова отличным, а результаты археологических изысканий – тоже отличными⁴⁰. Было бы интересно сравнить подробно впечатления Теплякова от его поездки в Болгарию с впечатлениями и результатами путешествия Венелина всего лишь год спустя, разительно отличавшимися от картины, нарисованной Тепляковым. За недостатком места приведем здесь лишь один отрывок из “Писем из Болгарии”, чтобы лучше оценить смысл и значение исследовательских результатов Венелина, касающихся болгар и Болгарии. В последнем из “Писем из Болгарии” Тепляков так пишет о своих впечатлениях от увиденного: “Ударившись, как я уже неоднократно объявлял вам, в это премудрое странствие без книг и без всяких приготовлений; снабженный кроме того самыми ничтожными вещественными средствами, я писал, что на ум брело; рассказал все, что видел своими собственными глазами, а видел я весьма и весьма немногое. Весь посещенный мною уголок Мизии, страны, именовавшейся у римлян житницею Цереры, не представляет ничего, кроме следов древнего и нового опустошения, картины древних и новых развалин... Но люди, но мирные жители? Боже мой! уже тысячу раз повторял вам, что их нет, что они исчезли... Кое-где только – согбенные нуждой, томимые голодом, бледные... блуждают толпы болгар вокруг пепла разоренных лачуг своих, или вооруженные с ног до головы, служат правоверным, гяурам и очень часто самим себе – не ради каких-нибудь прихотей, но для удовлетворения крайних, животных потребностей человека... а я мимоходом замечу, что обвешанные оружием, здешние болгары говорят еще вашему воображению о своих воинственных Крумах, о времени диких торжеств, о трепете Византийской империи перед мечами отцов их. Добрый народ сей замечателен очень во многих отношениях. Со временем... болгары могут еще явиться на сцену с некоторыми довольно любопытными подробностями...”⁴¹

Остановимся на наиболее важных аспектах путешествия Венелина в Болгарию, Молдавию и Валахию и его результатах.

По прибытии в Одессу Венелин сразу же попытался установить контакты с местными болгарами или недавними переселенцами, многие из которых находились еще в карантине из-за распространявшейся холеры. Среди них Венелин хотел найти себе спутника и переводчика, однако безуспешно. Сведения о том, что русские войска уходят из-за Дуная и покидают Болгарию (согласно условиям Адрианопольского мира), очень беспокоили Венелина.

Возвращавшиеся в Одессу офицеры говорили, что за Дунаем пусто. Об этом же говорил и адрианопольский митрополит Герасим. От сухопутного путешествия через Измаил Венелину пришлось отказаться. Один из его знакомых офицеров сообщил ему, что все приморские города опустели, “т. е. болгаре и греки из них переселились по сию сторону Дуная. Стало быть мне почти не к чему туда ехать. Войска наши возле Варны лагерем, а Варна почти пуста... Мне даже пришла было мысль в голову прямо в Константинополь. Хиляндарский монастырь опустошен турками. Можно предвидеть, что пожинки мои больше будут в Валахии и Молдавии”, – писал Венелин Погодину⁴³. Эти серьезные обстоятельства заставили Венелина отказаться от ранее разработанного плана путешествия и поспешно отправиться морем в Варну, чтобы посетить северо-восток Болгарии, где еще находились русские войска. § 11 инструкции допускал возможность изменения маршрута путешествия в случае необходимости, как это и пришлось сделать Венелину.

В Одессе Венелин пробыл менее 2-х месяцев (8 мая – 26 июня). За это время ему удалось записать несколько болгарских песен, начать сбор словарных материалов. В одном из писем к Погодину он сообщает, что “собрал 700 слов болгар[ских] и 17 песен”⁴⁴. Он старался вникнуть в болгарскую речь, собирал также различные сведения о местах, которые ему предстояло посетить.

4 июля 1830 г. Венелин прибыл в Варну. По его просьбе его поселили в болгарском доме, так как он хотел ближе познакомиться с жизнью и бытом болгар, их языком. Многие страницы его дневника и писем посвящены описанию квартиры и хозяев-болгар – Вулчо, его жены Гины, их детей. С ними у Венелина сложились хорошие, дружеские отношения. Успешно овладевал он и болгарским языком. Однако поиски рукописей не увенчались успехом. И в письмах к друзьям, и в своем дневнике Венелин неоднократно жалуется на трудности, с которыми он столкнулся, пытаясь отыскать или купить какие-либо рукописи или книги старой печати, – недоверие к чужаку и просто непонимание, о каких рукописных книгах идет речь. Венелин опасался, что “Восточная Болгария чрезвычайно пуста для археолога; в ней-то меньше всех жило болгар, коих главные силы за Балканами. Ехать туда, по плану Инструкции, невозможно было, ибо для сего надлежало сноситься с турецким правительством, что главнокомандующий препоручил ген. Роту. Но как скоро намеревались оставить Варну (войска

собирались оставить Варну 15 августа⁴⁵ – М. Н.), то времени для истребования фирмана не доставало. Кроме того, по уверению адрианопольского митрополита я там ничего не мог надеяться; наконец жители (болгаре) переселились гуртом в Валахию и Молдавию; конечно, если бог даст здоровье, я их там отыщу. И так не осталось более делать ничего, кроме довольствоваться тем куском, который еще занят нашими войсками”⁴⁶.

Кроме Варны, Венелин побывал в Каварне, Кюстендже (Констанце), Гирсове, Бабадаге, Мангални. “Поездки из Варны, – писал Бессонов, – не могли простираться далеко: турецкая линия находилась уже неподалеку от города, по реку Камчию; чтобы перешагнуть ее, нужно было прежде спуститься с Везирем или Галил-Пашею, ...с другой стороны, цепь русских, с запада, простиралась только под Праводы, а оттуда к Силистрии”⁴⁷. 6 августа 1830 г. Венелин приехал в Силистру, где тяжело заболел и пробыл там до 25 сентября. Во время его болезни в Силистру переселились его варненские хозяева и продолжали о нем заботиться. Везде, куда бы ни приезжал Венелин, он стремился установить контакты с болгарамн, получить сведения о языке, об их народной одежде, песнях, различного рода книгах⁴⁸. Свои впечатления от посещения Варны, Силистры и других мест, а также сведения, полученные им от болгар из других сел и городов, Венелин заносил в свой дневник. Например, описание Свиштова, жителей окрестных сел, местности дано со слов молодого свиштовского болгарина, “который был и в Кронштате (Брашове – М. Н.) и в Валахии: отчасти можно ручаться”⁴⁹. При описании Тырнова и тырновского округа (местоположение, природные условия, население, достопримечательности, исторические сведения и пр.) он также указывает источник: “терповск[ий] бол[гарин], ремеслом кожухарь; утверждал, что по сим селам шивал кожухи...”⁵⁰. Но чаще ссылка на источник в дневнике Венелина отсутствует. Кроме Свиштова и Тырнова, в дневнике Венелина содержатся сведения о Шумене, Русе, Софии, Пловдиве, Калофере, Котеле и др. городах и селам Болгарии. В числе наиболее важных своих занятий в Варне и Силистре Венелин называет собиpание этнографического, географо-статистического и лингвистического материалов. Об этом он неоднократно писал Погодину⁵¹, П. С. Куницкому⁵² и в своем дневнике. Дневник Венелина еще недостаточно изучен и представляет большую научную ценность⁵³.

Однако ситуация в Болгарии не способствовала научным изыс-

каниям Венеллина, и 25 сентября он выехал в Бухарест. В одном из писем Погодин упрекнул Венеллина, что тот не посетил Македонию и Афон, давно привлекавший внимание ученых собранием рукописей. В своем ответе Венеллин справедливо отметил, что "ученое путешествие в какой-либо стране требует многого времени, т. е. долговременности наблюдения, иначе оно будет поверхностным и не ученым. Требуется, чтобы я кроме Молдавии и Валахии и Болгарии, объехал и всю Забалканскую Болгарию в 1 1/2 года с малыми средствами, значит, чтобы я пробежал всю почти Турцию, взглянул только мельком и в скорости поездки не сделал ничего!..."⁵⁴ Венеллин правильно оценил сложившуюся к этому времени в Болгарии ситуацию, свои силы и возможности, денежные средства и решил ограничиться в дальнейшем изучением архивов Валахии и Молдавии.

В архиве Бухарестской митрополии Венеллин нашел большое число грамот XIV–XVII вв. на славянском языке. Славянская письменность существовала в Валахии и до XIV в., до полного завоевания Болгарии османами. Позднее, с падением Болгарии, роль культурных центров Валахии возросла, болгарская письменность стала шире распространяться и вплоть до XVII в. богослужение и судопроизводство велось здесь на славянском (влахо-болгарском) языке. Эти грамоты и привлекли внимание ученого.

Работа с рукописями отнимала у Венеллина в Бухаресте много времени. В письме Погодину он писал: "Тут мне надлежало быть Строевым, Калайдовичем в совсем особенном роде. Ты не поверишь, какую каторгу я перенес по[ка] не составил себе ключ к чтению"⁵⁵. В день Венеллин мог обработать в лучшем случае 2–3 грамоты. Сложная работа с рукописями, желание сделать как можно больше в Бухаресте, болезнь заставили его отказаться от обследования остальных областей Валахии и Молдавии. В другом письме из Бухареста он писал Погодину: "Теперь на поверке вижу, что мне нельзя будет вычерпать всей старины Валахии, и моя поездка может быть разве только началом в трудах и как руководством для будущих русских археологов"⁵⁶.

В Бухаресте Венеллин познакомился с некоторыми представителями болгарской колонии, в частности с Василием Неновичем и Афанасием Нековичем, братьями Мустаковыми, И. Геновичем, П. Сапуновым и другими образованными болгарскими деятелями болгарского просвещения⁵⁷.

Последнее письмо из Бухареста заболевшего Венелина написано Погодину 3 марта 1831 г. В нем он жалуется на свое тяжелое душевное и физическое состояние: “Я страдаю всем, любезный Миханл Петрович, телом и характером. Я одинок, вот в чем мое несчастье. Работать не могу, ибо я болен душою”⁵⁸. Тяготы путешествия, климат Бухареста, который оказался неподходящим для Венелина, подорвали его здоровье. Точную дату отъезда Венелина из Бухареста установить нам не удалось. Известно, однако, что из Бухареста в Кишинев он приехал 3 апреля⁵⁹, здесь 2 месяца лечился, отдыхал, собирал болгарские песни, работал над влахо-болгарскими грамотами, а также продолжал поиски рукописей. В начале июля Венелин приехал в Одессу, а в первой половине октября вернулся в Москву (по мнению Т. Байцуря – без ссылки на источник – 13 октября)⁶⁰, затратив на все путешествие около полутора лет, из них в Болгарии он был всего лишь менее 3-х месяцев и свыше 5-ти – в Бухаресте.

Путешествие Венелина стало первым путешествием, предпринятым российским ученым по заданию Российской академии с целью изучения истории, языка, письменности и этнографии болгар – одного из славянских народов. Оно дало конкретные результаты и указало исследователям новые пути для разысканий памятников славянской письменности, истории, языка и культуры болгар.

Большими неприятностями обернулось для Венелина одно из условий Инструкции (§ 21): “Все извлечения из печатных книг или рукописей, списки, путевые записки, древности и проч. как приобретения археографического путешествия по вышеозначенным княжествам и областям, совершенного по распоряжению Императорской Российской Академии, средствами и издвигшем ее, суть безусловная и полная ее собственность”⁶¹. Сразу же по возвращении Венелина в Москву неприменный секретарь Академии П. И. Соколов стал требовать немедленной передачи в Академию всех материалов, собранных в путешествии, а также остаток неиспользованных денег. Материалы же требовали дальнейшей обработки: систематизации, комментирования, обобщения. В одном из писем Погодину уже из Москвы (от 16 октября 1831 г.) Венелин пишет: “Спрашиваешься о моих намерениях; их не трудно разгадать; ведь знаешь, что все у меня на лоскутках и что все это обработать надо будет, а иначе представить Академии нельзя”⁶². Венелин просил Академию дать ему небольшую стипендию на время подготовки материалов. Однако Академия его просьбу не

поддержала. Материальное положение Венелина было бедственным; чтобы иметь возможность продолжать работать над своими материалами, он вынужден был давать частные уроки, в том числе в семье С. Т. Аксакова, в пансионе Погодина и др. Совершив своего рода научный подвиг, надеясь на признание своих заслуг, по возвращении из путешествия он встретил со стороны Российской академии равнодушие, недоверие, даже недоброжелательность⁶³. Все это наложило тяжелый отпечаток на последние годы жизни Венелина. Несмотря на это, ему удалось многое сделать из задуманного, подготовить к публикации ряд новых материалов, касающихся болгарского языка, фольклора, истории, древностей.

Выше уже говорилось о сложности и обширности задач, которые поставил перед собою сам Венелин. Это, по его же словам, "1. Собрание песен, 2. Собрание грамот и древностей. 3. Грамматика, 4. Лексикон" ("Сколько труда!" – добавляет Венелин в письме к Погодину)⁶⁴. Обратимся к этим основным задачам.

1. До последних дней жизни Венелин продолжал собирать болгарские народные песни. В письме к В. Е. Априлову (1837 г.), в котором он излагает свою этнографическую программу, собрание и изучение болгарских народных песен он выносит на первое место⁶⁵. Как и другие историки-романтики, Венелин считал, что народная песня, народная поэзия – это не только один из важнейших источников познания характера, обычаев, обрядов народа, но и его истории. Поэтому в первую очередь он обращался к песням. Песен Венелину (и самому лично, и через болгар) удалось собрать около 50. О трудностях этого рода работы он подробно писал Априлову, прося его о содействии⁶⁶. С просьбой прислать песни он неоднократно обращался к бухарестским болгарам (к Н. Кантору, Г. Пешакову), в Болград, к Инзову, которого также пытался заинтересовать своей программой этнографического изучения болгар-переселенцев⁶⁷. Издание песен, как пишет Венелин Априлову, помогло бы и в России, и в Европе яснее услышать голос болгарского народа, узнать его историю. Венелин приводит в качестве примера деятельность сербского филолога Вука Караджича, 4 тома сербских народных песен которого были "переведены на немецкий, французский и английский языки... Гете и другие писали о сербах, с песнями коих они с удовольствием ознакомились. Сербов теперь никто не забудет"⁶⁸.

Собрание песен Венелина вошло в изданный П. А. Бессоновым сборник "Болгарские песни из сборников Ю. Ив. Венелина,

Н. Д. Катранова и других болгар” (1855, М., вып. 1–2). Это был наиболее обширный для своего времени сборник народных болгарских песен (152 песни), с указанием источника, где была записана и кем доставлена песня. Кроме песен из собрания Венелина, Катранова (болгарина, студента Московского университета), А. Ф. Вельмана, в сборник вошли песни, собранные Априловым, А. Кипиловским, З. Княжеским, Н. Геровым, Пешаковым, Неофитом Рильским. В течение многих лет сборник Бессонова был основным источником изучения в России болгарского фольклора. Таким образом, собранные Венелиным песни послужили ценным вкладом в развитие болгарской фольклористики. Усилия Венелина в этой области не пропали даром и нашли отклик в среде русских ученых и у болгар. Кроме того, Венелиным были составлены первые этнографические программы и обоснована важность этнографических исследований.

2. Влахо-болгарские грамоты, собранные Венелиным в Бухаресте, представляли большой интерес как для палеографа, так и для историка болгарского языка. С. Б. Бернштейн в своем исследовании о языке валахских грамот XIV–XV вв. положительно оценил изыскательскую деятельность Венелина в архиве Бухареста, назвал его “первым, кто понял большое значение валахских грамот для истории Валахии и болгарского языка”⁶⁹. Рукопись “Влахо-болгарских или дако-славянских грамот” была подготовлена Венелиным в конце 1832 г. и в марте 1833 г. получена Академией⁷⁰. Она получила положительный отзыв акад. Востокова, но сам автор этого труда не увидел его опубликованным. Академия затягивала публикацию грамот. Как писал в 1835 г. Востоков, “грамоты сии предпологаемо было напечатать на счет Академии, к чему доселе не могло быть приступлено единственно потому, что в типографии Академической недостает некоторых литер, потребных к напечатанию сей книги...”⁷¹ Грамоты были изданы только в 1840 г., после смерти Венелина. В книге было опубликовано 66 грамот и 30 снимков, списки собственных личных имен, извлеченных из двух памятников, обширные историко-филологические комментарии. “Венелин дал, — отмечает С. Б. Бернштейн, — в основном верную характеристику языка славянских грамот Валахии, указал на отличие этого языка от языка молдавских грамот, обратил внимание на сербские элементы в языке грамот... В своих комментариях он обнаружил поразительно глубокое знание многих частных вопросов истории и быта Придунайских княжеств,

понимание роли и значения славянского элемента в формировании культуры и языка валахов и молдаван⁷².

Кроме грамот, Венелин привез 5 рукописных книг, перечисленных в одном из черновых писем П. И. Соколову⁷³ и несколько листов из рукописи XIV в.⁷⁴ Как показано в работах Е. И. Деминой⁷⁵ и Г. К. Венедиктова⁷⁶, среди этих книг были Тихонравовский дамаскин XVII в. и Тихонравовский сборник XVIII в. Отрывок из Тихонравовского дамаскина "Житие Петки Тырновской", как установила Е. И. Демина⁷⁷, вошел в его рукописную грамматику болгарского языка... в качестве хрестоматийного приложения. "Четь сию извлек из рукописного собрания разных поучительных слов на праздничные дни, писанных на простом наречии. Это я прилагаю в виде Хрестоматии болгарской, не от того, чтобы четь сия отличалась хорошим обработанным слогом (который остается еще обработать самим болгарам), но от того, чтобы заставить говорить самого какого-либо болгарина", - писал Венелин президенту Российской Академии Шишкову⁷⁸. Как отмечает Венедиктов, Венелин был первым, кто обратил внимание русских ученых на памятники новоболгарской письменности XVII-XVIII вв. и на языковые особенности этих памятников⁷⁹ и тем самым существенно расширил базу изучения истории болгарского языка.

Не менее важным был страстный призыв Венелина к самим болгарам отыскивать и собирать древние рукописи на славянском языке как ценный исторический и языковой источник. В. Априлов, одним из первых откликнувшийся на этот призыв, пишет о своих усилиях продолжить это дело Венелина в предисловии к публикации собранных им болгарских грамот (1845 г.): "По кратковременному нахождению Венелина в собственной Болгарии, ему не удалось достать ни одной грамоты, относящейся собственно до болгарской дипломатки... Неутомимый Венелин... не переставал домогаться сих грамот. Уже будучи в Москве, он писал мне о том. ...Чтобы успеть в чем-либо, я принужден был с места моего пребывания, Одессы, завести повсюду, по сему предмету, деятельную переписку. Я не жалел ни трудов, ни издержек. Но трудно было возбудить усыпленный, по сему предмету, дух моих соотечественников!"⁸⁰ Таким образом, призыв Венелина не остался неуслышанным и оказал свое положительное влияние на развитие болгарского Возрождения.

3. Составление грамматики новоболгарского языка было одной

из важных задач, поставленных Академией перед Венелиным. "Грамматика нынешнего болгарского наречия" была закончена им в 1834 г. и в 1835 г. отправлена в Петербург⁸¹.

Первым рецензентом рукописи "Грамматики" был профессор Московского университета И. И. Давыдов. Его отзыв (от 25 мая 1834 г.) был написан в связи с обращением Венелина в Совет Московского университета о готовности занять новую кафедру "истории и литературы славянских наречий", которую предполагалось открыть в 1835 г.⁸² Отзыв Давыдова был благоприятным. Он считал, что, несмотря на недостатки, для более глубокого, "исторического", изучения славянских языков может быть полезной и грамматика, составленная Венелиным⁸³.

Другим по времени отзывом на "Грамматику" стал отзыв Востокова, который рассматривал ее по поручению министра народного просвещения С. С. Уварова (не позднее 20. 10. 1835 г.)⁸⁴. Венелину предлагалось "исправить и пополнить Грамматику". Востоков обратил внимание на главную особенность гипотезы Венелина — его утверждение, что болгарский язык есть наречие русского. Он пишет: "Не отвергая в болгарском языке большего сходства с русским, нежели с другими славянскими наречиями, нельзя, однако, по моему мнению, считать болгарский язык наречием русского. Он слишком много имеет своего собственного"⁸⁵. Однако и Востоков нашел полезным для славянского языкознания публикацию "Грамматки"⁸⁶.

Из Министерства народного просвещения рукопись была направлена в Российскую академию Шншкову. На заседании Академии (11. 1. 1836 г.) было постановлено направить рукопись в Рассматривательный комитет с тем, чтобы тот "представил Академии мнение свое о достоинстве оной, и заслуживает ли сия грамматика издания насчет Академии в пользу сочинителя"⁸⁷. Отзыв Рассматривательного комитета был отрицательным. Он готовился долго и лишь 16 января 1837 г. был вынесен на заседание Академии⁸⁸. Комитет считал, что Венелин "не глубоко вникнул в язык", не предоставил "основательных и точных сведений" о языке. Особое недоверие вызвало утверждение об отсутствии падежей в болгарском языке и описание Венелиным системы глагольного спряжения: "нужно бы поверить, справедливо ли, что болгаре не имеют падежей..., чтобы глаголы болгарского языка по формам прошедшего времени могли быть разделены на пять спряжений..."⁸⁹ и пр. Неблагоприятное впечатление на членов комитета произвели

также небрежность в языке, неясность мысли при теоретических построениях, попытки использовать им же самим придуманные неологизмы (“фразеография”, “речесочинение”, “оборотопись” и пр.), масса грамматических ошибок. Комитет пришел к выводу, что “сочинитель очень сбивчиво изложил болгарскую грамматику и особенно состав глаголов” и потому, “к сожалению, не может одобрить сочинения г. Венелина, полагая, что гораздо полезнее было бы, если бы сочинитель составил небольшую болгарскую хрестоматию, присовокупив словарь...”⁹⁰ Как справедливо замечает Г. К. Венедиктов, “данный отзыв закрыл дорогу труду Венелина к изданию”⁹¹.

На отрицательное отношение Российской академии к “Грамматике” повлияло и одновременное рассмотрение Комитетом другой работы Венелина – “О словопроизводстве личных имен у западных и восточных славян вообще, и в особенности у славянизма гуннских (филолого-критические объяснения)”⁹², которую он предлагал сделать введением в грамматику болгарского языка и которая была опубликована полностью позднее (1889 г.)⁹³. Тема этой статьи – славянизм гуннских имен – неоднократно затрагивалась в письмах Венелина, а также в его книге “Древние и нынешние болгары...” Доказательство славянского происхождения гуннских имен Венелин считал важнейшим аргументом своей теории происхождения и расселения болгар. Поэтому одной из задач своего путешествия Венелин ставил проверку этого основополагающего утверждения. В своих письмах он неоднократно подчеркивал: “В историко-критическом отношении я достиг своей цели: поверил мои предположения с народом, и эти предположения теперь суть решительные положения или истины. Россизм болгарского племени ясен и явен. Замечательно еще и то, что многие даже мелочи, которые я изложил хотя довольно вероятным образом, но все-таки без проверки предположительным: так напр[имер] объяснение имен Аттилы, Бояна, Гордана... Эти имена и теперь еще во всенародном употреблении у болгар в двойном виде, в целом и в уменьшительном. Сей последний охотнее, как и везде, употреблялся простым народом: и вместо *Тилан, Боян, Гордан* говорят *Тильо, Тиля, Бойо, Боя, Гърде*; ...кажется, решительно нельзя сомневаться в болгаризме, или лучше сказать, россизме Аттилы и его гуннов, тем более, что все названия его родни и названия других так называемых гуннов его времени почти буквально находятся в болгарских грамотах Валахии”⁹⁴.

Рассматривательный комитет справедливо нашел неубедительными сближения по созвучию болгарских и гуннских имен (*Телан – Тилан – Тильо – Атилла; Крека – Крика* и пр.), отметил отсутствие критического подхода к материалу и фантастичность выводов. Комитет имел основания сомневаться в компетентности Венелина в болгарской грамматике⁹⁵, однако, за отсутствием специалистов по болгарскому языку, он не смог разобраться в достоинствах работы (комитет состоял из М. Е. Лобанова, В. И. Панаева, Б. М. Федорова и Востокова). Мнение крупного ученого, ведущего русского слависта Востокова специально оговаривалось в отзыве: “г. Востоков, находившийся в собраниях комитета, при рассмотрении болгарской грамматики, совершенно согласился с мнением членов; касательно же прежнего своего заключения о труде г. Венелина отозвался, что как болгарская грамматика есть первый опыт по сей части, то он и не хотел сперва строго судить ее, и хотя в представленном от себя мнении, указал на некоторые ее погрешности, однако за всем тем полагал полезным напечатание этой книги, как содержащей в себе материалы для изучающих языки славянские. Ныне же, когда другие члены комитета вменили себе в обязанность подвергнуть книгу сию подробнейшему рассмотрению, соглашается и он с их мнением насчет всех замеченных в этом сочинении недостатков и несообразностей”⁹⁶. Востоков, занимавшийся изучением древнеболгарского языка, знавший многие славянские языки, лучше других мог понять слабости и достоинства труда Венелина. Однако на этот раз он не счел возможным поддержать Венелина.

Несмотря на серьезные недостатки “Грамматики” (среди них попытки возродить старые падежные формы, утраченные новоболгарским языком, отбросить членную форму и пр.), она давала представление о болгарском языке и его сложной грамматической структуре⁹⁷. К тому же у Венелина не было предшественников: первая грамматика болгарского языка Неофита Рильского появилась лишь в 1835 г., а в руки Венелина она попала в 1837 г. Таким образом, можно сказать, что Венелин положил начало научной разработке новоболгарского языка в России. Его материалы были использованы в очерке Бессонова “Главные вопросы языка новоболгарского”, ставшем новым систематическим описанием грамматики болгарского языка в России (1855 г.). Как пишет С. Б. Бернштейн, “после издания труда Бессонова вопрос о необходимости издания грамматики Венелина окончательно решен

был в отрицательном смысле. На длительный период грамматика Бессонова остается у нас единственным пособием по изучению болгарского языка"⁹⁹.

4. Задачу составления словаря болгарского языка Венелину не удалось осуществить. После неудачи с "Грамматикой", задержкой публикации Академией валашских грамот Венелин, вероятно, не имел ни сил, ни средства для этой работы. Много времени отнимала у него подготовка 2-го тома истории болгар¹⁰⁰.

В заключение нужно сказать несколько слов и о брошюре Венелина "О зародыше новой болгарской литературы" (1837 г.)¹⁰¹, написанной в значительной степени под влиянием путешествия и укреплявшихся связей с болгарами. Если в 1829 г. во "Введении" к 1 т. "Древних и нынешних болгар..." он пишет, что "о болгарской литературе нечего и говорить, ибо она еще не возродилась"¹⁰², а из книг упоминает лишь "Рыбный букварь" П. Берона, то в этой брошюре он называет имена многих болгарских писателей и просветителей: Неофита Рильского, А. Кипиловского, К. Огняновича, Г. Крыстевича, Э. Васкидовича, Н. Хилендарского, Хр. П. Дупничанна, Р. Поповича. Коротко сообщая о своем путешествии в Болгарию, он высказывает ряд соображений относительно некоторых спорных вопросов формирования нового болгарского литературного языка, правописания и произношения. Здесь же Венелин пишет о своей работе над грамматикой болгарского языка, подчеркивая ее не учебную, а научную направленность в отличие от грамматики Неофита Рильского, а также стремление показать особенности живого народного языка¹⁰³. Эта брошюра дважды в середине XIX в. издавалась в Болгарии. Мысли, изложенные в ней, оказали влияние, хотя и кратковременное, на формирование норм болгарского литературного языка начального периода, оживили интерес к проблемам родного языка среди самих болгар. Этот факт отмечается в работах ряда болгарских ученых (В. Златарский, Д. Ангелов, А. Тодоров-Балан и др.).

Таким образом, путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию способствовало расширению и углублению его знаний об этой стране и дало конкретные результаты. Кроме этнографических и лингвистических, им было собрано большое число историко-географических и статистических материалов. Его убежденность в правильности выдвинутой им концепции происхождения болгар в результате этой поездки еще более окрепла. Это нашло развитие в его последующих

опубликованных и неопубликованных работах. Несмотря на несостоятельность ряда его исторических и лингвистических построений, вся деятельность Венелина на благо болгарского Возрождения послужила новым толчком для разработки болгаристической проблематики. Венелин прокладывал новые (хотя и не бесспорные) пути в изучении болгарской истории, языка, фольклора, поэтому его с полным правом можно назвать зачинателем болгаристики в России. Результаты научного путешествия Венелина далеко вышли за рамки первоначальной программы, перешагнули границы только русской науки и стали достоянием зарождающейся болгарской науки; его деятельность оказала благотворное влияние на развитие самосознания болгар, пионеров болгарского Возрождения. Как писал в своем очерке о Венелине Бессонов, первым обратившийся к описанию его путешествия, "все, чем только знаменуется возрождение болгарского просвещения, все то стоит в прямой или посредственной связи с именем Венелина..."¹⁰⁴ Бессонов выражал сожаление, что до сих пор (его очерк был написан в 1854 г.) не издан дневник, переписка и другие документы, касающиеся поездки Венелина. Можно надеяться, что это справедливое пожелание ученого, наконец, осуществится.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1/ Подробнее см.: *Достян И.С.* Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // *Българското Възраждане и Русия*. София, 1981, с. 193–210.
- 2/ *Караджич В.С.* Додатак к Санктпетербургским сравнительным реченицима свију језика и нарјечија, с особитим огледама бугарског језика. У Бечу, 1822.
- 3/ *Венедиктов Г.К.* Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски учени // *Българското Възраждане и Русия*. София, 1981, с. 212–235.
- 4/ *Венелин Ю.* Замечания на сочинения г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч. // *Московский вестник*. М., 1828, ч. X, № 15, с. 256–278; № 16, с. 373–392; ч. XI, № 17, с. 160–175.
- 5/ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам, т. I. М., 1829.
- 6/ *Байцура Т.* Юрій Іванович Венелін. Братіслава, 1968, с. 63–64.
- 7/ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 2. Спб., 1889, с. 200–201.

- 8/ Барсуков Н.П. Указ. соч., т. 3. СПб., 1890, с. 107.
- 9/ Там же, с. 108.
- 10/ Бессонов П.А. Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию. М., 1857.
- 11/ Байцура Т. Указ. соч., с. 86–147.
- 12/ Письмо Ю. И. Венелина в Российскую академию. Сентябрь, 1829 г. // ПФ ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 34, л. 444.
- 13/ Путешествие по Болгарии, Валахии и Молдавии... // ПФ ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 34, л. 446–447.
- 14/ Записки заседаний Российской академии // Там же, л. 107–110 об.
- 15/ Проект записки в протокол заседаний Российской академии от 28. 9. 1829 г. – Там же, л. 448; письмо А. С. Шишкова К. А. Ливену от 6. 11. 1829 г. – Там же, ф. 101, оп. 1, ед. хр. 115, л. 5–6 об.
- 16/ Проект записки... – Там же, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 34, л. 448.
- 17/ Официальное письмо из Министерства народного просвещения А. С. Шишкову от 17. 12. 1829 г. // ПФ ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 34, л. 556–556 об.
- 18/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 12. 2. 1830 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, оп. 48, ед. хр. 17, л. 6–7.
- 19/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 10. 2. 1830 г. // Там же, ед. хр. 18, л. 4–5.
- 20/ Венелин Ю.И. Проект. – ОР РГБ, ф. 49, п. 5, ед. хр. 148, л. 2–4.
- 21/ Инструкция данная Императорскою Российскою Академиею г-ну лекарю Юрию Венелину, отправляемому, с Высочайшего соизволения, на издвигении оной Академии в филологическо-археологическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по Турецким областям Булгарии и частию Румелии. // ПФ ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 35, л. 239–244. На инструкции помета – 22 февраля 1830 г.
- 22/ Инструкция..., л. 239–239 об.
- 23/ Хазин М. У истоков Болгарского Возрождения // Кодры (Кишинев), 1982, № 8, с. 143. См. также: Венедиктов Г.К. К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности // Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985, с. 27–29.
- 24/ Потемалов С.Г. Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.-Л., 1963, с. 5–22.
- 25/ Инструкция... – ПФ ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 35, л. 242.
- 26/ Хазин М. Указ. соч., с. 143.

- 27/ Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву со введением и историко-литературными объяснениями Н. П. Барсукова. 1829–1833 гг. // Русский архив, 1882, № 5–6, с. 145.
- 28/ Инструкция... – ПФ ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 35, л. 243.
- 29/ Там же, л. 241 об. – 242.
- 30/ См. сноску № 21.
- 31/ Письмо Венелина П. И. Соколову от 7. 3. 1830 г. // ПФ ААН, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 7, л. 1.
- 32/ Венелин Ю.И. Путевые записки // ОР РГБ, ф. 49, п. 5, ед. хр. 139а, л. 2.
- 33/ Бессонов П.А. Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина..., с. 2.
- 34/ Венелин Ю.И. Путевые записки, л. 7.
- 35/ Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву..., с. 162.
- 36/ Литературные новости // Московский вестник, 1830, ч. II, № 8, с. 390–397.
- 37/ Бычков А.Ф. Виктор Григорьевич Тепляков (1804–1842). Биографический очерк // Исторический вестник. Год 8, июль, 1887, т. 29, с. 5–23.
- 38/ Тепляков В.Г. Письма из Болгарии (Писаны во время кампании 1829 года). М., 1833.
- 39/ Венелин Ю.И. Путевые записки, л. 9 об.
- 40/ Бычков А. Ф. Указ.соч., с. 9.
- 41/ Тепляков Н. Г. Указ.соч., с. 206–207.
- 42/ Бессонов П.А. Указ.соч., с. 5.
- 43/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 16. 6. 1830 г. // ОР РГБ, ф. 231, П, п. 48, ед. хр. 17, л. 21–21 об.
- 44/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 26. 6. 1830 г. // Там же, л. 23.
- 45/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 20. 8. 1830 г. // Там же, л. 26 об.
- 46/ Там же, л. 26.
- 47/ Бессонов П. А. Указ.соч., с. 12.
- 48/ Венелин Ю.И. О характере народных песен у славян задунайских. I. Сербские. М., 1835, с. 96–97, 99.
- 49/ Венелин Ю.И. Путевые записки, л. 3.
- 50/ Там же, л. 4.
- 51/ Ангелов Б. Писма на Ю. Ив. Венелин до М. П. Погодин // Векове, София, 1984, № 3, с. 88–92.
- 52/ Письмо Венелина П. Куницкому (черновик, 6 д.) // ОР РГБ, ф. 197, п. 107, ед. хр. 11, л. 1.

- 53/ Венелин Ю.И. Дневник и путевые записки 1829–1830, 1833. –ОР РГБ, ф. 49, п. 5, ед. хр. 136, 137, 139а–б.
- 54/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 30. 10. 1830 г. – ОР РГБ, ф. 231/II, п. 48, ед. хр. 17, л.31–31 об.; см. также: *Байцура Т.* Указ. соч., с. 112–113.
- 55/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 30. 10. 1830 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, п. 48, ед. хр. 17, л. 32.
- 56/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 5. 1. 1831 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, п. 50, ед. хр. 9, л. 7.
- 57/ Венелин Ю.И. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 5–6, 20–21.
- 58/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 3. 3. 1831 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, п. 50, ед. хр. 9.
- 59/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 3. 5. 1831 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, п. 50, ед. хр. 9, л. 9.
- 60/ *Байцура Т.* Указ. соч., с. 112.
- 61/ Инструкция..., л. 244.
- 62/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 16. 10. 1831 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, п. 50, ед. хр. 9, л. 15.
- 63/ Письма А. Ф. Воейкова и Ю. И. Венелина к А. А. Краевскому. Спб., 1894, с. 37–39, 43–44.
- 64/ Письмо Венелина М. П. Погодину от 30. 10. 1830 г. // ОР РГБ, ф. 231/II, п. 48, ед. хр. 17, л. 32.
- 65/ Две писма от Юрий Ивановича Венелина до Василия Априлов // Сборник за народни умотворения, София, 1889, кн. I, с. 177.
- 66/ Там же, с. 180–183; 185, 187.
- 67/ *Хазин М.* Указ. соч., с. 143–146.
- 68/ Две писма..., с. 181.
- 69/ *Бернштейн С.Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I. М.-Л., 1948, с. 22-23.
- 70/ Венелин Ю.И. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. Спб., 1840, с. VII; Письмо П. И. Соколова Ю. И. Венелицу от 23. 3. 1833 г. // ОР РГБ, ф. 49, п. 5, ед. хр. 150, л. 6.
- 71/ Письмо А. Х. Востокова в Российскую академию от 18. 5. 1835 г. // ПФ ААН, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 36, л. 1.
- 72/ *Бернштейн С.Б.* Указ. соч., с. 23–24.
- 73/ Письмо Венелина П. И. Соколову, 6/д. // ОР РГБ, ф. 49, п. 5, ед. хр. 148, л. 15–15 об. См. также: *Ангелов Б.Ст.* Из архива на Юрий Иванович Венелин // Известия на държавните архиви, София, 1966, кн. 11, с. 180–188.

- 74/ *Хазин М.* Указ.соч., с. 144.
- 75/ *Демина Е.И.* Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии // Балканские исследования. Вып.5. М., 1979, с. 249–250.
- 76/ *Венедиктов Г. К.* К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности, с. 25–44.
- 77/ *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в., ч. 2. Исследование и текст. София, 1971, с. 9–10.
- 78/ Письмо Венелина А. С. Шишкову, черновое. 1834 г., февраль. ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 2, л. 4.
- 79/ *Венедиктов Г. К.* К начальной истории..., с. 41.
- 80/ Болгарские грамоты, собранные, переведенные на русский язык и объясненные В. Априловым. Одесса, 1845, с. VII–VIII.
- 81/ *Венедиктов Г. К.* Первые отзывы о "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю. И. Венелина // Исследования по историкографии славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 183–186.
- 82/ Там же, с. 178–182.
- 83/ Там же, с. 180.
- 84/ Там же, с. 186.
- 85/ Отзыв А. Х. Востокова о "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю. И. Венелина хранится в: ОР РГБ, ф. 49, п. 1, ед. хр. 5; здесь цит. по кн.: *Венедиктов Г. К.* Българистични студии. София, 1990, с. 163.
- 86/ *Венедиктов Г.К.* Българистични студии, с. 166.
- 87/ Выписка из журнала Императорской Российской Академии, в субботу 11 января 1836 года. Статья 4. – ПФ ААН, ф. 8, оп. 3, ед. хр. 105, л. 2об.
88. *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. 8, Спб., 1887. с. 423.
- 89/ Там же, с. 298.
- 90/ Там же, с. 306.
- 91/ *Венедиктов Г.К.* Первые отзывы о "Грамматике нынешнего болгарского наречия...", с. 188.
- 92/ *Сухомлинов М.И.* Указ.соч., с. 307–310, 424.
- 93/ *Венелин Ю.И.* Критическое разложение всех имен Атиллина семейства и прочих, так называемых, гуниских его вельмож, о которых упоминает Приск в своих путевых записках. М., 1889.
- 94/ Письмо Венелина П. Куницкому..., л. 1.
- 95/ *Сухомлинов М. И.* Указ, соч., с. 310.
- 96/ Там же, с. 307.
- 97/ *Лунина М. В.* Грамматика нынешнего болгарского наречия Венелина // Славянская филология. М., 1951, с. 108–123.

- 98/ *Бессонов П.А.* Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катраиова и других болгар. Вып. 1, М., 1855, с. 1–165.
- 99/ *Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания (М.), 1957, вып. 2, с. 132.
- 100/ *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние словены в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841. См. также: Письмо Венелина А. А. Краевскому от 24. 2. 1839 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1891 год. Спб., 1894, с. 46–48.
- 101/ *Венелин Ю.И.* О зародыше новой болгарской литературы // Московский наблюдатель, 1837, № 9, с. 47–95. Отд. отт.: М., 1838.
- 102/ *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгаре..., с. 16.
- 103/ *Венелин Ю.И.* О зародыше новой болгарской литературы..., с. 23–25.
- 104/ *Бессонов П.А.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина..., с. 37.

**ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ВЕНЕЛИН (1802-1839):
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ
за 1828-1994 гг.**

Указатель включает литературу, опубликованную в нашей стране и за рубежом в 1828-1994 гг. и состоит из двух частей.

В первую вошли известные составителю опубликованные работы ученого: книги, статьи, письма, документы и т. п. Они представлены в хронологическом порядке публикации без учета языкового и географического принципов.

Вторую часть составила литература о Ю. Венелине. Она дана в алфавитном порядке авторов или названий (если автор публикации неизвестен) также без учета языка и географии. В конце второй части помещено несколько названий на латинице.

подавляющее большинство представленных в указателе работ просмотрены *de visu*. Знаком (*) отмечены работы, которые из-за труднодоступности посмотреть не удалось.

При составлении были использованы различные справочные издания, среди которых в первую очередь необходимо назвать библиографию Т. Байцуры в ее книге о Ю. Венелине, указатель М. Велевой в статье "Юрий Иванович Венелин в българската историография", и, конечно, изданный Ужгородским университетом указатель "Юрий Иванович Венелин-Гуца (1802-1839)". Хочу отметить, что мною сознательно не продублирована его структура и не включены в настоящий указатель целый ряд публикаций. В первую очередь это относится к краеведческой литературе, представленной ужгородцами весьма тщательно, но не всегда, на мой взгляд, отвечающей напрямую тематике указателя, энциклопедическим изданиям широкого профиля, юбилейной периодике и т. п. Не включен также целый ряд работ, в которых имя ученого лишь упоминается.

Рецензии на работы Ю. Венелина и исследователей его жизненного пути и творчества даются после рецензируемых работ и отдельным номером не отмечаются.

Заранее приношу извинения пользователям, если они обнаружат в данном указателе лакуны: ретроспективный биобиблиографический указатель такого хронологического и географического

диапазона составить без упущений почти невозможно. Особенно это относится к литературе начала 1990-х гг., когда значительно нарушились научные зарубежные контакты, а вместе с ними и научный книгообмен.

Часть I.

Библиография опубликованных работ Ю. И. Венелина.

1. Замечания на сочинения г-на Яковенки о Молдавии и Валахии и проч.: Письмо первое к Издателю Московского Вестника // Моск. вестник – М.: 1828 – Ч. 10, № 15 – С. 256–278.

Аннотацию см. под № 2.

2. Замечания на сочинения г-на Яковенка о Молдавии и Валахии и проч.: Письмо второе к Издателю Московского Вестника // Моск. вестник. – М.: 1828 – Ч. 10, № 16 – С. 373–392; Ч. 11, № 17. – С. 160–174.

Рецензионная статья по поводу книги: *Яковенко И.* Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии, Валахии и Российской Бессарабской области. – Спб., 1829.

Рец. на "Замечания": *Руссов С.* Взгляд на Историю трех княжеств: Валахии, Молдавии и Бессарабии с II-го по XIII столетие // Отечественные записки – Спб.: 1828 – Ч. 36, кн. 102, октябрь – С. 90–115.

О рец. Ю. Венелина на книгу И. Яковенко см.: Московский телеграф. – М.: 1828. – ч. 24, № 21, нояб. – Русская лит-ра. – С. 85–86.

3. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания... – М.: 1829 – Т. I. VIII, 259 с.

Рецензии и др. материалы о книге:

– Литературные новости // Моск. вестник – М.: 1828 – Ч. XII, № 23/24 – С. 23–24.

Информация о том, что "Венелин кончил первую часть своих исследований о болгарях". Излагается содержание работы.

– Н. П. [Полевой] Древние и нынешние болгаре... // Московский телеграф – М.: 1829 – № 16, август – С. 485–486.

– "На сих днях отпечатанные" // Московские ведомости – М.: 1829 – 11 сент. – № 73 – С. 3404.

Информация о выходе книги.

- Голос за правду // Галатея - М.:1829 - Ч. 8, № 38 - С. 97-100.
[Подпись: вь.-]
- К издателю Галатеи //Галатея - М.:1829 - Ч. 8, № 40 - С. 217-218. [Подпись: вь.]
- Об издании книги.
- М. П. [Погодин] От издателя //Моск. вестник - М.: 1829 - Ч. 4 - С. 164-167.
- Н. Полевой. К читателям Телеграфа //Московский телеграф - М.: 1829 - № 17, сент. - С. 145-150.
- Н. Полевой. М. П. Погодину //Моск. телеграф - М.:1829 - № 19, окт. - С. 396-400.
- М. П. [Погодин] //Московский вестник на 1829 год - М.: 1830 - Ч. 6 - С. 129-146.
- К. [Калайдович] Нечто о книге: Древние и нынешние болгаре // Московский вестник на 1829 год - М.: 1830 - Ч. 6 - С. 146-151.
- [Кубарев А.М.] //Атеней - М.:1829 - Ч. 4, № 19, окт. - С. 104-122. [Подпись: -ъ]
- Бичурин И. Критические замечания на 1-й том книги... //Литературная газета - Спб., 1830 - Т. I, № 6 - 26 янв. - С. 44-47.
- [Каченовский М. Т.] Древние и нынешние болгаре... //Вестник Европы - М.: 1830 - Янв.-февр. - С. 74-76 (смесь).
- М. П. [Погодин] Первые опыты г-на Каченовского... //Моск. вестник - М.:1830 - Ч. I, № 3, смесь - С. 318-321.

4. О библиографическом искусстве Телеграфа и о учености издателя оного: Посвящается клеветам Моск. Телеграфа //Галатея - М.:1829 - Ч. 8, № 41 - С. 254-284; Ч. 9, № 42 - С. 29-57.

Критические замечания на выступления Н. Полевого в "Московском телеграфе" по поводу книги "Древние и нынешние болгаре" Ю. Венелина.

5. [Рец.] //Моск. вестник - М.:1829 - Ч. 6 - С. 85-89.

Рец. на кн.: Экоменид К. Опыт о ближайшем сродстве языка славяно-русского с греческим: в 3-х томах - Спб.: 1828.

6. [Рец.] //Московский вестник на 1829 год - М.: 1830 - Ч. 6 - С. 17-36.

Рец. на кн.: Розенкамф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде - М.:1829.

7. [Рец.] //Молва - М.:1832 - Ч. 4, № 85 - 31 окт. - С. 337-339.

Рец. на кн.: Сказание како состави святыи Кирилл Философ азбуку по языку словенскому и книги преводе от греческих на словенский язык – М.: 1832 – 30 с.

8. Старый долг, или запоздалая антикритика //Телескоп – М.: 1832 – Ч. 10, № 15 – С. 394–412.

Ответ на рец. К. Калайдовича на книгу “Древние и нынешние болгары”.

9. Письмо к издателю //Телескоп – М.:1834 – № 12, “Молва” – С. 186–190.

По поводу опубликованной в “Телескопе” [1834, № 11, с. 125–144] первой части работы “О пользе изучения российской истории в связи со всеобщее”.

10. [Рец.] //Телескоп – М.:1834 – № 21, “Молва” – С. 316–322.

Рец. на кн.: *Киров Н.* Краткая всеобщая история от потопа до наших времен, изложенная по новому плану... – М.: 1834 – Ч. 1. – 259 с.

11. [Рец.] //Телескоп – М.: 1834 – Ч. 22, № 33, Критика – С. 430–444; № 34, Критика – С. 506–526; № 35, Критика – С. 555–578.

Рец. на кн.: Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. – М.:1834 – Ч. 1 – 180 с.

12. Об источнике народной поэзии и о южнорусской в особенности – М.: 1834 – 60 с.

13. О характере народных песен у славян задунайских //Телескоп – М.: 1835 – Ч. 27, № 9 – С. 3–33; № 10 – С. 149–183; № 11 – С. 275–326.

Отдельное издание: О характере народных песен у славян задунайских. I. Сербские. Осман Шеович. Женитьба Павла Плеткомы – М.:1835 – 117 с.

Рецензии:

–В. Б. [Белинский] //Молва – 1836 – Ч. II, № 1, Библиография – С. 31–37. См. также: *Белинский В. Г.* Собрание сочинений – М.:1976 – Т. I – С. 455–458.

-Литературная летопись //Библиотека для чтения - Спб.: 1836 - Т. 16, отдел VI - С. 41-44.

14. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах //Московский наблюдатель - М.:1836 - Ч. 8, кн. 2, авг. - С. 488-525; Ч. 9, кн. 1, окт. - С. 269-307; Ч. 9, кн. 2, окт. - С. 395-426.

Отдельное издание: М.: 1836; М.: 1842 - 114 с.

Рецензии:

-//Сын отечества - Спб.:1842 - № 7, Критика - С. 19-40.

-Соловьев С. //Москвитянин - М.: 1842 - Ч. 4, № 8 - С. 396-399.

-Морошкин Ф. //Маяк - Спб.: 1842 - Т. 6, кн. 12, критика - С. 81-115.

-П. Б. Разбор новых толков о древностях России //Сын отечества - М.: 1838 - Т. 5, Отд. III. - С. 47-76. О работе Ю. Венелина см. с. 66-72.

15. Отрывок из II тома истории десятилетней войны Южной Руси с поляками 1651 г. //Журнал Министерства народного просвещения - Спб.: 1836 - Ч. II, № 7, Отд. II - С. 125-148.

16. О зародыше новой болгарской литературы //Московский наблюдатель - М.: 1837 - Ч. 14, кн. 1, сент. - С. 47-95. Отдельное издание: М.: 1838.

Рецензии:

-//Библиотека для чтения - Спб.: 1838 - Т. 29, Литературная летопись - С. 36-37.

-//Современник - Спб.: 1838 - Т. II, Разбор новых книг. - С. 56-57.

17. Принятие христианства славянскими народами до Кирилла и Мефодия //Отечественные записки - Спб.: 1839 - Т. 2, № 2, Науки - С. 1-20.

Рецензии:

-Летопись русских журналов за 1839 год //Сын отечества - Т. 7. Янв.- февр., Критика. - С. 85-86.

18. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным - Спб.: 1840 - /3/, XVI, 359 с., порт.

Рецензии:

-//Отечественные записки - Спб.: 1840 - Т. 3, № 11, Библиографическая хроника - С. 18.

-//Отечественные записки - Спб.: 1840 - Т. 13, Критика - С. 23-47. Там же в разделе "Библиографическая хроника" рекомендация очерка Ф.Морошкина "О сочинениях Ю. И. Венелина..." (с.48).

19. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания... - М.: 1841 - Т. 2 - I-II, 1-241, 1-7 с.

Из содержания: *М. Погодин* - С. I-II; *Ю. И. Венелин*. Нынешние словене - с. 1-241; Имена почтенных ревнителей болгарской славы, благоволивших подписаться на 2-й том исследований г-на Венелина и содействовавших его изданию - с. 1-7.

Рецензии:

-//Отечественные записки - Спб.: 1841 - Т. 18, Библиографическая хроника - С. 19.

-//Библиотека для чтения - Спб.: 1841 - Т. 48, Литературная летопись - С. 31-32.

-*Морошкин Ф.* //Маяк - Спб.: 1842 - Т. 6, кн. 12, критика - С. 81-115.

20. Заради возрождение новой болгарской словесности или науки. Сочинение или книжица рускаго историописателя Венелина. Москва, 1838: Превел губернский секретар М.Кифалов, Тетевенец. С притуряние няколко песней и истории заради полуславяне и румуне (молдо-власи) и некоиx достопамятств и мудриx изречений. - Букурещ, напечатана у Й. Копайнича сос букви Питаря К. Пенковича, 1842 - 8, 6, 2, 190 с.

Из содержания: Заради возрождение новой болгарской литературы: Преводът е придружен с много литературно-исторически други бележки от преводача, с.1-140.

Перевод, см. № 16.

21. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания - М.: 1841 - Т. 2 - С. 79, 326, 8, 7 + 1 карт.

Из содержания: *И. Молнар*. Предисловие, с. I-II; Оглавление, с. III-IV; *И. Молнар*. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина, с. 5-79; *Ю. И. Венелин*. Нынешние словене, с. 1-326; Список

рукописным сочинениям Ю. И. Венелина, с. 3-4; Исправления, с. 5-8; Имена почтенных ревнителей болгарской славы, благоволивших подписаться на 2-й том исследований г-на Венелина и содействовавших его изданию, с. 1-7; Посвящение И. С. Орлаю. Портрет Ю. Венелина.

Предисловие датировано 10 июня, а очерк И. Молнара – 23 апреля 1846 г.

Рецензии:

-//Отечественные записки – Спб.: 1847 – Т. 52, Библиографическая хроника – С. 89.

22. Окружные жители Балтийского моря. А. Леты //Чтения Общества истории и древностей российских – М.:1846, год 2 – № 4/8/, Смесь – С. 1-50.

23. Окружные жители Балтийского моря. Б. Славяне //Чтения Общества истории и древностей российских – М.:1847, год 2 – № 5/9/, Смесь – С. 75-94.

Рецензия:

-К. К[авелин]-н //Современник – Спб.: 1847 – № 3, Критика и библиография – С. 37-38.

24. О соляном озере Halmyris /Rassein, Ramsin//Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 2 – № 6/10/, Исследования – С. 19-46.

Оттиск вошел в конволют (см. № 34).

Рецензия:

-К. К[авелин]-н //Современник – Спб.: 1847 – № 5, Критика и библиография – С. 18-19.

25. Мысли об истории вообще и русской в частности //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 2 – 8/12/, Исследования – С. 31-50.

Оттиск вошел в конволют (см. № 33).

Рецензии:

-[Кавелин К. Д.] //Современник – Спб.: 1847 – № 6, Критика и библиография – С. 75-83.

-//Отечественные записки – Спб.: 1847 – Т. 54, № 10 – С. 85-88.

26. О древних жилищах русского народа //Чтения Общества истории и древностей российских – М.:1847, год 2 – № 9/13/,

Исследования – С. 41–58.

Оттиск вошел в конволют (см. № 34).

Рецензия:

-//Отечественные записки – Спб.:1847 – Т. 54, № 10 – С. 84.

27. О времени рождения названий: греческое, латинское, немецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 2 – № 9/13/, Исследования – С. 59–76.

Оттиск вошел в конволют (см. № 33).

Рецензии:

-//Отечественные записки – Спб.: 1847 – Т. 54, № 10 – С. 84–85.

-К. Кавелин //Современник – Спб.: 1847 - № 8, Критика и библиография – С. 84–86. (Рецензии К. Д. Кавелина, указанные в позициях под №№ 23–25, 27 см. также: Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 1. Монографии по русской истории. – Спб.: 1897 – Стб. 759–858).

28. О слове боярин //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 3 – № 1/14/, Исследования – С. 1–29.

Есть оттиск.

Рецензии:

-Последняя книжка Чтений в Московском обществе истории и древностей российских /Я.С. //Московский городской листок – М.: 1847 – 27 окт. – № 233 – С. 932–933; 28 окт. – № 234 – С. 936–938; 29 окт. – № 235 – С. 941–942.

-О слове "боярин" //Финский вестник – Спб.: 1847 – Т. 23, № 11, Смесь – С. 32.

29. Нечто к изысканиям о готах //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 3 – № 2/15/, Смесь – С. 1–8.

30. Об обрах, их царстве и его пределах //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 3 – № 3/16/, Смесь – С. 1–18.

31. О споре между южанами и северянами на счет их россизма //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1847, год 3 – № 4/17/, Исследования – С. 1–16.

Оттиск вошел в конволют. См. № 37.

32. О нашествии завислянских славян на Русь до рюриковых времен //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1848, год 3 – № 5/18/, Исследования – С. I–II, 1–45.

Есть оттиск.

33. Мысли об истории вообще и русской в частности и о времени рождения названий: греческое, латинское, немецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо – М.: 1847 – 38 с.

Конволют из двух оттисков. См. №№ 25, 27.

34. О соляном озере Halmygis и о древних жилищах русского народа. – М.: 1847 – 28 + 18 с.

Конволют из двух оттисков. См. №№ 24, 26.

35. Окружные жители Балтийского моря, то есть леты и славяне. – М.: 1846 – 76 с.

Конволют из двух оттисков. См. №№ 22, 23.

36. О производстве Маршалов и производстве слова //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1848, год 3 – № 8/21/, Смесь – С. 45–52.

37. О готах; Об обрах; О споре между южанами и северянами на счет их россизма – М.: 1848 – 8 + 18 + 16 с.

Конволют из трех оттисков. См. №№ 29-31.

38. Критические исследования об истории болгар с прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорения Болгарии великим князем русским Святославом. Изданные на иждивение болгарина И. Н. Денкоглу – М.: 1849 – С. I–III, 342, I–VI.

Рецензии:

–//Москвитянин – М.: 1849 – № 22, кн. 2, нояб. Критика и библиография – С. 29–30.

–//Отечественные записки – Спб.: 1850 – Т. 69, № 3/4, Библиографическая критика – С. 45–54.

–[Афанасьев А. Н] //Современник – Спб.: 1850 – Т. 20, № 3, Биб-

лиография – С. 6–14.

39. Критически издирания за историята българска на Ю. И. Венелин. От прихождениета на Българити на Тракийский полуостров до 968 година, или до покорението България от великий княз русский Святослава. Преведе от русский Ботю Петков – Земун: I. К. Сопроновата бръзописна книгопечатница, 1853. – Ч. 1. – 2, 176 с.; Ч. 2. – 4, 204, 16 с.

Перевод, см. № 38.

40. Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. Издал Петр Безсонов // Временник Общества истории и древностей российских – М.: 1855 – Кн. 21, Материалы – С. I-XVIII, 1–136; Кн. 22, Материалы – С. I-XII, 1–148, I-IV, 1–46, I-IV.

Отдельное издание: М.: 1855.

Рецензии:

– // Отечественные записки – Спб.: 1855 – Т. 103, № 12, Библиографическая хроника – С. 67–68.

– // Журнал Министерства народного просвещения – Спб.: 1856 – № 3, Отдел. 6 – С. 99–100.

41. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. Изд. 2-е И. Молнара. – М.: 1856 – 48, 230 с.

Из содержания: П. Безсонов [Вступительная статья без названия] – с. 5–44; И. Молнар. Предисловие – с. 45–48. Посвящение А. С. Норову.

Рецензии:

– Русская литература // Санктпетербургские ведомости – Спб.: 1856 – № 161, 20 июля – С. 895–896.

– "В Москве отпечатан вторым изданием..." / Я. Т. // Русский инвалид – Спб.: 1856 – № 259, 27 нояб. – С. 1102

– [Чернышевский Н. Г.] // Современник – Спб.: 1856 – Т. 10, № 10, Новые книги – С. 78–79. См. также: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений – Т. 16 / доп. / – М.: 1953 – С. 654.

42. О поникванье ново-болгарския письменности: Разсуждение Юр. Венелина. Побългарена Н. Даскаловым Самоковцем – Цариград, 1860 – 53 с.

Перевод см. № 16.

43. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1870 – Кн.4, смесь – С. 1–18.

Есть оттиск.

44. Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву: С предисловием и объяснениями Н. П. Барсукова //Русский архив – М.: 1882 – № 5 – С. 67–126; № 6 – С. 127–202.

Опубликованы две приписки Ю. Венелина: к письмам М. П. Погодина от 26 сент. 1829 г. (с. 113) и 29 апр. 1830 г. (с. 145). Комментарий о выходе книги Ю. Венелина "Древние и нынешние болгаре" см. на с. 105–106.

45. *Мацевич Л.* Письма Юрия Ив. Венелина к А. И. Белюгову //Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества – Спб.: 1885 – № 9 – С. 398–401.

1-е письмо – 1 авг. 1832 г.; 2-е – 4 марта 1833 г.; 3-е – без даты. Публикацию предваряет статья "К биографии Юрия Венелина" – с. 396–398.

46. Критическое разложение всех имен Аттилина семейства и прочих, так называемых гуннских его вельмож, о которых только упоминает Приск в своих путевых записках //Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1889 – Кн. I. Приложение – С. I–IV, 1–30.

Имеется отдельный оттиск.

47. Две письма от Юрия Ивановича Венелина до Василия Априлов //Сборник за народни умотворения, наука и книжнина – С.: 1889, кн. 1 – С. 176–190.

1-е письмо от 27 сент., 2-е – от 9 окт. 1837 г.

В библиографии, составленной М. Велевой (Ч. II, № 43), в скобках указан автор публикации – Косев Р. (см. также № 55).

48.* Отбрани сочинения Венелина, русского историописателя. Москва, 1838 г. Заради возрождение новой болгарской словесности: Прев.: М. Кефалов Тетевенец с приручение няколко песни някоих достопамятств и мудрих изречений. – Русе, 1894 – 40 с.

49. Письма Ю. И. Венелина к А. А. Краевскому // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 год – Спб.: 1894 – Прил. – С. 37–48.

1-е письмо – [1835 г.]; 2-е письмо – 3 янв. 1836 г.; 3-е письмо – 4 марта 1836 г.; 4-е письмо – 24 февр. 1839 г.

Рецензия:

– *Матов Д.* // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина – С.: 1895 – Кн. 12. Книжовен отдел – С. 9–14.

50. Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета имп. Московского университета от 2 мая 1834 г. Ю. И. Венелиным – с замечаниями П. А. Лаврова // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества – М.: 1896 – Т. 2. Материалы – С. 110–124.

"Конспект" – с. 110–121; статья П. А. Лаврова – с. 110–124.

51. *Златарски В.* Юрий Иванович Венелин и значение его для болгарите: по случаю 100-годишнината от рождението му (1802–1902) // Летопис на Българското книжовно дружество в София. – С.: 1903 – Т. 3, 1901–1902 – С. 90–139. (Притурка към "Периодическо списание", кн. 63).

В приложении: Писмата на Юрий Ив. Венелин до Василий Априлов, с. 140–156 (Два письма от 29 сент. и 9 окт. 1837 г.); *Г. Ф. Пешаков.* Ода на Юрия Ив. Венелина, с. 157–158; Рыдание на смъртта Ю. И. Венелина, с. 158–160.

52. Из бумаг Ю. И. Венелина // *Свенцицкий И. С.* Материалы по истории возрождения Карпатской Руси: Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-ую половину XIX-го века. – Львов, 1906 – 1. – С. 84–120.

Из содержания: Несколько слов о россиянах венгерских, а также одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви в Венгрии, с. 86–106; Мадыарские слова, взятые из русского языка, с. 107–108; Об украинском правописании, с. 109–110; Карпато-русские пословицы, с. 110–119; О песенлюбии славян закарпатских, с. 119–120.

53. *Цявловский М.* Пушкин по документам архива М. П. Погодина // Литературное наследство – М.: 1934 – Т. 16/18 – С. 678–724.

Публикация фрагментов писем Ю. Венелина к М. П. Погодину: 22 и 29 янв., 12 и 14 февр., 28 мая, 16 июня, 2 нояб. 1830 г. – с. 706–708; 5 янв. 1831 г. – с. 710.

54.* Избрани съчинения: Под ред. и превод П. Динеков – Пловдив, 1938 – 137 с.

Рецензия:

–А. Б[урмов]. // Отец Паисий – С.: 1938 – № 8 – С. 315–316.

55. Избрани страници: Под ред. на П. Динеков. 2-е доп. изд. – С.: 1942 – 142 с.

Из содержания: Юрий Иванович Венелин. Живот и дело, с. 5–22; Фрагменты работ Ю. И. Венелина: 1. Старите и сегашни българи, с. 23–49; 2. За характера на народните песни у балканските славяни, с. 50–69; 3. За зараждането на новата българска литература, с. 70–78; 4. Влахобългарски грамоти, с. 79–81; 5. Критически изследвания за история на българите, с. 82–105; Две писма до В. Е. Априлов, с. 106–128 (см. № 47).

56. Несколько слов о россиянах венгерских // Пряшевщина: Историко-лит. сб. – Прага, 1948 – С. 175–177.

О переселении русских за Карпаты.

57. *Въжарова Ж.* Извадки из ръкописния дневник на Ю. Венелин: Сведения за старини във Варна, с. Крън и др. // *Въжарова Ж.* Руските учени и българските старини – С.: 1960 – С. 86–87.

Публикация путевого дневника Ю. Венелина: запись от 22 июня 1830 г.

58. *Въжарова Ж.* Извадки из ръкописния дневник на Ю. Венелин: Дава сведения за старини в България: Търново, Силистра, Русе и др. // *Въжарова Ж.* Руските учени и българските старини – С.: 1960 – С. 87–90.

Публикация фрагмента путевого дневника Ю. Венелина: 1830 г.

59. Възрожденски страници: Антология / Под ред. и с предг. на Динеков П. – С.: 1969. – Т.1. – 687 с.

Перевод предисловия и вступительной главы к "Древним и нынешним болгарам" – с. 95–104; письмо В. Априлову от 27 сент. 1837 г. – с. 412–423.

60. Българска възрожденска литература: От Паисий Хилендарски до Добри Войников. Антология. – С.: 1972 – 276 с.

Перевод Вступления к "Древним и нынешним болгарам" и письма В. Априлову от 27 сент. 1837 г.

61. *Тихомирова С.* Под именем Венелина // Дружба. – М.; София, 1982. – № 2. – С. 120–122.

Краткий биографический очерк Ю. Венелина; фрагмент письма генералу И. Н. Инзову, ошибочно датированного августом 1830 г.

62. *Хазин М.* У истоков Болгарского Возрождения: Юрий Венелин и Молдавия // Кодры. – Кишинев; 1982. – № 8. – с. 141–146.

Краткий биографический очерк Ю. Венелина; публикация письма генералу И. Н. Инзову, ошибочно датированного августом 1830 г.

63. *Ангелов Б. С.* Писма на Ю. Ив. Венелин до М. П. Погодин // Векове. – С.: 1984. – № 3. – С. 88–92.

Публикация писем от 20 авг. и 5 окт. 1830 г.

64. *Ангелов Б. С.* Неизвестни писма на Юрий Ив. Венелин // Литературна история. – С.: 1987. – Кн. 15. – С. 71–91.

Публикация шести писем Ю. Венелина секретарю Российской академии наук в Петербурге П. И. Соколову за 1830–1831 гг.

65. *Венедиктов Г. К.* "Хронологическая записка" Ю. И. Венелина о его болгаристических трудах // Славянская филология: К X Международному съезду славистов: Межвузовский сборник – Л.: 1988. – С. 3–14.

Публикация письма Ю. Венелина к неустановленному лицу: конец 1837 г.

66. Автографы современников Пушкина из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: Аннот. кат. / Сост.: *Аснина О. В.* и др. – М.: 1988.

Венелин (наст. фам. Хуца) Юрий Иванович – с. 58–59: факсимиле дарственной надписи Ю. И. Венелина генералу И. Н. Инзову на форзаце книги "Древние и нынешние болгары"; в биографической справке об И. Н. Инзове – фрагмент неопубликованного письма Ю. Венелина генералу И. Н. Инзову.

- 67.* Сочинения Ю. Венелина. [Без указания времени и места издания] (Russica Palacky, 73 B 342, Národní muzeum, Praha).
Информация из книги Т. Байцуры, с. 296 (см. Часть II, № 22).
См. также: Часть II, № 113.

Часть II.

Библиография литературы о Ю. И. Венелине.

1. *Абаджиев А.* Дългът ни към Юрий Венелин // Поглед. – С.: 1987. – № 21, 25 май.
2. *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. – М.: 1958.
О Ю. Венелине – с. 391–394.
3. *Аксаков С.* Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // *Аксаков С.* Семейная хроника и воспоминания. – М.: 1856. – С. 455–516.
Знакомство Ю. Венелина с А. С. Шишковым, с. 512.
4. *Ангелов Б.* Археографски приноси: Кратки вести за стари български ръкописи и книжовници // Помощни исторически дисциплини. – С.: 1979. – Т. 1. – С. 269–283. – Рез. нем.
См.: "Ода в чест Ю. Ив. Венелин" от Георги Пешаков – с. 275–280.
5. *Ангелов Б.* Юрий Ив. Венелин // *Ангелов Б.* Борба за дело-то на Кирил и Методий. – С.: 1969. – С. 47–53.
6. *Ангелов Б. С.* Венелин и нашите възрожденци // Известия на Института за история. – С.: 1967. – Т. 18. – С. 231–244. – Рец. фр.
Также: *Ангелов Б. С.* В зората на българската възрожденска литература. – С.: 1969. – С. 159–178.
7. *Ангелов Б. С.* Из архива на Юрий Иванович Венелин // Известия на държавните архиви – С.: 1966. – № 11. – С. 180–188.
Также: *Ангелов Б. С.* В зората на българската възрожденска литература. – С.: 1969. – С. 178–187.

8.* *Андрух М. А.* Жизнь и деятельность в России закарпатского врача Ю. И. Венелина /Из истории медицинских связей Закарпатья с Россией //Материалы XXI наук. конф. Серия биол. та мед. /МВ і ССО УРСР. Ужгор. держ. ун-т. – К.:1967. – С. 84–86.

9. *Андрушко А. И., Лысый А. К.* Имя Ю. И. Венелина на страницах дореволюционных и советских энциклопедий //Ю.И.Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 58–60.

10. *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. – Одеса, 1841. – Ч. 1. – VI, 146, XXII + 3 табл.

О Ю. Венелине см.: с. 122–127; эпитафия Г. Ф. Пешакова "Рыдание на смертьта Ю. И. Венелина" - с. 60–64; Ода Г. Ф. Пешакова Ю. И. Венелину – с. 93–95; Таблица III – проект памятника.

Рецензия:

–*Соловьев М.* //Москвитянин. – М.: 1842. – Ч. 3, № 5. – С. 132–164. Помещена "Ода Венелину" Г. Пешакова, с. 161–162.

11.* *Априлов В. Е.* Избрани съчинения и писма. – С.: 1926.

О Ю. И. Венелине см.: Две писма на Априлов и Палаузов до Неофита Рилски, с. 55–69. Письма переизданы: Априлов В. Е. Съчинения и писма. – С.: 1939, – С. 29–46.

12. *Априлов В.* Новейшие сведения о болгарях: Письмо к исправляющему должность профессора Одесского лицея Михаилу Александровичу Соловьеву //Сын отечества. – Спб., 1842. –Ч. 4, кн. 8, отд. 5. – С. 23–64.

Глава "О члене в болгарском языке"; грамматика болгарского языка Ю. И. Венелина и судьба его архива, с. 43–46.

Отдельное издание: *Априлов В. Е.* Дополнение к книге: Денница новоболгарского образования. Письмо автора к господину исправляющему должность профессору в Одесском лицее Михаилу Александровичу Соловьеву. – Спб., 1842. – 42 с.

13. *Априлов В.* Съчинения. – С.: 1969.

О Ю.Венелине см.:

I. – Денница на новобългарското образование, с. 21–148. Между сс. 128–129 – проект памятника на могиле Ю. Венелина.

II. – Письма Ю. И. Венелину и М. П. Погодину.

14. *Арnaudов М.* Венелин // *Арnaudов М.* Априлов: живот, дейност, съвременници (1789–1847). – С.: 1935. – С. 49–77.

2-е изд.: *Арnaudов М.* Васил Евстатиев Априлов. Живот, дейност, съвременници (1789–1847). – С.: 1971. – С. 76–110. Текст изменен незначительно.

15. *Арnaudов М.* Венелин и България // *Отец Паисий.* – С.: 1934. – № 10. – С. 214–216.

16. *Арnaudов М.* Георгий Пешаков и Юрий Венелин // *Родна реч.* – С.: 1942. – Год, 16, № 1. – С. 11–16.

17. *Арnaudов М.* Очерця по българския фолклор. – С.: 1934.

О Ю. Венелине: Жизненият път на Венелин; Идеи за история и поезия на южните славяни; Почин за народописно и народоучно проучване на България, с. 80–84.

2-е изд.: С.: 1969. – Т. 1. – С. 152–161. Текст изменен незначительно. Каждый из разделов сопровождается библиографией.

18.* *Арnaudов М.* Преди сто години; За Венелин // *Литературни новини.* – 1929. – № 19.

19.* *Байцура Т.* Борьба Ю. И. Венелина против "норманской" теории происхождения славян // *Дукля.* – Пряшів, 1960. – № 1. – С. 77–82.

20. *Байцура Т.* Место Ю. И. Венелина в развитии славяноведения в первой половине XIX века // *Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. И. Венелина /.* – Ужгород, 1989. – С. 8–9.

21. *Байцура Т.* Место Ю. И. Венелина в развитии славяноведения в первой половине XIX века // *Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції.* – Ужгород, 1992. – С. 16–28.

22. * *Байцура Т.* Некоторые мысли Ю. И. Венелина об истории // *Дукля. – Пряшів, 1960. – № 4. – С. 94–99.*

23. *Байцура Т.* Роль Ю. И. Венелина в истории славяноведения в России // *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. – Братислава, 1971. – С. 166–184.

Список изданных сочинений Ю. И. Венелина, с. 189–191.

Рецензии:

– *Косачевська Е. М.* // *Український історичний журнал* – К.: 1973. – № 2. – С. 145–147.

– **Косачевська Е. М.* // *Записки наукового товариства.* – Пряшів, 1973. – Ч. 3. – С. 123–129.

– *Поп Ю. И.* // *История СССР.* – М.: 1973. – № 3. – С. 204–205.

24. *Байцура Т.* Юрій Іванович Венелін. – Братислава, 1968. – 307 с., ил.

Рецензия:

– *Пальок В., Поп И.* Книга о Ю. И. Венелине // *Советское славяноведение.* – М.: 1973. – № 2. – С. 81–82.

25. *Балабанов М.* Отзив в България по Венелиновите писма // *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.* – С.: 1890. – Кн. 2, Научен отдел. – С. 285–309.

26. *Балан Ал. Т.* Към историята на българския език // *Българският книжовен език и правопис* // *Периодическо списание* – 1890. Кн. XXXII–XXXIII – С. 242–286; Кн. XXXIV – С. 511–542.

Опубликована также: *Балан Ал. Т.* Избрани произведения. – С.: Наука и изкуство, 1987. – С. 45–102.

В том числе, анализ языковедческих взглядов Ю. Венелина.

27. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. – Спб: 1888–1910. – Кн.1–22.

Кн. 2. – 1889.

Гл. XXX. Ю. И. Венелин... – С. 200–206. Знакомство М. Погодина с Ю. Венелиным в 1828 г.

Гл. XLVIII. Погодин печатает на свой счет сочинение Венелина о болгарях. ... Возникшая по поводу книги Венелина полемика. ... – С. 374–389.

Кн. 3. – 1890.

Гл. XIII. Отношение Погодина к Венелину. ... – С.108–113.

Гл. XIV–XIX. Путешествие Венелина по Болгарии, Молдавии и Валахии ... Путьевые письма Венелина к Погодину. – С. 113–157.

Отношения Ю. Венелина с М. Погодиным – с. 205, 241, 265, 267, 363–364; Венелин как наставник К. Аксакова, с. 107–108.

Кн. 4. – 1891.

Отношения Ю. Венелина с М. Погодиным – с. 31, 51, 53–59, 87, 101, 166–169, 250–251, 327.

Кн. 5. – 1892.

Последние дни и кончина Венелина, с. 197–198, 269–272.

28. *Безсонов П.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию //Москвитянин. – М.: 1856. – Т.3, № 10. – С.95–134.

Рецензия:

–//Отечественные записки. – Спб: 1857. – Т. 3, № 4, Критика и библиография. – С.83–85. (Подпись: П. Б-въ).

29. *Безсонов П. А.* Статья предварительная //Венелин Ю. Древние и нынешние болгары... – 2-е изд. – М.: 1856. – С. V–XIV. Название взято из оглавления.

30. *Безсонов П.* Юрий Иванович Венелин //Журнал Министерства народного просвещения. – Спб: 1882. – № 6, Отд. наук. – С. 159–206.

31. *Бендзар Б. П.* К проблеме межлитературных взаимосвязей в свете концепции Ю. И. Венелина //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 122–123.

32. *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР //Вопросы славянского языкознания. – М.: 1957. – № 2. – С. 123–152.

Оценку деятельности Ю. Венелина см. с. 124–125.

33. *Бернштейн С. Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. – М.–Л.: 1948. – Т. 1. Язык валашских

грамот XIV–XV веков.

О работе Ю. Венелина с валашскими грамотами см. с. 22–24.

34. *Бернштейн С. Б., Гудков В. П., Смирнов С. В.* Начало изучения языков западных и южных славян // Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. – М.: 1988. – С. 54–61.

О Ю. Венелине см. с. 58–61.

35. *Билунов Б. Н.* К истории славяноведения в Московском университете (1811–1835) // Из истории университетского славяноведения в СССР. – М.: 1983. – С. 3–33.

О попытке Ю. Венелина занять славянскую кафедру в Московском университете см. с. 22–26.

36. *Биллярский П.* Судьбы церковного языка: Историко-филологические исследования. – Спб.: 1848. – Ч. 2: О кирилловской части Реймского евангелия.

О валашско-болгарских грамотах Ю. Венелина см. параграф 40. Следы болгарского правописания, с. 259–260.

37. *Бобинець С. С.* Антична культура в колі наукових зацікавлень Ю. І. Гуци-Венеліна // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 67–69.

38. *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмен. – М.: 1855. – С. 381, СХV.

О Ю. Венелине см.: Гл. III. История вопроса. Мнения, с. 280–296.

39. *Божук Г. В., Пальок В. В.* Ю. І. Гуца-Венелін у контексті взаємодій східнослов'янських і західнослов'янських культурних паралелей // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 24–26.

40. *Бояджиев П.* Кипиловски и Венелин // Сборник от статии на учредителите Съюз на научн. работници в България, клон Силистра. – Силистра, 1980. – С. 86–95.

41. *Бруханский А. Н.* “Письма из Болгарии” В. Г. Теплякова // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. – М.–Л.: 1963. – С. 312–323.

Знакомство Ю. Венелина с В. Тепляковым; ссылка на неопубликованное письмо Ю. Венелина в архиве Института русской литературы.

42. *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Л.: 1929. – Ч. 1. – 218 с.

Ю. И. Венелин, с. 29–30.

43. *Булахов М. Г.* Венелин // *Булахов М. Г.* “Слово о полку Игореве” в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. – Минск, 1989. – С. 54.

44. *Булахов М. Г.* Венелин Юрий Иванович (Гуца Георгий) // *Булахов М.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. – Минск, 1976. – Т. I. – С. 57–58.

45. *Бутков П.* Оборона летописи русской несторовой от навета скептиков. – Спб.: 1840. (На титульном листе автор не указан. Имя автора – после вступления).

Критика венелинской концепции происхождения славян, см. с. 339–345. Прим. 279.

46. [В Москве съехались вместе...] // Московский вестник. – М.: 1830, ч. 2, № 8. Литерат. новости. – С. 390–393.

Информация о путешествии Ю. Венелина в Болгарию; программа научных работ.

47. В чест на Юрий Венелин // Българистика: Осведомителен бюл. – С.: 1988. – № 3. – С. 64–65.

Открытие мемориальной доски, посвященной Ю. Венелину, в Москве в Свято-Даниловом монастыре 22 мая 1988 г.

48. *Вакарелски Х.* Етнография на България. – С.: 1974.

О Ю. Венелине см. с. 30–32.

49. *Вацуро В. Э.* Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820 – 1840-х годов: этюды и разыскания // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. – Л.: 1976. – Т. 1. – С. 231–272.

В том числе научная деятельность Ю. Венелина на фоне научно-литературного творчества А. Вельмана, В. Теплякова и И. Липранди.

50. *Велева М.* Юрий Иванович Венелин в българската историография // Известия на Българското ист. дружество. – С.: 1984. – Кн. 36. – С. 171–191.

Библиография: Юрий Иванович Венелин. Литература на български език за живота и научного му дело, с. 186–191.

51. * *Велики К.* Руският учен Венелин и българите от Румыния // Изгрев. – 1947. – 12 авг. – № 873; 13 авг. – № 874.

52. *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. – Спб.: 1900. – Т. 1.

Венелин Юрий Иванович, с. 540–541.

53. *Венедиктов Г.* Българистични въпроси в дейността на Юрий Венелин // *Венедиктов Г.* Българистични студии. – С.: 1990 – С. 129–215.

Раздел сборника включва публикуваните по-ранее на руском и българском езиках статии: Към началната история на проучване паметниците на новобългарската книжнина в Русия (см. № 56); Първи отзиви за "Граматиката на сегашното българско наречие" на Ю. И. Венелин (см. № 58); Ю. Венелин и А. Пушкин (см. № 54); "Хронологична бележка" на Ю. И. Венелин за българистичните му трудове (см. ч. I, № 65); Три писма на В. Априлов до Ю. Венелин (см. № 60).

54. *Венедиктов Г. К.* Ю. Венелин и А. Пушкин // Советское славяноведение – М.: 1986. – № 3. – С. 88–92.

55. *Венедиктов Г. К.* За паметника на Юрий Венелин в Москва // Език и литература. – С.: 1988. – № 3. – С. 95–102.

56. *Венедиктов Г. К.* К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности // Ученые записки Тартуского гос. университета. – Тарту, 1985. – Вып. 710 / *Slavica Tartuensia*, I / – С. 25–44.

О Ю. Венелине как зачинателе исследования в России памятников новоболгарской письменности XVII–XVIII вв.

57. *Венедиктов Г. К.* Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина // Ученые записки Тартуского гос. университета. – Тарту, 1983. – Вып. 649: Из истории славяноведения в России. II. Труды по русской и славянской филологии. – С. 30–54.

О попытке Ю. Венелина занять славянскую кафедру в Московском университете.

58. *Венедиктов Г. К.* Первые отзывы о “Грамматике нынешнего болгарского наречия” Ю. И. Венелина // Исследования по истории славяноведения и балканистики. – М.: 1981. – С. 176–191.

59. *Венедиктов Г.* Преоткривателят на българите // АБВ: информационен седмичник за книга. – С.: 1988. – 24 май – № 21. – С. 1, 12.

Интервью о Ю. Венелине.

60. *Венедиктов Г. К.* Три писма на В. Априлов до Ю. Венелин // Исторически преглед. – С.: 1985. – № 9/10. – С. 87–97.

61. *Венедиктов Г. К.* У истоков лингвистической болгаристики в России: Занятия Ю. И. Венелина болгарским языком // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 81–83.

62. *Венедиктов Г. К.* У истоков лингвистической болгаристики в России: Увлечение Ю. И. Венелина болгарским языком // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 227–246.

63. Ю. И. Венелин // Всемирная иллюстрация. – Спб.: 1889. – Т. 41, № 15. – 8 апр. – С. 268–269. Подпись: П. Б-въ.

64. Венелин // Московские ведомости. – М.: 1839. – 20 мая. – № 40. – С. 271. Подпись: /...../
Воспоминания.

65. Венелин (Юрий Иванович) // Справочный энциклопедический словарь. Под ред. А. Старчевского. – СПб.: 1854. – Т. 3. – С. 135.

66. [Ю. И. Венелин оканчивает печатанием...] // Московский наблюдатель. – М.: 1839. – Ч. 1, № 2, Смесь. – с. 44–45.

Информация о том, что Ю. Венелин "оканчивает печатанием вторую часть своих "Исследований о болгарях и других славянских народах".

67. Венелин Юрий Иванович /Г.П. // Большая советская энциклопедия. – М.: 1928. – Т. 10. – С. 135.

68. Венелин /Юрий Хуца/ – славист /И.Л. // Энциклопедический словарь /Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: 1892. – Т. V-a (10). – С. 905–906.

69. Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків: Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – 128 с.

Конференція состоялась в Ужгороді 21–23 марта 1989 г.

70. *Весин С.* Очерки истории русской журналистики // Историческая библиотека – СПб.: 1880. – № 6/7. – С. 322–324.

Споры о научном творчестве Ю. Венелина в журналах 1830-х гг.

71. *Востоков А. Х.* Переписка ... в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. – СПб.: 1873.

О Ю. Венелине см. в письмах М. П. Погодина и П. Й. Шафарика А. Востокову и письмах А. Востокова к П. Шафарику.

72. *Гаджега Ю.* Краткий обзор научной деятельности Юрия Ивановича Венелина (Гуцы): Лекция, читанная 4.XI.1926 г. – Ужгород, 1927. – 44 с.

Издание культурно-просветительного о-ва А. Духновича в Ужгороді.

73. *Гачев Г. Д.* Влияния в условиях ускоренного развития литературы: На материале болгарской литературы первой половины XIX века // Из истории литературных связей XIX века. – М.: 1962. – С. 37–64.

Влияние книги Ю. Венелина "Древние и нынешние болгаре..." на духовное развитие болгарского народа – с. 47–50; на с. 58 – стихотворение Н. Рильского, в котором упоминается "Венелин чудный" (1859 г.).

74. *Георгиев Е.* Юрий Венелин открыватель на "веллук" славянски народ // *Георгиев Е.* Люлка на старата и новата българската писменост. – С.: 1980. – С. 270–277.

75. *Георгиев Е.* Юрий Венелин // *Отечествен фронт.* – С.: 1954. – 30 март.

К 115-ой годовщине со дня смерти Ю. Венелина.

76. *Георгиева Е.* Юрий Иванович Венелин в българската и българоведската филологическа оценка // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 170–174.

77. Глас русса и слоге славенске против писменице, езика и правописа Вуковог. – [Срем, 1869] – 12 с. В конце текста подпись: Слоголюб.

По поводу книги Ю. Венелина "Древние и нынешние болгаре...".

78.* *Гнатюк В.* Кілька причинків до біографії Юрія Гуци-Венеліна: З нагоди століття його уродин // Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. – Рік XI. – 1902. – Т. 48, кн. 3. – С. 4–5.

79. *Головенченко Ф. М.* "Слово о полку Игореве": Историко-литератур. и библиограф. очерк. – М.: 1985. (Ученые записки Московского гос. пед. института им. В. И. Ленина. Кафедра рус. лит-ры, Т. 82, вып. 6).

О Ю. Венелине см. с. 84, 125, 189, 191.

80. *Гольдберг М. Я.* Праці Юрія Венеліна про південнослов'янський фольклор в оцінці В. Г. Белінського та І. Я. Франка

//Тези доповідей V міжвуз. респ. славіст. конф. 25-30 верес. 1962 р. – Ужгород, 1962. – С. 176-178.

81. *Горина Л. В.* Юрий Венелин и рукописное наследие средневековой Болгарии //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 37-39.

82. *Горина Л. В.* Юрий Венелин и рукописное наследие средневековой Болгарии //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 78-83.

83. *Гранчак І. М.* Деякі питання історії західних слов'ян у працях Ю. І. Венеліна //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 22-24.

84.* *Гранчак І. М., Зимоля М. І.* Великий син Верховини //Закарпатська правда. – 1989 – 25 лют.

85. *Гранчак І. М., Зимоля М. І.* Ю. І. Гуца-Венелін – засновник болгаристики в Росії //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 3-15.

86. *Гранчак І. М., Зимоля М. І.* Ю. І. Гуца-Венелін: слово про вченого //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 1-7.

87. *Грек И. Ф.* Ю. И. Венелин, В. Е. Априлов и проблемите на българската национална църква //Исторически преглед – С.: 1990. – Г. 46, кн. 6. – С. 48-57. Рез. рус., англ.

88. Грек И. Ф. Ю. И. Венелин и бессарабские болгары // Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 28–30.

89. Грек И. Ф. Ю. И. Венелин и бессарабские болгары // Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 91–100.

90. Григорович В. И. Обзор славянских литератур: Лекции ... записанные во время чтения А. И. Смирновым // Филологические записки – Воронеж, 1879. – Вып. 3. – Славянский вестник. – С. 54.

О Ю. Венелине и его роли в развитии болгарского возрождения см. с. 9–10, 47–48.

91. Гусев В. Вук Караджич и русская фольклористика // Русская литература – Л.: 1964. – № 2. – С. 149–165.

Работа Ю. И. Венелина "О характере народных песен..." в критике В. Г. Белинского и творчестве О. М. Бодянского – с. 154–156.

92. Гуца-Венелин в России // Костер. – Прага: 1946. – № 9. – С. 151–153.

Биографическая справка; указатель работ Ю. Венелина; материалы из русских, советских и болгарских энциклопедических изданий.

93. Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнародної наукової конференції. – Ужгород, 1992. – 328 с.

Конференция состоялась в Ужгороде 21–23 марта 1989 г.

94. Данилак М. Слов'янський з'їзд у Празі (1848) та українці // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 153–162.

95. Данилюк Д. Д. Оцінка творчої спадщини Ю. І. Гуца-Венеліна у вітчизняній історіографії // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 39–53.

96. *Данилюк Д. Д., Ілько В. І.* Деякі питання оцінки Ю. І. Венеліна у вітчизняній історіографії // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна / . – Ужгород, 1989. – С. 10–12.

97. *Деміна Е. І.* Ю. І. Венелін и болгарский литературный язык эпохи Возрождения // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна / . – Ужгород, 1989. – С. 76–78.

98. *Деміна Е. І.* Ю. І. Венелін и болгарский литературный язык эпохи Возрождения // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 247–254.

99. *Деміна Е. І.* Концепция Ю. И. Венелина по устройению болгарского литературного языка нового времени // Историко-культурные и социолитингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального Возрождения (конец XVIII – вторая половина XIX в.) / Тезисы докладов международной конференции (ноябрь 1993 г). – М.: 1993. – С. 7–13.

100. *Деміна Е. І.* Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии // Основные проблемы балканистики в СССР. – М.: 1979. – С. 246–259. (Балканские исследования. Вып. 5).

О работе Ю. Венелина см. с. 249–250.

101.* *Дем'яничук Ю. І.* Венелін среди болгар // Науч.-лит. сб. Галицко-русской матрицы. – Г. 65. – Львов, 1930. – Вып. 1. – С. 46–64.

102.* *Дем'яничук Ю. І.* Значение Юрия Ивановича Венелина в русской науке и литературе // На рубеже. – Львів, 1927. – № 3. – С. 23–24.

103.* *Дем'янчик Ю. И.* Мысли Ю. И. Венелина о споре южан с северянами // *Временник Ставропигийского ин-та на 1927.* – Львів, 1926. – С. 59–66.

104. *Денисюк Ю. І.* Південпослов'янський звичай “умикання” в інтерпретації Юрія Венеліна та українське весілля // *Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/.* – Ужгород, 1989. – С. 113–115.

105. *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России // *Сборник за народни умотворення и народопис.* – С.: 1914. – Кн. 29.
О Ю. Венелине см. с. 214–215.

106. *Державин Н. С.* История Болгарии. – М.–Л.: 1945. – Т. 1.

О Ю. Венелине см.: Теория славянского происхождения древних болгар, с. 153–157; Русско-болгарские литературные связи, с. 235–236.

107. *Дзедзелівський Й. О.* Ю. І. Гуца-Венелін про деякі питання освіти і правопису у східних слов'ян // *Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/.* – Ужгород, 1989. – С. 94–97.

108. *Димитров Г. Г.* Княжество България в историческо, географско и етнографическо отношение: В 3 части. – Пловдив, 1895. – Ч. 1. – 534 с.

Ю. И. Венелин, Н. Рилски, Н. Бозвели, с. 155–178.

109. *Динев П.* Български фолклор. – С.: 1959. – Ч. 1.

См.: Поглед върху историята на българската фолклористика.

О Ю. Венелине как фольклористе см. с. 77–85.

2-е издание: С.: 1972. – с.84–90.

110. *Динев П.* Книгописният отдел в една Венелинова книга // *Българска книга.* – С.: 1930. – № 4/5 – С. 424–427.

О книге Ю. Венелина “О зародыше новой болгарской литературы”.

111. *Динев П.* Юрий Иванович Венелин: Живот и дело // *Венелин Ю.* Избрани страници. – 2-е доп. изд. – С.: 1942. – С. 5–22.

*1-е изд.: С.: 1938. – С. 3–23.

112. *Довганич О. Д.* До питання про використання прогресивної спадщини вітчизняних діячів науки і культури у процесі патріотичного та інтернаціонального виховання молоді: На матеріалах життя і діяльності Ю. І. Венелина-Гуци // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венелина/. – Ужгород, 1989. – С. 50–53.

113. *Досталь М. Ю.* Ю. И. Венелин в русской периодике 40-х годов XIX века // Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венелина/. – Ужгород, 1989. – С. 73–75.

114. *Досталь М. Ю.* Ю. И. Венелин в русской периодике 40-х годов XIX века // Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 191–199.

115. *Дражев П.* Делото на Юри Ив. Венелин за братската дружба между българския и руски народ // *История и география.* – С.: 1963. – № 6. – С. 45–48.

116. *Дринов М.* Поглед върху произхождението на българския народ и началото на българската история // *Дринов М.* Избрани съчинения. – С.: 1971. – Т. 1.

Гл. V. Кратък преглед на няколко теории за произхождението на нашия народ. ... Райчо-Венелиновото учение, с. 120–121.

117. *Дроздов П. И.* Венгерские просветители в России – Янош Орлай и Юрий Венелин // *Дроздов П. И.* Вехи многовековой дружбы: К истории советско-венгерских связей. – М.: 1965. – С. 109–114.

Рецензия:

-Штернберг Я. И. Серьезные недостатки книги на нужную тему // История СССР. - М.: 1968 - № 1. - С. 227-230.

118. Дроснева Е. За мястото на Юрий Иванович Венелин в руската българистика // Първи международен конгрес по българистика. София, 23 май - 3 юни 1981: Доклади: Историята и съвременно състояние на българистиката. - С.: 1982. - Т. 1. - Ч. 3, кн. 1. - С. 253-260.

119. Дроснева Е. Д. Становление русской болгаристики: До середины XIX в. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л.: 1980. - 20 с.

Роль и значение деятельности Ю. Венелина.

120. Дроснева Е. Три етюда за Венелин // Известия на Българското историческо дружество. - С.: 1984. - № 36. - С. 201-207. - Рез. на фр. яз.

1. Венелин и Априлов. 2. Венелин срещу Шльоцер. 3. Венелин и българите.

121. Жизнеописание на Юрия Ивановича Венелина / Преведено от Н. Х. Палаузова. - Одесса: 1851. - 32 с.

Автор не указан.

Рецензии:

-//Одесский вестник. - Одесса, 1851. - № 90.

-//Цариградски вестник. - В, 64. - 8 дек. 1851 /С.Ф./.

122. Забунов И., Степанова Л. "Венелиновата библиотека" на българите в Одесса // Векове. - С.: 1976. - № 5. - С. 19-26.

См. также: Годишник на Народ. биб-ка "Иван Вазов". - Пловдив, 1983. - С. 55-64.

123. Задорожний В. Є., Петрище П. А. Радянська історіографія про зв'язки Закарпаття з Україною і Росією першої половини XIX ст. // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. - Ужгород, 1989. - С. 60-62.

124. Закарпатський музей народної архітектури і побуту: Путівник / М. В. Свереняк (ред.) та ін. – Ужгород: 1972.

На с. 32 – фотографія хати Ю. Венелина.

125. *Зилгалов В. А.* Источниковедческая база исторических работ Ю. И. Венелина // Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна /. – Ужгород, 1989. – С. 26–28.

126. *Зимомря Н. И.* Болгаристика в наследии Ю. И. Гуцы-Венелина и ее оценки в немецкой периодике 30 – 40 гг. XIX века // Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна /. – Ужгород, 1989. – С. 78–80.

127. *Зимомря Н.* Значимо слово за Венелин: Резултати от първата научна конференция в СССР, посветена на 150-годишнината от смъртта на Ю. И. Хуца-Венелин // Литературна мисъл. – С.: 1990. – Г. 34, № 3. – С. 169–171.

Итоги конференции в Ужгороде. 1989 г.

128. *Злыднев В.* Венелин Юрий Иванович // Краткая литературная энциклопедия. – М.: 1962. – Т. 1. – Стб. 912.

129. *Иванова Е.* Юрий Венелин като етнограф // Известия на Българското историческо дружество. – С.: 1984. – № 36. – С. 209–215. – Рез. на фр. яз.

130. Из записок человека: педагогические занятия в Москве (1832–1849), женское образование за этот период времени // Русский вестник – М.: 1878. – Т. 135. – № 6. – С. 533–566. (Подпись: Сто один).

Воспоминания о работе Ю. Венелина в должности инспектора в Александровском институте, с. 549–550.

131.* *Илиев И. П.* Юрий Иванович Венелин: По случай 100 години от смъртта му // Духовна култура. – С.: 1939. – № 3/4. – С. 91–95.

132. *Иловайский Д.* О славянском происхождении дунайских болгар: Посвящается третьему съезду русских археологов // Русский архив – М.: 1874. – Кн. 2. – Стб. 55–144.

О концепции Ю. Венелина по этому вопросу см. стб. 56–57.

133. *Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю. – М.: 1876. – с. 345–410.

О концепции Ю. И. Венелина, с. 346–347.

134. *Иовва И. Ф.* Передовая Россия и общественно-политическое движение в Молдавии: первая половина XIX в. – Кишинев: 1986.

Роль Ю. Венелина в развитии русско-молдавских отношений и молдавской культуры – с. 52–53; знакомство с П. Ганчевым в 1830 г. – с. 225–227.

135. *Иречек К.* История на българите: С поправки и добавки от самия автор / Под ред. проф. Петров П. Хр. – С.: 1978.

О Ю. Венелине см. с. 570–572.

Первое издание: **Jireček K.* Geschichte der Bulgaren. – Praha: 1876. – S. 537–539.

136. *Йонков Х.* Юрий Венелин // Приятели на българския народ. – С.: 1971. – Кн. 1. – С. 27–48.

137. *Каравелов Л.* Болгарская журналистика // Московские ведомости. – М.: 1862. – № 153. – 13 июля. – С. 1221.

Значение книги Ю. Венелина "Древние и нынешние болгаре..." для пробуждения национального сознания болгар; пересказываются несколько легенд болгар о Венелине.

138. *Кашула І. Ю.* До питання про філософські погляди Ю. І. Гуци-Венеліна // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 163–169.

139. *Кашула І. Ю.* Революційні демократи про Ю. І. Венеліна // *Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна /*. – Ужгород, 1989. – С. 13–14.

140. *Кашула І. Ю.* Философские взгляды Ю. И. Венелина-Гуцы // *Труды XXXV научной конференции: Секция марксистско-ленинской философии.* – Ужгород: 1981. С. 39–44. – Библиогр. с. 44. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР.

141. *Кеменяш Г. Г. Ю. І.* Гуца-Венелін і Тибава // *Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції.* – Ужгород, 1992. – С. 321–326.

142. *Кобилянська М. Ф.* Посереднє керування в інтерпретації Ю. І. Венеліна // *Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна /*. – Ужгород, 1989. – С. 118–119.

143. [*Кожухарова М. Н.*] Юрий Иванович Венелин: Българските земи през погледа на Юрий Венелин: лични впечатления на учения от пътешествието му през 1830 година. Превод М. Кожухарова // *Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век. Съставит., предговр, коментар и бележки М. Н. Кожухарова.* – С.: 1986. – С. 154–174.

Биографическая справка о Ю. Венелине; фрагменты работ: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина (Т.3); *Безсонов П.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию; *Венелин Ю. И.* О зародыше новой болгарской литературы.

144. *Климкова Л. М. В. Г.* Белінський про Ю. І. Венеліна // *Українське слов'янознавство.* – Львів: 1970. – № 3. – С. 100–106.

145. *Кобржицкая Т. В., Ковалева Р. М.* “Вождение куста” на Полесье в контексте балканских обрядов вызывания дождя // *Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції.* – Ужгород, 1992. – С. 296–301.

146. Коломинов В. В. Забытые экспедиции Российской академии // Известия Всесоюзного географического общества. – Л.: 1981. – Вып. 2. – С. 166–171.
Об экспедиции Ю. Венелина см. с. 169–170.
147. Коломинов В. Твій син, Верховино // Вітчизна. – К.: 1982. – № 9. – С. 205–207.
148. Коломинов В. “Тебе, Юрий Венелин...” // Альманах библиофила. – М.: 1982. – Вып. 17. – С. 273–276.
149. Конев И. Дело на Юрий Иванович Венелин в българистичните хоризонти на европейската славистична и балканистична наука от втората четвърт на XIX век // Литературна мисъл. – С.: 1990. – Г. 24, № 2. – С. 3–15.
150. Конев И. Приносът на Юрий Венелин в сравнителното изучаване на фолклора на южнославянските народи // Конев И. Ние сред другите и те сред нас: Балканистични студии. – С.: 1972. – С. 280–298.
151. Конев И. Юрий Иванович Венелин в развитии европейской болгаристики // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 64–70.
152. Константинов Г. Юрий Иванович Венелин // Константинов Г. Нова българска литература: От Паисий Хилендарски до наши дни. – С.: 1942. – С. 130–145.
153. Кончина Юрия Ивановича Венелина // Северная пчела. – Спб.: 1839. – 10 апр. – № 77. – С. 1–2.
154. Косев Д. Лекции по нова българска история. – С.: 1951.
См.: Ю. Ив. Венелин, В. Ев. Априлов. Откриване на Габровското училище в 1835 г., с. 71–76.
155. Косев Д. Новая история Болгарии: Курс лекций / Пер. с болг. Валева Л.Б. и др. Предисл. Частихина И. Н. – М.: 1952.

См.: Ю. И. Венелин, В. Е. Априлов. Открытие Габровского училища (1835), с. 131-140.

156. *Кочубинский А.* Граф С. Г. Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов // Вестник Европы. – Спб.: 1896. – № 7. – С. 165-196.

Венелин и учреждение славянской кафедры в Московском университете, с. 173-178.

157. *Кріль М. М.* Чеські художники і скульптори на Україні (кінець XVIII – середина XIX століть). // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції – Ужгород, 1992. – С. 315-320.

158. *Куглер К.* Юрий Иванович Венелин в Сегеде // Magyarok és Szlávok. – Szeged, 1993. – 301-306 old.

159. *Куля Ф. А., Долинч Й. Й.* Педагогічні погляди Ю. І. Гуци-Венеліна // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 307-314.

160. *Куля Ф. А., Мегела І. П.* Педагогічні погляди в контексті наукової спадщини Ю. І. Гуци-Венеліна // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 116-118.

161. *Куца О. П.* Сербські народні пісні в науковому осмисленні Ю. І. Венеліна // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 86-88.

162.* *Лаборчан [Крालицький А.].* Кое-что о нынешней Болгарии // Свет. – Унгвар (Ужгород), 1868. – № 19. – С. 2-3.
Роль Ю. Венеліна в изучении Болгарии.

163. *Лавров П. А.* Запись к Минее № 6 (32) из Одесского собрания рукописей В. Ив. Григоровича // Известия Отделения русского языка Академии наук. – Спб.: 1896. – Т. I, № 1. – С. 112–113.

Разбираются влахо-болгарские грамоты, изданные Ю. Венелиным.

164.* *Лазорик Ф.* На вулиці славного земляка в Софії: Присвячено 160-річчю з дня народження Ю. І. Венеліна (22 квіт. 1802 – 22 квіт. 1962) // Дукля. – Пряшів, 1962. – № 2. – С. 10–15.

165. *Лаптева Л. П.* Ю. И. Венелин и Московский университет // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 71–73.

166. *Лаптева Л. П.* Ю. И. Венелин и Московский университет // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 113–122.

167. *Леков Д.* Венелин и болгарская интеллигенция эпохи Возрождения // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 54–63.

168. *Линтур П. В.* Славяноведение XIX в. в Закарпатье // Вопросы русской литературы: Межведом. респ. науч. сб. – Львов, 1968. – Вып. 2 (8). – С. 54–64.

Обзор научного творчества Ю. Венелина см. на с. 57–60.

169. *Лисовий П. М.* Юрій Венелін, його доба і науково-літературне оточення // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 184–190.

170. Литературные новости // Московский вестник – М.: 1830. – Ч. 2. – № 23/24. – С. 390–402.

Цели и задачи путешествия Ю. Венелина в Болгарию.

171. Литературные новости // Московский наблюдатель. – М.: 1835. – Ч. 2. – № 5. – С. 151–152.

Научно-издательские планы Ю. Венелина.

172. Лукьяненко А. М. Культурно-историческая роль Болгарии в судьбах славянства вообще, России – в частности. – Киев, 1913.

О Ю. Венелине см. с. 19–20.

173. Лунина М. В. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина // Славянская филология: Сб. статей. – М.: 1951. – С. 108–123.

174. Мазурок О. С. Листи Ю. І. Венеліна до А. О. Краєвського як історичне джерело // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 35–37.

175. Мазурок О. С. Історія родини Венеліна у листах Ю. Жатковича до В. Гнатюка // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 147–152.

176. Макаров М. ["Еще мысль Венелина"] // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. – СПб: 1839. – № 25, 24 июня. – С. 539.

Воспоминания о встрече с Ю. Венелиным "года три тому назад" "на даче князя С. М. Голицына".

177. Марк иеромонах. В Даниловом монастыре // Журнал Московской патриархии. – М.: 1988. – № 12. – С. 20–21.

Открытие мемориальной доски Ю. Венелина в Даниловом монастыре в Москве в мае 1988 г.

178.* Мацінський І. Венелін (Гуца Юрій Іванович) // Дукля. – Пряшів, 1970. – № 6.

179. Медовичева Т.А. Болгаристические материалы в архиве Ю. И. Венелина // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських вза-

сюзв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 39–41.

180. *Мечев К.* Венелин Юрий Иванович //Кирило-методиевска енциклопедия. – С.: 1985. – Т. I. – С. 360–362. Библиогр. с. 362.

181. *Мечев К.* Юрий Иванович Венелин и вопрос о национальной принадлежности Кирилла и Мефодия //Bulgarian Historical Review – Sofia, 1978. – № 6. – P. 72–85.

182. *Мечев К.* Юрий Иванович Венелин и заслугите му към българския народ. //Руско-български връзки през вековете. – С.: 1986. – С. 146–159.

183. *Мечев К.* Юрий Иванович Венелин и украинско-българските културно-исторически връзки //Българско-украински връзки през вековете. – С.: 1983. – С. 181–189.

184. *Микитась В. Л.* Через гори і кордони: Культурні й літературні зв'язки Закарпаття з Україною та Росією у XIX-XX ст. /Відп. ред. М. П. Дешко. – Київ, 1977. – 47 с.
О Ю. Венелине см. с. 14–17.

185. *Минкова Л.* Историята на една история: Книгата на Юрий Иванович Венелин “Критические исследования об истории болгар” и нейният превод на български език, направен от Ботю Петков //Литературна мисъл. – С.: 1972. – № 6. – С. 82–96.

186. *Миньяр-Белоручева А. П., Комарова Э. П., Зимомря О. И., Степула Н. И.* Наследие Ю. И. Венелина в контексте становления отечественного славяноведения //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 109–111.

187. *Михова Л.* Международни научни сесии, посветени на

делото на Юрий Иванович Венелин и Васил Априлов // Литературна мисъл. – С.: 1990. – № 2. – С. 136–137.

188. *Молнар И.* Черты из частной и ученой жизни Ю. И. Венелина. – М.: 1846. – 79 с.

Оттиск из книги. См.: Часть I, № 21.

189. *Морошкин Ф.* /Рец. на кн.: 1. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. Два тома. М., 1829–1841. 2. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критические рассуждения Юрия Венелина. М., 1842. // Маяк. – Спб: 1842. – Т. 6. – Кн. 12, Критика. – С. 81–115.

190. *Морошкин Ф.* О сочинениях Ю. И. Венелина по славянской истории // Отечественные записки – Спб.: 1840. – Т. 12. – № 9/10, разд. 2. – С. 77–92.

191. *Москаленко В. А., Рудяков П. М.* Вивчення і пропаганда наукової діяльності Ю. І. Венеліна у південнослов'янських країнах // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 84–86.

192. *Москаленко В. А., Рудяков П. М.* Роль Ю. Венеліна в історії українсько-слов'янських культурних взаємин та вивчення його діяльності у Болгарії // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 71–77.

193. *Король І. Ф., Туряниця В. В., Фрідманська О. М., Кирлик Я. Ю., Чечур Г. Г., Луценко Н. Л., Бабич М. І., Брехлічук Л. О., Оленюк С. М.* Мотиви дружби народів у творчій спадщині Ю. І. Венеліна // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 101–102.

194. * *Мутафов С.* Значението на д-р Юрий Иванович Венелин за историята на българската медицина и антропология // Съвременна медицина. – С.: 1969. – № 9. – С. 499–501.

195. *Мутафов С.* Юрий Иванович Венелин за българския народ: По случай 135 години от смъртта му // Славяни. – С.: 1971. – № 3. – С. 14–15.

196. *Бабич М. И., Біров І. Й., Пойда С. С., Зейкан М. М., Сас К. Ф., Гагель Т. Е., Товт С. М., Сухолиткий О. С., Чуловський Б. С.* Наукова спадщина Ю. І. Венеліна в оцінці Івана Франка // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 106–107.

197. *Неделчев И.* Юрий Венелин и значението му за Българското възраждане: по случай 180 години от рождението му // Духовна култура. – С.: 1982. – № 7. – С. 24–31.

198. * *Недзельский Е.* Очерк карпаторусской литературы. – Ужгород, 1932. – 289 с.

О Ю. Венелине см. с. 107, 109, 118–123, 173, 191. Портрет – с. 119.

199. Некролог // Московский наблюдатель. – М.: 1839. – Г. 5, № 3, Ч. 2. Смесь. – С. 48–50.

200. *Никитин С. А.* Венелин Юрий Иванович // Советская историческая энциклопедия. – М.: 1963. – Т. 3. – С. 320–321.

201. *Никитин С. А.* Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. – М.: 1955. – Т. I.

О Ю. Венелине см. с. 496–497.

202. *Николов Б. Ю. И.* Венелин и новобългарската литература // Родна реч. – С.: 1979. – № 10. – С. 14–17.

203. *Николов В.* Юрий Ив. Венелин. По повод стогодишнината от рождението му (23 апр. 1802 – 1839) // Българска сбирка. –

С.: 1902. – № 5. – С. 312–328.

204. *Никулина М. В.* Ю. И. Венелин в русском славяноведении первой трети XIX в. (Проблематика славянских древностей) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* – М.: 1986. – С. 23–40.

205. *Никулина М. В.* Ю. И. Венелин: К 150-летию со дня смерти // *Советское славяноведение.* – М.: 1989. – № 3. – С. 72–77.

206. *Никулина М. В.* Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию: задачи и итоги // *Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна /.* – Ужгород, 1989. – С. 83–84.

207. *Німчук В. В.* Ю. Венелін (Гуца) – лінгвіст, фольклорист, етнограф // *Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції.* – Ужгород, 1992. – С. 255–285.

208. *Німчук В. В.* Закарпатоукраїнський діалект у науковій творчості Ю. І. Гуци-Венеліна // *Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна /.* – Ужгород, 1989. – С. 97–101.

209. О кончине Ю. И. Венелина // *Сын отечества.* – Спб.: 1839. – Т. 8, отд. V. – С. 20.

210. Открытие памятника Венелину // *Московские ведомости.* – М.: 1842. – № 104, 30 дек. – С. 793.

211. Открытие памятника Венелину // *Москвитянин.* – М.: 1843. – Ч. 1. – № 1. – С. 344.

212. Открытие памятника Юрию Ивановичу Венелину // *Маяк.* – Спб.: 1843. – Т. 9. – кн. 17, смесь. – С. 56–58.

213. Открытия г. Венелина //Телескоп. – М.: 1832. – № 10. – С. 270–278.

Список грамот XIV–XVII вв., собранных Ю. Венелиным в Болгарии, Молдавии и Валахии во время путешествия.

214. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 г. – М.: 1871. – С. 49–50.

Приобретение рукописей Ю. Венелина.

215. *Павленко Г. В.* Борьба Ю. И. Венелина против немецких историков-норманистов и их русских последователей //Ю. И. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. И. Венелина/. – Ужгород, 1989. – С. 17–19.

216. *Павленко Г. В.* Ю. И. Гуца-Венелин в контексте развития славистической науки своего времени //Ю. И. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 84–90.

217. [Павлов Н. Ф.] [NB. К этому грустному известию...] //Литературные прибавления к "Русскому инвалиду на 1839 г.". – Т. 1. – № 15, с. 324.

Публикация фрагмента письма писателя Н. Ф. Павлова к А. А. Кравецкому с описанием последнего дня жизни и похорон Ю. Венелина. Авторство устанавливается по работе Н. Савельева "Еще несколько подробностей" (см.: Часть II, № 252)

218. *Падык В. И.* Первые упоминания о Ю. И. Венелине на Родине //Ю. И. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. И. Венелина/. – Ужгород, 1989. – С. 93–94.

219. *Падык В. И.* Перші згадки про Ю. И. Венелина на Закарпатті – батьківщині вченого //Ю. И. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 210–216.

220. *Пальок В.В., Задорожний В.Є.* Деякі питання історії в працях Юрія Івановича Венелина // Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 133–139.

221. Памятник Юрию Ивановичу Венелину // Сын отечества. – Спб.: 1842. – Ч. 2. – № 3, смесь – С. 19–20.

Информация о доставке памятника из Италии в Одессу.

222. Памятник Юрию Ивановичу Венелину, воздвигаемый одесскими болгарами // Санктпетербургские ведомости. – Спб.: 1842. – 22 февр. – № 44. – С. 186.

223. *Панкратьев Л.* Филолог, историк, фольклорист Юрий Венелин // Днестр. – Кишинев: 1959. – № 9. – С. 143–146.

224. *Пенев Б.* Забравени уроци от миналото. 1. Д-р Селимински. 2. Венелин и българите // Съвременна мисъл. – С.: 1914. – № 6. – С. 82–85; 1915 – № 4. – С. 594–597.

225. *Пенев Б.* Юрий Иванович Венелин // *Пенев Б.* История на новата българска литература: Българска литература през първата половина на XIX век. – С.: 1933. – Т. 3. – С. 583–639.

Переиздание: С.: 1977. – Т. 2. – С. 439–482.

226. *Перетц В.* Венелин Юрий Иванович, известный славист // *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Спб.: 1897. – Т. 5. – С. 231–240.

227. *Песчани Д. Г.* Юрий Иванович Венелин в национално-культурното възраждане на България // Исторически преглед. – С.: 1969. – № 1. – С. 94–102.

228. *Пешаков Г. Д.* Ридание на смъртта Ю. И. Венелина // Любославне. – Смирна: 1844. – Т. I. – № 1, апр. – С. 14.
Стихи на смерть Ю. Венелина, написанные 12 июня 1839 г.

229.* *Полянський П.* Юрій Венелін. Малорос, отродитель

Болгарії: Літ. нарис //Сб. лит.-гуманістичний. – Львів, 1889. – С. 51–70.

230. *Поп В. С.* Традиції Ю. І. Венеліна в фольклористиці Закарпаття //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 91–93.

231. *Поп И. И.* Венелин и проблема национального самосознания закарпатских украинцев (русин) //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 55–56.

232. *Поп И. И.* Ю. И. Венелин и проблема национального самосознания закарпатских украинцев (русин) //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 140–146.

233. *Попов А. В.* Юрий Иванович Венелин //Карпаторусские писатели: Очерки жизни и творчества. – Мукачево: 1931. – С. 89–95. – Порт.

234.* [*Попов А. В.*] Гуца-Венелин (А. П.) //Народна школа. – Мукачево: 1922. – № 6. – С. 7.

235. *Попович В. Д.* Культурная деятельность угророссов в России на рубеже 18–19 веков //Молодая Русь. – Прага: 1931. – № 5/6. – С. 19–22; № 7/8. – С. 9–13.

236.* *Попруженко М. Г.* Ю. И. Венелин и неговото значение в историята на българското възраждане //Православен проповедник. – С.: 1902. – № 8. – С. 86–92; № 9. – С. 102–106.

237. *Попруженко М. Г.* Из заметок по истории болгарского возрождения //Известия на Народния етнографски музей. – С.:

1923. – Г. 36, кн. 1–2. – С. 5–19.

О Ю. Венелине в Кишиневе, с. 8–9.

238. * *Попруженко М. Г.* По поводу столетия со дня рождения Ю. И. Венелина // *Задружен труд*. – 1902. – Кн. 8. – С. 764–766.

239. *Попруженко М. Г.* Русия и Българското възраждане // *Българска историческа библиотекa* – С.: 1928. – Г. 1, Т. 3. – С. 130–147.

О Ю. Венелине см. с. 135–138.

240. *Попруженко М. Г.* Юрий Иванович Венелин: По случай 100 години от появата на книгата му за българите // *Българска историческа библиотека* – С.: 1929. – Г. 2, № 2. – С. 160–173.

241. *Потапенко Е. К.* Ю. И. Венелин и неговата роля за развитието на българското просветно движение // *Народна просвета*. – С.: 1973. – № 6. – С. 107–111.

242. *Потапенко Е. К.* Юрий Иванович Венелин и българският народ // *Исторически преглед*. – С.: 1978. – Кн. 6. – С. 102–106.

243. *Прийма Ф. Я.* Из истории создания “Песен западных славян” А. С. Пушкина // *Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.* – М.–Л.: 1963. – С. 95–123.

О знакомстве Ю. Венелина с А. С. Пушкиным см. с. 105.

244. *Пытин А. Н.* История русской этнографии. – Спб.: 1890. – Т. 1.

Оценка научного творчества Ю. Венелина, см. с. 362–363.

245. *Пытин А.* Новые данные о славянских делах // *Вестник Европы*. – Спб.: 1893. – № 6.

О Ю. Венелине см.: Гл. I. М. П. Погодин в 1820-х годах, с. 717–724; Гл. II. Путешествие Венелина в Болгарию, с. 724–743.

246. *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. – 2-е изд. – Спб.: 1879. – Т. 1.

О Ю. Венелине см.: Гл. I. Болгары. Раздел 2. Века турецкого ига и

начало возрождения, с.110-113.

См. также: **Pupin A.N., Spasovič V.D.* Historie literatur slovanských. – Pr.: 1880. – S. 92-95.

247. *Розанов П. Г.* Памяти доктора Ю. И. Венелина: 1802-1902 – М.: 1902. – 8 с.

248. Роковини уродин Юрія Гуци (Венеліна) // Літературно-наук. вістн. Від. наук. т-во ім. Т. Г. Шевченка. – Львів, 1902. – Р. 5, Т. 18. Хроніка і бібліогр. – С. 21-26.

249. *Россиев П.* Забытые могилы на кладбище Данилова монастыря // Исторический вестник – Спб.: 1906. – № 6.
О памятнике Ю. Венелину см. с. 830.

250.* *Рубий Й. М.* Юрий Иванович Венелин // Свет. – Унгар (Ужгород): 1868. – № 4. – С. 2-3; № 5. – С. 3; № 6. – С. 1-3; № 7. – С. 1-3; № 8. – С. 1-3.

251. “Русский ученый мир...” // Галатея. – М.: 1839. – Ч. 2, № 16. Хроника. Без пагинации.
Описание похорон Ю. Венелина. Заметка датирована 20 апреля.

252. *Савельев Н.* Еще несколько подробностей о жизни и сочинениях Юрия Ивановича Венелина // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду” на 1839 год. – Спб.: 1839. – 27 мая. – Т. I, № 21. – С. 447-451.

253. *Савельев Н.* Юрий Иванович Венелин: некролог // Литературные прибавления к “Русскому инвалиду” на 1839 год. – Т. I, № 15 апр. – С. 322-324.

254. *Савельев-Ростиславич Н. В.* Славянский сборник. – Спб.: 1845. – ССXXXIX с. – (Прилож. к журналу “Маяк” – Спб.: 1845, Т. 21, кн. 41).

255. *Савов.* Чествуване 100-годишнината от рождението на Юрия Ивановича Венелина в София // Училищен преглед. – С.:

1902. – Г. VII, кн. XI. – С. 868–871.

256. *Сак Ю. М.* Закарпатские слависты первой половины XIX в. // Узловые вопросы советского славяноведения: Тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной науч. конф. историков-славистов. – Ужгород: 1982. – С. 348–349.

Ю. Венелин как один из первых славистов.

257. *Свенцицкий И. С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в I-ю половину XIX в. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук – СПб: 1906. – Т. II, кн. 3. – С. 259–367.

О деятельности Ю. Венелина см. с. 297–300 и 344–347.

258. *Свенцицкий И. С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в I-ую пол. XIX в. – СПб: 1906. – 109 с.

О деятельности Ю. Венелина см. с. 39–42.

259. *Свенцицкий И. С.* Юрій Іванович Гуца-Венелін // Свенцицкий И. С. Нариси з історії болгарської літератури. – Львів, 1957. – С. 99–117.

260. Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. – М.: 1988.

О Ю. Венелине см. с. 44, 58–61, 83, 101, 115, 117, 126–129, 135–141, 149, 286.

261. Слов'янська фольклористика: Нариси розвитку: Матеріали. – Київ, 1988.

О Ю. Венелине см. с. 51–54; Фрагмент его работы "О характере народных песен..." – с. 259–260.

262. *Смирнов А.* О "Слове о полку Игореве": 1. Литература Слова со времени открытия его до 1876 г. – Воронеж, 1877.

Ю. И. Венелин о "Слове о полку Игореве", с. 93–94.

263. *Соколов Е. И.* Бумаги Ю. И. Венелина, хранящиеся в библиотеке имп. Общества истории и древностей российских // Чтения Общества истории и древностей российских – М.: 1899. –

Кн. 3. Материалы историко-литературные. – С. 1–20. Имеется отгиск.

Рецензия:

–Шишманов И. //Български преглед. – С.: 1899–1900. – № 5. – С. 99–106.

264. *Соколов Е. И.* Бумаги Ю. И. Венелина // *Соколов Е. И.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. – М.: 1905. – Вып. 2. – С. 565–596.

265. *Співак Б. І.* Венелін Юрій Іванович // *Радянська енциклопедія історії України.* – Т. I. – Київ, 1969. – С. 261; порт.

266. *Стахович М. А.* Из бумаг Александра Николаевича Попова: Письма М. А. Стаховича // *Русский архив.* – М.: 1886. – № 3 – с. 328–329.

Оценка книги Ю. Венелина "Древние и нынешние болгары". Письмо не датировано.

267. *Стоилов Хр. П.* Дейност на Венелина по българския фолклор // *Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София.* – С.: 1905. – Г. 17, св. 5/6. – С. 345–389.

Имеется библиография литературы о Ю. Венелине, часть которой из-за труднодоступности для визуальной проверки в настоящий указатель не включена.

268. *Стойкова С.* Вклад ученых России в развитие болгарской фольклористики XIX в. // *Русский фольклор.* – М.–Л.: 1963. – Т. 3. Народная поэзия славян. – С. 273–287.

269. *Стоянов В. Д.* Спомен за Венелина – по случай на 50-годишния период от смъртта му // *Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец.* – Средец: 1889. – Кн. 28–30. – С. 807–812.

270. *Сухомлинов М. И.* Болгарская грамматика, составленная Венелиным // *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. – Спб: 1888. – Вып. 8. – С. 293–307.

Публикация отзыва Рассмотрительного комитета Российской академии

"О рассмотрении болгарской грамматики Венелина". 1837 г.

271. *Сухомлинов М. И.* Филолого-критическое объяснение гуннских имен Венелина // *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. – СПб: 1888. – Вып. 8. – С. 307–310.

Публикация отзыва Рассмотрительного комитета Российской академии "О рассмотрении сочинения г. Венелина "Филолого-критическое объяснение гуннских имен". 1837 г.

272.* *Тарасјев А.* Три серпске народне песме у књизи Венелина из 1835 године // Прилози за књижевност, език, историју и фолклор. – Београд, 1976. – Кн. 42, св. 1–4. – С. 262–269.

273. *Теодоров А.* Към историята на българския език: българският книжовен език и правопис // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец. – Средец: 1890. – Кн. 34. – 511–541.

Ю. Венелин о болгарском языке.

274. *Тиводар М. П.* Питання етнічної історії Закарпаття у працях Ю. І. Венеліна // Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 49–50.

275. *Тимошенко П.* Юрій Венелін // Літературна газета – Київ: 1959. – 28 квіт.

276. *Тодоров Д.* Юрий Ив. Венелин и проблемите на българската етнография през Възраждането // Българска етнография. – С.: 1986. – Г. XI, кн. 3. – С. 53–65.

277.* *Тодоров П.* Юрий Венелин // Новая Болгария. – С.: 1954. – № 8.

278. *Унджиева Ц.* Документи по българското възраждане в съветските архиви // Известия на Института за литература – С.: 1962. – Кн. 12. – С. 115–174.

Письмо А. Априлова к Ю. Венелину от 7 июня 1838 г.; письма В. Априлова и Н. Палаузова к Ю. Венелину от 10 дек. 1837 г., 16 марта, 13 апр., 22 июня, 1 дек. 1838 г.; письмо А. Кипиловского к Ю. Венелину от 17 февр. 1838 г.

279. *Усачева В. В.* Ю. И. Венелин и первые шаги славянской этнографии // Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. И. Венелина/. – Ужгород, 1989. – С. 107–108.

Ошибочно указан соавтор: Т. Э. Гагель.

280. *Усачева В. В.* Ю. И. Венелин и первые шаги славянской этнографии // Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 286–295.

281. *Федорищев В. Е.* Из истории славянских фольклорных фальсификаций // Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 302–306.

282. *Феерчак П. И.* Очерк жизни и трудов Юрия Ивановича Венелина // Одесский вестник – Одесса: 1878. – 16 мая – № 109; 17 мая – № 110.

Также: – // Одесский славянский сборник. Речи и сообщения в торжественных собраниях 11 мая в день св. Кирилла и Мефодия 1878, 1879 и 1880 гг. – Одесса: 1880. – С. 20–34.

Перевод на болг. яз.: – // Славянско братство. – Букурешт: 1878. – Г. I, кн. 7. – С. 59–60; кн. 8. – С. 66–67; кн. 9. – С. 76–77; кн. 10. – С. 83–84; кн. 12. – С. 94–95.

283. *Филкова П. А. Х.* Востоков и българският език: По случай 180 години от рождението му – 1781–1864 // Български език. – С.: 1961. – Кн. 5/6. – С. 552–561.

О Ю. Венелине см. с. 559–561.

284. *Фомин С. Ю. И.* Венелин – историк, этнограф, языковед // Дружба народов. – М.: 1982. – № 4. – С. 268–269.

285. *Фролова М. М.* Ю. И. Венелин и А. Д. Чертков // Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 15–17.

286. *Фролова М. М.* Ю. И. Венелин и А. Д. Чертков // Ю. И. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 200–209.

287. *Халеви М. А., Братеску Г.* Врач и историк Ю. И. Венелин – основатель русско-болгарских и русско-румынских культурных отношений //Советское здравоохранение. – М.: 1984. – № 8. – С. 85.

288. *Цанев Д.* Ю. Венелин и българската възрожденска историография //Известия на Българското историческо дружество. – С.: 1984 – № 36 – С. 193–200. – Рез. фр.

289. *Цанев Д.* За българите: Чуждата историческа българистика през XVIII – XIX век. – С.: 1981.

О Ю. Венелине см.: Гл. 2. Българската тема в руската и чешката историография през XVIII – XIX в. (до 1878 г.) – с. 80–95.

290. *Цанев Д.* Основни направления в българската историография през първата половина на XIX в. //Известия на Българското историческо дружество. – С.: 1974. – Кн. 29. – С. 89–98. – Рез. фр.

О Ю. Венелине см. с. 92–94.

291. *Ценов П.* Юрий Иванович Венелин (1802–1902) //Летопис на Българското книжовно дружество в София. – С.: 1902–1903. – Г. 4., № 2/3. – С. 67–69.

292. *Чемоданова М. Г.* Юрий Венелин и некоторые вопросы развития болгарской литературы эпохи национального возрождения //Ю. И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 69–71.

293. *Чемоданова М. Г.* Юрий Венелин и некоторые вопросы развития болгарской литературы эпохи национального возрождения //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 175–183.

294. *Черейский Л. А.* Венелин Юрий Иванович //Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л.: 1975. – С. 63.

295.* *Чолаков Р.* Венелин и нашето възраждане //Развитие. – С.: 1919. – Г. 2. – 10 окт.

296. *Чолаков Р.* Към биографията на Венелина //Родина. – С.: 1938–1939. – № 3. – С. 166–167.

297. *Чолаков Р.* Юрий Ив. Венелин за народността на св. Кирила и Методия //Духовна култура. – С.: 1942. – № 9/10. – С. 257–260.

298. *Чорний В. П.* Венелин (Гуца) Юрий Иванович //Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М.: 1979. – С. 98–99.

299. *Чорний В. П.* Юрій Венелін і Львівський університет //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 108–112.

300. *Чорний В. П.* Юрій Венелін (Гуца) і Львівський університет //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 41–43.

301. *Чумак В. Г.* Петро Могила в оцінках Ю. І. Венеліна та сучасної української історичної романістики //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 124–126.

302. *Чумак В. Г.* Постаць Петра Могили в оцінці Ю. І. Венеліна і в романі К. Басенка "Початок" //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 217–226.

303. *Чумак Т. М.* Традиції Ю. І. Венеліна в літературі Закарпаття середини XIX века //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 88–91.

304. *Чуркина И. В.* Ю. И. Венелин как исследователь истории словенцев //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 123–132.

305. *Чуркина И. В.* Изучение Ю. И. Венелиным словенской историографии //Ю. І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків /Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. І. Венеліна/. – Ужгород, 1989. – С. 14–15.

306. *Шевченко Ф.П.* Роль Закарпаття в загальноукраїнському історичному процесі //Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 29–38.

307. *Шишманов И. Д.* Венелиновите книжа в Москва: По повод на една близка юбилейна дата //Български преглед. – С.: 1897. – Г. 4, кн. 8. – С. 17–18; кн. 9. – С. 36–70; С.: 1898. – Г. 5, кн. 10. – С. 35–51.

Опубликовано также: *Шишманов И. Д.* От Паисий до Раковски. – С.: 1943. – С. 170–216.

308. *Шишманов И. Д.* Десетгодишнината на Сборника. 1889–1899 //Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. – С.: 1900. – Кн. 16/17. – С. V–XVIII.

О публикации двух писем Ю. Венелина В. Априлову в кн. I "Сборника" (1889 г.) см. с. V–X.

309. *Шишманов И.* Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологиите на името "българин" // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. – С.: 1900. – Кн. 16/17. – С. 505–753.

Гл. III. Венелин и неговата школа, с. 533–543.

310. *Шишманов И. Д.* Към историята на Венелиновия паметник в Москва // Сборник на Българската академия на науките. – С.: 1926. – Кн. 21. Клон историко-филологичен и философско-обществен. 13. – С. 53–61.

311.* *Шишманов И. Д.* Първата среща на Априлов с Венелина // Литературно-научен сборник. – Кюстендил, 1900. – С. 73–82.
Отделно издание: *– Кюстендил, 1898. – 12 с.

312.* *Штернберг Я.* Венелин Ю. I. // За більшовицькі кадри. – Ужгород, 1952. – 1 трав.

313. *Штернберг Я. И.* Венгерская Венелиана // Ю. I. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків / Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю. I. Венелина / . – Ужгород, 1989. – С. 21–22.

314.* *Штернберг Я. I.* Закарпатці в оточенні Пушкіна // Дукля. – Пряшів: 1984. – № 2. – С. 65–70.

315.* *Штернберг Я.* Закарпатці в оточенні Пушкіна // Закарпатская правда. – Ужгород, 1985. – 1 груд.

316. *Шульга І. Г.* Розвиток історичної думки на Закарпатті в добу феодалізму // Ю. I. Гуца-Венелин і слов'янський світ: Матеріали Міжнарод. наукової конференції. – Ужгород, 1992. – С. 101–107.

317. *Шумада Н. С.* Венелин Юрій Іванович // Українська літературна енциклопедія. – Київ: 1988. – Т. 1. – С. 287.

318. *Шумада Н. С.* Ю. I. Венелин як збирач і дослідник укра-

їнського фольклору // Народна творчість та етнографія. – Київ, 1961. – № 4. – С. 71–78.

319. *Шумада Н. С.* Роль Ю. І. Венеліна у становленні болгарської фольклористики // *Шумада Н. С.* Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки. – Київ, 1963. – С. 19–36.

320. *Шумада Н. С.* Украинско-болгарские фольклористические связи: Период Болгарского Возрождения: Автореф. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Киев: 1962.

Гл. I. посвящена характеристике деятельности Ю. Венелина. См. с. 5–8.

321. *Шумада Н.* Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки: Період болгарського відродження. – Київ, 1963. – 164 с.

О Ю. Венелине см. с. 37, 39–41, 63–64, 92.

322. Юрий Венелин // Известия Спб. Славянского благотворительного общества. – Спб: 1903. – № 4: Хроника. – С. 55–56.

Торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Ю. Венелина: София, Славянская беседа. Октябрь 1902 г.

323. Юрій Іванович Венелін-Гуца (1802–1839): Бібліографічний покажчик / Уклад.: О. Д. Закривидорога, М.-І. Г. Люта, Л. А. Мельник, Т. В. Туренко; вступ. ст.: І. М. Гранчак, М. І. Зимомря; відп. ред.: Я. І. Штернберг, Л. О. Мельник. – Ужгород: 1989 – 91 с.

324. *Яворский Ю. А.* Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности. – Прага: 1930. – 20 с.

Бібліографія работ о Ю. Венелине (20 назв.) – см. с. 15–16. Несколько позиций в этом списке трудно расшифровываются и не учтены ни в одной из просмотренных мной библиографий, посвященных Ю. Венелину.

325. *Ягич И. В.* История славянской филологии. – Спб.: 1910. – Вып. I. (История славянской филологии).

О Ю. Венелине см. с. 449–456, а также – 214, 311, 437, 443, 447, 448, 510, 533.

326. *Япончев Д.* Човек – епоха: 180 г. от рождението на Юрий Венелин // Софийска правда. – С.: 1982. – № 150 – 22 дек.

327. *Яцимирский А.* Венелин Юрий Иванович // Новый энциклопедический словарь. Под ред. Арсеньева К. К. – Спб.: б/г. – Т. 10. – Стб. 106–108.

328.* *Bajcura T. P. J. Šafárik a J. I. Venelin* // Sb. Šafárikovský venovaný z príležitosti 100 vyročia smrti P. J. Šafárika. – Br., 1961.

329.* *Haraksim L. J. Huca-Venelin a slováci* // Sb. filozofickej fakulty Univerzity Komenského. – Br.

330.* *Hartl A.* Písemnictví Podkarpatských Rusinů // Československá vlastivěda. Díl. VIII. Písemnictví. – Pr., 1933. – S. 237–290.

331.* *Jordan J. P.* Der Slawist Wenelin // Ost und West, Jg. 1839.

332.* *Lehoczky Tivodar.* Beregvámegye monográphiája. II köt. Ungvar, 1881. Venelin Ivavies György. 162–164. old. III köt. Ungvar, 1881. Nagy Tibava 762–763 old. Szkotárszka, 852 old.

333.* *Schedel D. (Toldy F.).* Venelin s a moszkvai történeti iskola / Olvastatott az akademi kis gyűlésében, jan. 11, 1841 // Athenaeum. 1841. 1222 sz. 337–342, 23 sz. 355–357 old.

Ю. Венелин и московская школа. Доклад на малом заседании Венгерской академии наук.

334. *Simiczijew K.* Z dziejów zbieractwa macedońskich ludowych pieśni bohaterkich // Lud. – Wrocław-Poznań, 1972. – T. 56. – S. 221–233.

О Ю. Венелине см. с. 224–225.

См. также: Часть I – №№ 2 (рец.), 45, 50, 51, 55, 61, 62, 65.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	3
<i>М. Г. Смольянинова.</i> Юрий Венелин и болгарская литература эпохи национального Возрождения.....	5
<i>Г. Д. Гачев.</i> "Древние и нынешние болгаре" Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф.....	27
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Ю. И. Венелин о болгарском языке.....	52
<i>Е. И. Демина.</i> О первом опыте кодификации болгарского литературного языка эпохи Возрождения. Концепция Ю. И. Венелина....	84
<i>М. В. Никулина.</i> Путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России.....	122
<i>В. В. Ишутин.</i> Юрий Иванович Венелин (1802–1839): Биобиблиографический указатель литературы за 1828–1994 гг.	148

**Ю. И. ВЕНЕЛИН
В БОЛГАРСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ**

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 10 сентября 1996 г. Усл. печ. л. 13.

Тираж 200 экз. Заказ № 7. Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС.
129164, Москва, Маломосковская, 8

91698

RU